

[На главную](#)

Сергей Родин

ХИМЕРА

ПОХИЩЕНИЕ РУСИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

"украинцы": их происхождение,

подлинная история и реальное настоящее

Курск: «Святогор», 2002

«Помните, наши родные слова - Русь и русский. И обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было крещение Руси, а не крещение Украины. Киев - это второй Иерусалим и мать русских городов. Киевская Русь была вместе с великой Россией. Киев без великой России и в отдельности от России невыносим ни в каком и ни в коем случае.»

Поляков понуждали завоевывать Русь. Православных теснили и притесняли со всех сторон. Очень не нравились слова: Русь и русский, поэтому назвали завоеванные поляками русские земли сначала Малороссией. Потом опомнились, что здесь есть слово "рос", и переименовали Окраиной. Слово "окраина" - это позорное и унижительное слово! - Какая окраина?! Чего и почему окраина, когда за этой мнимой окраиной находятся другие страны и государства?! И позже узаконили нам слова "Украина" и "украинцы", чтобы мы охотно забыли свое название "русский" и навсегда оторвались от святой и православной Руси».

Преподобный Лаврентий Черниговский

Родин С. Химера. Историческое расследование. «Украинцы»: их происхождение, подлинная история и реальное настоящее. – Курск: «Святогор», 2002, 143 стр.

Предлагаемая читателю брошюра посвящена «украинскому вопросу», обретшему в последнее время особую актуальность. Почему и когда Малороссия стала «Украиной», а населявшее ее Русское население «украинцами»? причины, обусловившие появление «мовы»? – на эти и многие другие вопросы отвечает автор «Химеры». Отвечает точно и доказательно, строго следуя историческим источникам, смело разоблачая те нагромождения лжи и исторических фальсификаций, которые скопились за более чем двухсотлетнюю историю украинства и созданной им идеологии самостийничества. Правда и только правда, какой бы горькой она не была, вот творческое кредо автора и это бесстрашие придает особую убедительность его аргументации.

Но труд его отнюдь не ограничен простым разоблачением сложившихся мифов. Автор идет гораздо дальше и предлагает собственную оригинальную концепцию происхождения «украинцев» и государственного феномена «нэзалэжной Украины», опираясь при этом на последние достижения современной науки о закономерностях рождения и формирования этнических общностей (народов), как самостоятельных субъектов исторической деятельности. Наличие этой концепции отличает «Химеру» от всего, что ранее публиковалось по украинской теме.

Еще одним достоинством авторского видения проблемы является то, что оно не ограничено экскурсами в прошлое. История для автора – мост, связывающий в единое целое давно минувшие эпохи с событиями текущего периода, с присущей ему непримиримой борьбой различных политических, этнических и социальных сил. Подобный подход придает особую злободневность защищаемым автором теоретическим положениям и, несомненно, вызовет самый горячий отклик у читателей, небезразличных к судьбам Родины в один из переломных моментов ее истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОХИЩЕНИЕ РУСИ

Глава 1. Загадка происхождения «украинцев»

Три фундаментальных вопроса «украинской проблемы». – Неразрешимость загадки происхождения «украинцев» для современных Русских политологов и историков. – Наиболее типичные ошибки в оценке самостийничества. – Путаница терминов: великорусско-малорусско-белорусская триада, ее искусственность и ложность. – В Киевской Руси «украинцев» не было: летописные свидетельства.

Глава 2. Еще одна загадка: укромва

Украинский новояз – не самостоятельный язык, а русско-польский диалект. – Языковой террор: внедрение «мовы» как средство денационализации Русских. – Четыре кампании по украинизации Малороссии в XX в. – Современный этап совершенствования «мовы»: дальнейшая ее полонизация.

Глава 3. Русские друзья «украинцев» и их роль

в расчленении Русской Нации

Ложность концепции В. Кожина: в Польско-Литовском государстве (XIV-XVI вв.) «украинцы» не существовали – свидетельство источников. – Трагедия Русских, насильно превращенных в «украинцев». – Разоблачение самостийничества дореволюционной и эмигрантской историографией.

Глава 4. Украинская ненависть: магистральный

вектор – Русские

«Украинцы» вживую – прямой антипод того слащаво-книжного прототипа, который нам навязывается. – Переписи населения Малороссии как важнейшее средство этнического геноцида Русских. – Антирусский террор в Малороссии и организации, таковой осуществляющие; неотъемлемая его часть – террор против православных. – Украинская школа: формирование у детей «образа врага» в лице России и Русского Народа.

Выводы

1. Настоящий реальный «украинец» – всегда ненавистник и злобный отрицатель всего Русского, непримиримый враг Русской Нации, Русского государства и Русской культуры.

2. Этноним «украинский народ» обозначает не самостоятельный этнос, а этническую химеру, возникшую как результат духовно-психологической и культурной мутации незначительной части Русского Народа под воздействием агрессивной экспансии католического Запада.

В исторической реальности никогда не было «русификации украинцев», а имела место многовековая насильственная украинизация Русского населения Малой России. Она-то и обусловила появление в XX веке укрмовы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИДЕОЛОГИЯ ХИМЕРЫ

Глава 5. Правда – это ложь. Шедевр украинской

историографии и его верные последователи :

Катехизис самостийничества: «История Русов». – Профессор Костомаров: апологет и популяризатор идей этого «мутного источника». – Методы и приемы украинского мышления: самогипноз. – Украинская история О.Субтельного: знать, не зная. – Становой хребет украинской идеологии: двоемыслие. – Незнание – сила!: виртуальное прошлое «украинской нации». – Правда – это ложь. Ложь – это правда!: украинская публицистика как рассадник массового безумия. П.Черемис, С.Плачинда, А.Дубина. – «Украинский вопрос» в Русской эмиграции: половинчатое прозрение. «Неизвращенная история...» А.Дикого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОХИЩЕНИЕ РУСИ.

"Мы живем в удивительное
время, когда создаются искусственные
государства, искусственные народы и
искусственные языки"

П.Е.Казанский

Глава 1. Загадка происхождения «украинцев»

Современная Русская публицистика не обходит вниманием "украинскую тему". Однако, касаясь тех или иных ее *частных* сторон, с загадочным упорством избегает постановки вопросов, позволяющих правильно осмыслить проблему *в целом*. А именно:

- время возникновения "украинской нации"? территория ее расселения? что представляет собой "украинец" как этнический тип? иерархия его ценностей, его мировосприятие, религия, отличительные черты? (Все это, конечно, при условии того, что мы признаем существование в качестве самостоятельного исторического субъекта отдельного "украинского народа". Если же таковой - лишь часть народа Русского, то требуется раскрыть подлинное содержание этнонимов "украинцы", "украинская нация" и охарактеризовать то человеческое сообщество, которое себя так называет, с указанием времени и причин его возникновения на Русской земле). Далее:

- феномен "украинской культуры": что, собственно, под нею понимается? в какую эпоху и под воздействием каких факторов она складывалась? роль "мовы" в этом процессе?

- и, наконец, самое существенное: отношение "украинцев" к Русским и России? на чем основано, чем вдохновляется? как конкретно преломляется в политике "самостийной и нэзалэжной Украины"?

Без *точного знания* этого невозможно постигнуть глубинную сущность украинства и сформировать продуманную политику в отношении самостийничества. Тем не менее, отмеченные выше проблемы откровенно игнорируются нынешними Русскими политологами, в своем большинстве не выходящих из порочного круга сослагательных предположений на тему того, что "неплохо было бы, если...". А для пущей убедительности эта гадательная схоластика обильно сдабривается дружным рефреном: "но чтобы ни случилось, украинцам и русским, Украине и России следует дружить" ... "они просто обречены на это" ... "так распорядилась История" ... "совместное проживание" ... "обоюдные экономические выгоды" ... "общие геополитические цели" ... "единое культурное пространство" и тому подобный набор набивших оскомину *благих пожеланий* без малейшей попытки разобраться: почему же *ни одно* из них не воплощается в реальной действительности современных "российско-украинских" отношений, не выходящих, как известно, из состояния "холодной войны" с момента провозглашения "Украинской ССР" самостийной и нэзалэжной. И это при полной, граничащей с самоуничижением лояльностью РФ к своему недружелюбному соседу, при *дармовых* поставках Русских газа и нефти, существенная часть которых нагло разворовывается и перепродается за рубеж.

Но все сходит с рук, никак не могут Русские определиться в отношении нахального и жадного "младшего брата", распоряжающегося Русским добром как своим собственным Да и может ли быть иначе при существующей аморфности и расплывчатости в оценке украинства, суть которого до сих пор не выяснена и отношение к которому не выработано? Причем "невыработанность" эта присуща не только политике правящего сегодня в Российской Федерации режима (его-то она по вполне понятным причинам как раз и устраивает), но и Русской оппозиции, ему противостоящей. Однако завтра, оказавшись у власти, она встанет перед необходимостью *принимать решения* по целому ряду внешнеполитических направлений и "украинское" среди них будет едва ли не главным. А значит, уже сегодня следует уяснить себе: кто же такие "украинцы", чего стремятся достигнуть и почему именно в Русских видят главное препятствие на своем историческом пути.

Конечно, попытки выработать некий целостный подход к "украинцам" и их нынешней государственности имеют место в современной Русской политологии, но всем им свойственны противоречивость, терминологическая путаница и - что наиболее удручает! - явно просматриваемая зависимость от русофобских схем так называемого "украинского национализма".

Чтобы убедиться в наличии этой зависимости, мы рассмотрим взгляды на украинскую проблематику некоторых современных авторов, выбранных в общем-то случайно, ибо самостийничество не является их специализацией, но тем как раз и интересных, что выражают они *расхожее мнение* об украинстве с типичным набором свойственных ему заблуждений, недомолвок, логических несуразиц и упрямого игнорирования реального исторического процесса, обусловившего появление "украинцев" и их идеологии.

Так, М. Назаров в своей книге "Историософия Смутного времени" рассуждение об украинстве строит на двух взаимоисключающих подходах. С одной стороны, самостийничество для него - лживая, искусственная доктрина, не имеющая под собой ни национальной, ни исторической почвы. Возникновение ее обусловлено чисто внешними факторами, материальной и политической поддержкой геополитических противников России, стремившихся путем выделения искусственной этнической общности "украинцев" оторгнуть от России ее южные территории. Население Малороссии никакого отношения к этой подрывной акции не имело и само себя "всегда именовало русским"(1).

В подтверждение данного тезиса М. Назаров ссылается на лидера украинской Директории в 1918-1919гг. В.К. Винниченко, жаловавшегося на то, что сами "украинцы" высмеивали "все украинское; язык, песню, школу, газету, украинскую книжку". Причем, "это были не отдельные сценки, а всеобщее явление с одного края Украины до другого"(2). Весомый аргумент в пользу того, что народ, записываемый самостийником Винниченко в "украинцы", никакого отношения к таковым не имеет. М. Назаров тоже с этим согласен и весьма убедительно живописует "семь неправд украинского сепаратизма": этнографическую, филологическую, хронологическую, географическую, антирусскую, юридическую и национальную(3).

Итак, позиция автора "Историософии..." как-будто определена: "украинцы" в конечном счете те же Русские, а присвоение им сепаратистами нерусского названия - явление искусственное, инициированное врагами Русского Народа, стремящимися к расчленению и уничтожению России.

Все ясно, но ... в силу каких-то непостижимых причин М. Назаров тут же начинает выстраивать обратную цепь умозаключений, совершенно запутывающих все его прежние рассуждения. Теперь вдруг оказывается, что "ни факты зарубежного злоупотребления украинским национализмом, ни ненависть сепаратистов к России не отменяют права украинцев на национальное самосознание - вплоть до отделения. Жаль, что при опровержении политических спекуляций сепаратистов, русские оппоненты часто упускали из виду эту национальную правду (а как же "*семь неправд сепаратизма*", в числе коих и "национальная"?! - С.Р.) ... забывали о том, что нации могут созревать и в наши дни; что, заявляя о себе сначала в культуре, они неизбежно требуют своего политического оформления"(4).

Приведенный авторский пассаж буквально воспроизводит важнейший постулат того самого самостийничества, лживость которого он с таким рвением разоблачал поначалу и приходится лишь удивляться его умению одновременно отстаивать прямо противоположные взгляды на проблему, да при этом еще пытаться слепить из этой мешанины взаимоисключающих понятий некое подобие единой концепции. Если уж "украинская нация" является историческим фактом, то надо же как-то объяснить, почему сами "украинцы" "*всегда именовали себя русскими*", однако загадочность украинской исторической судьбы явно превосходит разумение автора и ничего лучшего "созревания в наши дни" для ее объяснения он не находит.

Но что такое "наши дни"? Это пресловутая Советская эпоха, время безраздельного господства интернационала, этнического оскотления всех народов СССР, их насильственного слияния в серой, обезличенной массе "советского народа". А где же тогда "созревали" украинцы, в какой резервации? Неужели для них единственным было сделано исключение и, когда все нации России деградировали под

коммунистическим ярмом, они оформились в самостоятельный этнос, развили свою культуру, язык и даже начала государственности?.. М. Назаров понимает абсурдность подобного предположения и неоднократно подчеркивает, что ни о каком *национальном развитии* в условиях советской системы не могло быть и речи. Тогда в каких же мирах, да еще и "в наши дни", созрели его "украинцы", о праве которых на отделение он так усиленно хлопочет? Может быть, в пресловутой "канадской диаспоре"? Или финансируемых ЦРУ антирусских эмигрантских центрах? И не оттуда ли та патологическая русофобия, которой проникнуты труды "украинских вчэных", издаваемые этими центрами? Автор "Историософии..." секреты украинского "созревания" почему-то не раскрывает, хотя и признает, что стержень самосознания "украинцев" составляет ни на чем не основанная ненависть к России и Русским.

Эта ненависть для него - удивительна и логически не объяснима, "явление иррациональное, более понятное в метафизических категориях"(5). Но для Русского населения сегодняшней Малороссии она - каждодневная, будничная реальность, с которой не только необходимо считаться, но и каким-то образом ей противостоять, ибо конечная цель ее очевидна: культурный и этнический геноцид Русского Народа.

Для М. Назарова эта подлинная реальность и пронизывающее ее *противостояние* как-будто не существуют, ему ближе и роднее мир метафизических абстракций и далеко не случайно в качестве "ответной меры" на русофобию "украинцев" он предлагает... полюбовно договориться с самостийниками. Всего-то и надо: поделиться с ними той частью Русского исторического наследия, которое "сепаратисты справедливо (!) считают ... своим"(6). А здесь и "Повесть временных лет" монаха Нестора ("откуда есть пошла Русская земля"), и "Слово о полку Игореве", и вся Киевская эпоха Русской государственности с ее князьями, дружинниками, святыми, головокружительным расцветом материальной и духовной культуры. И далее: Богдан Хмельницкий, философ Г. Сковорода и еще целый перечень блестящих имен государственных и культурных деятелей России - Мелетий Смотрицкий, св. Димитрий Ростовский, Феофан Прокопович, графы Разумовские и Кочубеи, ученые - Ковалевский, Потемкин, Вернадский; художники, музыканты, писатели - Репин, Врубель, Бортнянский, Глинка, Гоголь, Гнедич, Мордовцев, Короленко и т.д. и т.д. И весь этот блистающий пантеон *Русских деятелей* автор "Историософии ..." готов услужливо признать "украинцами", в наивной надежде достигнуть с самостийниками мировой: "стоит ли отказываться от совместного творения, в которое украинскими (!) деятелями было вложено столько таланта и сил"(7).

Странная вообще-то сделка. Что-то вроде сдачи в аренду или напрокат части (причем большей!) Русской истории, неизвестно откуда взявшимся претендентам. Но в своем неумном рвении любой ценой достигнуть с "украинцами" компромисса М. Назаров не замечает этой странности, как и того, что сама попытка связать общей культурно-исторической линией воспроизведенный им перечень исторических лиц с *подлинными* украинскими деятелями типа Грушевского, Петлюры, Винниченко, Бандеры или их нынешними преемниками - чорновиллами, хмарами, горынями, драчами и прочими русоненавистниками, - является кощунственной и дикой. Разве это не унижение для тех, кто составляет славу и гордость России? И на каком основании автор "Историософии..." зачислил их в "украинцы"? Сами себя они таковыми не считали, Россию не ненавидели, а любили и гордились своей принадлежностью именно к Русскому Народу, а не каким-то мифическим "украинцам".

М. Назарова, впрочем, подобные натяжки мало смущают. Воображая себя творцом некоей положительной программы разрешения "украинского вопроса", он настолько доволен своей лояльностью к сепаратистам, настолько уступчив в удовлетворении их совершенно абсурдных требований, что не в состоянии даже постигнуть той элементарной политической истины, что его идея "общего неделимого фонда" Русских и "украинцев" делает сегодняшних бандеровцев в качестве его "совладельцев" *законными хозяевами* не только большей части Русского культурно-исторического наследия, но и Русских Крыма, Донбасса, Новороссии, Малороссии с многомиллионным Русским населением в них проживающим...(8).

* * *

В том же ключе строит свои рассуждения еще один уважаемый наш автор - В. Осипов. В своей брошюре "Русское поле" он часто касается украинской темы по самым разнообразным поводам, умудряясь, так же как и М. Назаров, давать одному и тому же явлению прямо противоположные оценки. Весьма показательны в этом плане его размышления о русофобии "украинцев".

В. Осипов отталкивается от опыта непосредственного общения с самостийниками в советском Гулаге: "Много украинцев перевидал я в лагере. Со многими делил хлеб и карцер. Их русофобия всегда казалась мне данью самостийной риторике, поверхностной, словесной мишурой. Никогда не чувствовал за обидными словами в адрес "кацапов" органической ненависти и вражды. Инженер из Екатеринослава заявлял, что ненавидит меня как империалиста, и тут же готов был отдать последнюю рубашку"(9)...

Итак, ненависть "украинцев" к Русским - всего лишь "дань риторике", "словесная мишура", не стоящая внимания болтовня. Хлеб пополам и последняя рубашка, конечно, с лихвой ее перекрывают, относя к разряду явлений достаточно безобидных и даже потешных: посмеяться - и забыть. Однако уже на следующей странице автор воспроизводит *живую действительность* Малороссии накануне самостийнического референдума (декабрь 1991), весьма далекую от нарисованной им же идиллии: "Выступавших за единство страны преследовали и травили. Нередко избивали. 30 октября произошло побоище в Политехническом институте в Киеве. С криками: "Мы вас сейчас окатоличим! Кровью перекрестим всю Украину! Москали!" - сепаратисты пустили в ход кулаки, кастеты, баллончики со слезоточивым газом. 7 ноября руховцы учинили избиение у республиканского стадиона. Кастет стал аргументом за независимость. В граждан второго сорта превратили русское и русскоязычное население региона. Языковой апартеид в западных областях дополнен апартеидом по вероисповедному признаку. Православие там оказалось вне закона. Униаты с дубинами врывались в православные храмы и силой выталкивали верующих на улицу... Так готовились к референдуму".

Но и это еще не все. "Верховный Совет Украины принял 11 октября 1991 года жестокий указ против инакомыслящих. "Антиукраинская пропаганда" теперь карается тремя, семью или десятью годами лишения свободы"(10). В. Осипов, как бывший политзаключенный, прекрасно знает, что наличие подобного "указа" создает неограниченные возможности развязыванию террора против Русских уже не со стороны безымянных и

вечно неуловимых "хулиганов", а на официальном, государственном уровне: упечь за решетку можно по самому мизерному поводу - и даже без такового. Понимает он и то, что эта продуманная на долгосрочную перспективу политика, конечно же, весьма мало подходит под определение "словесной мишуры" и безобидной "риторики". Да и дубинки, кастеты, избиения как-то мало вяжутся с ничем не значащим политическим трепом.

Как же он объясняет это очевидное противоречие?.. А никак. Ибо по уже заведенной традиции всех, пишущих об украинской проблеме, в своих оценках наблюдаемых фактов руководствуется не стремлением выявить объективную истину и реально воспроизвести положение дел в оккупированной "украинцами" Малороссии, но движем каким-то детским страхом как бы ненароком не обидеть играющего в самостийничество "младшего брата", не задеть резким словом его больного самолюбия, не отсечь слишком откровенно его амбициозную и совершенно нелепую претензию на некую исключительность и даже лидерство в Русском мире.

Эта странная боязнь придает авторским выводам налет двусмысленности и неопределенности. Знакомясь с ними, читатель ясно понимает, что сам автор ни в одном из них не уверен до конца. С одной стороны, "мы не считаем украинцев и белорусов другим народом. Мы - три ветви ЕДИНОЙ И НЕДЕЛИМОЙ НАЦИИ (выделено В. Осиповым.- С.Р.). Отличать украинца от великоросса столь же нелепо, как пруссака - от баварца". И еще: "Под русскими ... мы понимаем русских, украинцев, белорусов. Это наши недруги выдумали три народа, чтобы нас ослабить и противопоставить"(11). И далее: "Украинский национализм" есть такая же нелепость, такая же досужая выдумка кабинетных прожектеров, как скажем, "донской национализм", "сибирский" или "поморский"(12). Отсюда закономерный вывод: те, кто отстаивает тезис о существовании отдельной "украинской нации" или законченные русофобы, или заведомые марионетки какой-либо иностранной державы, муссирующей "украинский вопрос" в целях достижения собственных геополитических выгод: расколоть и стравить между собой Русских, обеспечив таким образом захват и эксплуатацию части их территории. Квазиэтническое сообщество под кодовым названием "украинцы" - незаменимое средство для решения данной задачи, оттого и получает столь мощную поддержку из-за рубежей России, так заботливо пестуется и лелеется ее врагами и недоброжелателями...

Вывод как будто безапелляционный и в оговорках не нуждающийся. Но... автор "Русского поля" в полном противоречии с вышеизложенным тут же начинает рассуждать о "тысячелетней совместной жизни" двух "очень близких этносов" - Русских и "украинцев", которые за столь долгое время "сроднились так, что это вошло в поговорку"(13). Как видим, снова крутой поворот: В. Осипов при всех оговорках признает, что "украинцы" в качестве самостоятельного этноса все-таки существуют и притом не менее тысячи (!) лет и изначально никакого отношения к Русскому Народу не имели, а вся их Русскость - прямое следствие "совместного проживания", а значит, все той же пресловутой "русификации"... Но ведь это и есть центральный догмат идеологии самостийничества, которым как раз и обосновывается необходимость существования "самостийной и нэзалэжной" и из которого сепаратисты выводят и все остальные свои бредовые идеи: "Русь - Украину", "трехсотлетнее москальское иго", "русско-украинские войны" и сегодняшний боевой клич "Смерть москалям!".

Непостижимо! Как можно игнорировать столь очевидную связь и пытаться совместить несовместимое: признание "украинцев" *частью* Русской Нации и одновременно - *самостоятельным этносом!*

Однако В. Осипов не только не замечает этого вопиющего противоречия, но еще и пытается его обосновать совершенно нелепым тезисом о наличии неких "подлинных выразителей украинского начала". Кто же это такие? Мы опять встречаем уже знакомые нам имена, те самые, из списка "неделимого фонда" М. Назарова, который в угоду украинским сепаратистам оптом произвел в "украинцы" всех Русских деятелей, родившихся или хотя бы работавших в Малороссии. Но если М. Максимович и А. Метлинский - "подлинные выразители украинского начала", то что же тогда защищали и выражают С. Петлюра, С. Бандера, В. Черновил и прочие "страдалцы" украинской идеи? И какое место в этом ряду занимают дубинки, кастеты и антирусский террор нынешних самостийников, которые - и В. Осипов не может этого отрицать - тоже ведь "украинцы"?..

У автора "Русского поля" нет ответа на подобные вопросы. Он, впрочем, и сам признает свою беспомощность и неспособность сказать что-либо определенное о побудительных мотивах и источниках, питающих украинство: "В спорах с бандеровцами я всегда проигрывал: я не мог, давая сдачи, поносить украинцев, потому что это означало поносить самого себя, свой собственный народ, ибо всегда воспринимал их как тех же русских"(14).

Сознание того, что "украинцы" и Русские - единый народ, конечно, большое утешение для всякого патриота России, но мало что дает для понимания процессов, происходящих сегодня в Малороссии, и никак не отменяет существования *бандеровцев*, а они-то как раз являются "украинцами", причем, в отличие от Максимовича и Метлинского, *украинцами подлинными* или, как сами они выражаются, "щирыми" и при этом свято убеждены: дубинки и кастеты - самое удобное средство для общения с Русскими. Вот эту-то их "национальную особенность" и следовало бы прежде всего разъяснить читателю, а не тешить его иллюзиями о безобидности и несерьезности украинской русофобии.

В. Осипов, правда, делает попытку разгадки феномена украинства, но слишком путанную и беспомощную, чтобы что-либо объяснить. Он, в частности, обращает внимание на Галицию, "500 лет пребывавшей под Польшей и в силу этого приобретшей настолько своеобразные черты, что логично сказать об иной нарождающейся этнической индивидуальности". Уж не "украинцы" ли это? Да нет. В. Осипов признает, что до мировой войны 1914г. большинство галичан идентифицировали себя именно в качестве *Русских* и осознание себя таковыми из них вытравили лишь большевики, породив "взамен так называемый "украинский национализм", о котором до революции не помышляли ни народ, ни большая часть интеллигенции"(15)...

Мы снова упираемся в пресловутые "наши дни", достопамятную советскую эпоху и снова нам навязывают совершенно абсурдную мысль о возможности оформления в ее рамках какой-либо "этнической индивидуальности". Загадка происхождения "украинцев" остается неразрешимой. Автору "Русского поля" она явно не под силу, поэтому и населяет он Малороссию наряду с Русскими еще и некими *русскоязычными*, даже не утруждая себя объяснением, кто же это такие: то ли "украинцы", которые суть те же Русские; то ли

"украинцы", которые все-таки *не-русские*, но по-русски изъясняются; либо вообще люди без роду и племени, не имеющие какой-либо определенной этнической принадлежности (а, может, просто забывшие ее). Причем именно они, а не Русские или "украинцы", как раз и составляют *большинство* населения "самостийной и нээалэжной". Вот так! Словно некое заклятие довлеет над Малой Россией, когда даже Русский автор затрудняется определить, представители какой национальности в ней живут, и вынужден использовать странный, неудобоваримый термин "русскоязычные", чтобы это свое незнание скрыть...

* * *

Еще более наглядное представление о том, до какой путаницы, нередко граничащей с полной бессмыслицей, доходит отражение украинской проблематики в сочинениях Русских авторов, в том числе историков, дает книга Г. Вернадского "Россия в средние века", три главы которой посвящены Юго-Западной Руси, той части Русских земель, которые после монгольского нашествия отошли к Литве, а позднее были оккупированы Польшей.

Примечательно то, что сам Г. Вернадский достаточно ясно сознает, насколько взаимосвязана история этой части России с сегодняшней политикой, во-первых, потому что "тесно переплетена с развитием трех государств: Руси, Польши и Литвы", а во-вторых, ее пытаются сделать своей две "новые нации" - "украинцы" и "белорусы". "Вполне естественно, что исследователи всех выше названных народов и государств рассматривали Западную Русь в литовский период, исходя из национального исторического интереса каждого из них. С точки зрения *русского историка* главным объектом изучения Великого княжества Литовского является не столько собственно история Литвы, сколько положение русских в великом княжестве, их участие в политике государства и влияние на них литовского управления и польских установлений"(16).

Из приведенной выше цитаты как будто следует, что этническая принадлежность населения Западной Руси у автора сомнения не вызывает: это - Русские. Он даже подчеркивает: "характерным для людей и восточной и западной России было то, что они продолжали называть себя русскими, а свою землю Россией (Русью)"(17), хотя и находились уже в разных государствах. Себя самого Г. Вернадский в общем-то тоже определяет как "русского историка", а не польского, литовского или, скажем, украинского. Да и используемая им терминология подтверждает его Русский взгляд на исследуемый предмет. В полном соответствии с поставленной задачей он ведет речь о "*русских* в Великом княжестве Литовском"; "*русских областях* великого княжества"; "*русских сановниках*" литовского совета вельмож, в котором "были как *русские*, так и литовцы"; о "православной церкви в *Западной Руси*" и нежелании "*русского населения* Польши и Литвы признать" Флорентийскую унию 1439года. Подчеркивает, что до 1697г. правительство Великого княжества Литовского использовало "в официальных документах *русский язык*"; что объединением Польши и Литвы в единое государство Речь Посполитую (1569) "главный удар был нанесен ... по *русским*"; детально описывает, как поляки стремились "психологически приспособить *западнорусских крестьян* к польскому порядку". С этой целью король "утвердил права и привилегии униатской церкви, как единственной законной церкви *русского населения* Польши и Литвы". Говорит историк и о лидерах борьбы против церковной унии, в их числе "выдающийся *западнорусский* православный писатель XVII века Захария Копыстенский"(18).

Принцип историзма как будто не нарушен и при описании Восточной *Руси*, той части России, которая, оказавшись данником Золотой Орды, сохранила тем не менее государственную независимость и возможность проведения самостоятельной политики. Особенно выделяет историк великого князя московского Иоанна III и проводимую им "*ради русских* национальных и религиозных интересов" политику. "В 1495-96гг. *русские* приняли участие в войне ... против Швеции", при этом "*русская армия*" провела ряд успешных операций; удачно воевали и с Литвой: "*русские* оставили за собой все территории", отвоеванные у нее. При Иоанне III и сыне его Василии III произошли глубокие изменения "в *русском правительстве* и управлении"; Иоанн III имел существенные права "в отношении управления *русской православной церковью*"(19) и т.д. и т.д.

Итак: этническая принадлежность и населения Восточной Руси сомнений не вызывает: они тоже - Русские.

Однако Г. Вернадский словно боится ясно обозначить свою позицию, особенно по тем вопросам, по которым вот уже два века дискутируют Русские историки с польскими и украинскими. Стараясь угодить всем и при этом сохранить видимость ученой объективности, он, наряду с общепринятыми и *исторически достоверными* терминами, наводняет текст искусственными понятиями, сочиненными самостийническими идеологами в XIX в., и использует те и другие, как совершенно равнозначные, доводя до полной бессмыслицы историческую сторону своего исследования, ибо читатель просто не в состоянии понять: о каком же народе ведется речь - Русском или "украинском"? И если в Великом княжестве Литовском жили Русские, то зачем обозначать их польским прозвищем - "украинцы"?

Г. Вернадский, однако, умудряется сочетать несочетаемое и в результате оказывается, что Западная Русь XVI в. это и не Русь вовсе, а "*Украина и Белоруссия*". Соответственно Русские области Литвы превращаются в области "*украинские*" и проживает в них "*украинское мелкопоместное дворянство*". Навязывание католиками церковной унии опять же происходит "*на Украине*", где соответственно проживает православный "*украинский народ*"; меняется и национальность крестьян: "организация униатской церкви не привела к принятию *украинскими крестьянами* польского режима". Терминологическая гибкость автора беспредельна: взаимоисключающие понятия мирно соседствуют в его тексте: "готовность отделиться от великого княжества выразила *русская (украинская) шляхта*"; "в конце XVI в. около 80% запорожских казаков были *западнорусскими (украинцами и белорусами)*"(20).

Точно так же раздваивается под его пером и образ восточной части Руси или, как еще именовали ее наши предки, "Великой Руси", "Великой России". Г. Вернадский не отвергает этих исторических наименований, но со странным упорством параллельно внедряет в текст и придумки польско-украинских историков XIX-XX веков, злопыхательски превращавших Россию в "Московию", а Русских - в "москвитов". Г. Вернадский следует тем же путем произвольных переименований и оказывается, что после присоединения Новгорода "*Московия* стала балтийской державой"; а Иоанн III обсуждал с ханом Менгли-Гиреем "вопрос о разделении сфер влияния *Московии* и Крыма"; и уже "*москвиты*", а не Русские "нанесли сокрушительное

поражение литовской армии"(21) и т.д. и т.д., при полном игнорировании своего собственного утверждения, что *"характерным для людей и восточной и западной России было то, что они продолжали называть себя русскими, а свою землю Россией (Русью)"*.

* * *

Но среди всей этой маловразумительной и противоречивой путаницы, обрушиваемой на Русского читателя Русскими же писателями, предпринимаются попытки некоего, если можно так выразиться, концептуального подхода к украинской теме и стремления окончательного разрешения загадки появления на Русской земле "Украины" и "украинцев".

Вадим Кожин в своей недавно вышедшей работе, где он по-новому осмысливает некоторые проблемы истории Киевской Руси, конечно, не смог обойти молчанием упорных попыток самостийников сделать эту историю собственностью "украинцев" и с типично холопским хамством объявить Русских "захватчиками чужого". В. Кожин домогательства "украинцев" решительно отвергает, но в столь несуровой форме, что сами домогательства эти воспринимаются как... вполне справедливые. И вот почему.

Полемизируя с идеологами украинства, автор "Истории Руси..." сжато излагает их доводы: "М.С. Грушевский, как и ряд других украинских историков, стремился доказать, что Киевская Русь была созданием *украинского* народа, а государственность и культура Владимирской Руси (и ее преемницы Руси Московской) являли собой будто бы совершенно иную, новую реальность, созданную другим, "собственно русским" или, если воспользоваться словом, введенным в середине 19 века украино-русским историком Н.И. Костомаровым (1817-1885), "великорусским народом" (22). "Поэтому история Киевской Руси - это, мол, первый этап истории украинского народа, а русский народ не имеет прямого и непосредственного отношения к Киевской Руси"(23).

В рассуждениях украинских историков В. Кожин справедливо усматривает вопиющее противоречие: "Встав на точку зрения М.С. Грушевского и его сторонников, согласно которой украинский народ сложился еще до 13 века, неизбежно придется прийти к выводу, что народ этот позднее, так сказать, потерял свое лицо, ибо на территории Украины *в очень малой степени* сохранилось наследие Киевской Руси, начиная с тех же былин (их трудно распознаваемые "следы" находят в так называемых "героических колядках"); даже множество памятников зодчества, включая собор Святой Софии в Киеве, было кардинально перестроено в совершенно ином стиле (чего не произошло, например, с новгородской созданной примерно в одно время с киевской - Софией).

Иначе говоря, перед историком Украины с необходимостью встает жесткая дилемма: либо он должен исходить из понятия о *едином* русском народе 9-12 веков, - создавшем, в частности, культуру южной, Киевской Руси... либо же историк будет вынужден - под давлением массы фактов - признать, что культура Киевской Руси вообще не имеет прямого, непосредственного отношения к украинскому народу, ибо эта культура действительно *сохранялась и развивалась* после 13 века в *северной*, а не южной Руси"(24). "Это была, как обычно определяют, общерусская культура, которая только с 13-14 века начинает постепенно разветвляться на украинскую, белорусскую и, по определению, предложенному Н.И. Костомаровым, "великорусскую".

Неоднократные ссылки на Костомарова не случайны. В. Кожину импонирует, что этот украинский историк "безоговорочно утверждал, что из древнего "русского народа" выросли три ветви русского народа: то были южнорусская, белорусская и великорусская "(25). Для пушей убедительности В. Кожин дополнительно ссылается еще на одного украинского историка и археолога, но уже 20 века, П.П. Толочко, утверждавшего языковое, а значит и этническое единство древнерусского государства в 12-13вв., и в доказательство приводившего следующий бесспорный факт: "Известно, что в это время происходили освоение и заселение суздальско-залесского края. Особенно мощным колонизационный поток был из Южной Руси (Киевщины, Черниговщины, Переяславщины и других земель)... Выходцы из Южной Руси, если они в 12-13вв. являлись уже украинцами, должны были бы принести на северо-восток не только гидронимическую и топонимическую номенклатуру (Лыбедь, Почайна, Ирпень, Трубеж, Переяславль, Галич, Звенигород, Перемышль и др.), но и украинский язык. Между тем ничего подобного здесь не наблюдается"(26).

Заручившись поддержкой украинских историков, В.Кожин предлагает собственную концепцию генезиса "украинского народа". Но, прежде чем рассмотреть ее, мы вынуждены сделать два существенных отступления.

* * *

Первое: О терминах. Сознательно или нет, но в своей дискуссии с самостийническими историками В.Кожин использует ту самую терминологию, которую они разработали *специально* для обоснования "украинского" характера Киевской Руси, а в последующем и Малой России. Раз за разом ссылаясь на Костомарова, введшего в отношении *собственно русского народа* термины "великоросс", "великорусская народность", В.Кожин даже не считает нужным указать: считает ли он сам *исторически обоснованной и правомочной* совершенную подмену? А зря. Название народа - не пустяк и, подменяя Русских "великороссами", Костомаров, как и другие основоположники украинства, делали не что иное, как заявку на переход древней Руси в наследство "украинцев", упирая на то, что "великороссы" сформировались гораздо позже 9-12 вв.

Впрочем, в этой терминологической неразборчивости В.Кожин отнюдь не одинок; она типична для большинства Русских авторов, затрагивающих украинскую тему. Так, М. Назаров в своей "Историософии Смутного времени" признает серьезность "проблемы терминологии" и даже специально на ней останавливается, отмечая изменения, внесенные в 20 в., в частности, речь идет о замене названия "Малороссия" словом Украина и сужении значения слов "русский" и "российский": "Сегодня определение "русский" идентично почти вышедшему из употребления понятию "великоросс". Но еще на рубеже 19-20 в. "русский" означало великороссов, малороссов и белоруссов вместе взятых. В этом смысле его употребляли как представители русской интеллигенции (например, П.Струве), так и украинской (П.А.Кулиш). Это было естественно и для простого народа"(27).

Констатируя сегодняшнюю устарелость этого великорусско-малорусско-белорусского набора, М.Назаров, тем не менее, следует проторенной дорогой, строя свои рассуждения на уже шаблонной для 20 в. триаде: украинцы, русские, белоруссы, не понимая, (точно так же, как В.Кожин), что заведомо *сдаёт* "украинцам" и древнюю Русь, и Малую Россию, - ибо опирается в полемике с "украинским сепаратизмом" на изобретенную этим же сепаратизмом путаницу определений.

Это непонимание - лишнее подтверждение того удручающего факта, что "в данном терминологическом букете сами русские не всегда разбираются"(28). Разобраться же мешает только одно: отсутствие *исторического подхода* к очень важной проблеме. А ведь всего-то и требуется: строго придерживаться исторических фактов, не подменяя их искусственными построениями исследователей позднейших времен, произвольно накладывавших изобретенную ими терминологию на эпохи и исторических деятелей, понятия о таковой не имевших.

Именно из этого разряда позднейших придумок и пресловутые "три ветви" Русского Народа: "малороссы", "великороссы", "белоруссы", - "народности", не оставившие в исторических источниках никаких следов своей деятельности. Причина весьма банальна: таких этносов *никогда не существовало*. Названия, от которых были произведены наименования каждой "ветви" - Малая, Великая, Белая Русь - никогда не несли в себе *этнического*, национального содержания, служа лишь для обозначения *территорий*, населенных Русским Народом, оказавшимся после татарского нашествия в разных государствах.

"До татарского нашествия ни Великой, ни Малой, ни Белой России не существовало. Ни письменные источники, ни народная память не сохранили о них упоминания. Выражения "Малая" и "Великая" Русь начинают появляться лишь в 14в., но ни этнографического, ни национального значения не имеют. Зарождаются они не на русской территории, а за ее пределами и долгое время неизвестны были народу. Возникли в Константинополе, откуда управлялась русская церковь, подчиненная константинопольскому патриарху. Пока татары не разрушили киевского государства, вся его территория значилась в Константинополе под словом "Русь" или "Россия". Назначавшиеся отсюда митрополиты именовались митрополитами "всех Руси" и резиденцией имели Киев, столицу Русского государства". Положение изменилось, когда Русские земли стали захватываться литовцами и поляками. Раньше всех была завоевана Галиция и - в целях отличия ее от остальной Руси, получившей название "Великой", - эту в Константинополе стали именовать "Малой Русью" или "Малой Россией". Затем наступил черед остальных территорий южной Руси стать "малорусскими". "Сам Киев, пока его не захватили литовцы, относился к "великой" Руси, но с 1362 года, будучи взят Ольгердом, великим князем литовским, становится "Малой Русью"(29).

Из византийских документов новые понятия, обозначавшие несколько "Россий", проникли в Русские, польские, литовские. Но знаменательно, что ни первые, ни вторые не знают *национальных различий* между их населением: везде оно Русское и только так себя самоопределяет. Когда после присоединения Малороссии и Белороссии царь Алексей Михайлович стал именоваться "всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем" - это как раз и выражало идею объединения всего Русского Народа, проживавшего в землях, некогда принадлежавших древней Руси и получивших после ее распада разные наименования.

Понятие о "трех Россиях" было в ходу долго, вплоть до 1917 года. Но только в 19 в. их стали "населять" тремя разными народностями, причем исключительно в среде образованных людей. Народ же понятия об этом не имел. Утверждение М.Назарова, что употребление этих терминов "естественно и для простого народа" ни на чем не основано. Простые люди, как и во времена Киевской Руси, для своей национальной идентификации использовали один - единственный этноним: *Русские*. Причем характерно это было для *всех* Русских, где бы они ни проживали: в Малой, Белой или Великой России.

Другое дело "интеллигенция", в среде которой процветали мертвые книжные схемы и абсурдные исторические теории, подпитываемые революционным прожектерством. "Малороссы" и "великороссы" вышли именно из этой маргинальной среды. Н.И.Ульянов, проследивший в своей статье генезис "великорусской народности", совершенно справедливо отмечает: "великорусы" - порождение умонастроений 19-20 вв.". Указывает он и силы, заинтересованные в распространении этой искусственной, антиисторической терминологии: украинский сепаратизм и либерально-революционное движение: "Обе эти силы дружно начали насаждать в печати 19 века термин "великорус". В учебниках географии появился "тип великоруса" - бородатого, в лаптях, в самодельном армяке и тулупе, а женщины в пестрядинных сарафанах, кокошниках, повойниках". На тех же простонародных типах строилась этнография "малороссов" и "белороссов". Внимание акцентировалось прежде всего на различиях в быте, обычаях, областных диалектах. И этими областными различиями доказывалось наличие... нескольких народностей, пресловутых "трех ветвей"! Привлекало не то, что объединяло, а то, что разъединяло.

Примечательно, что вновь изобретенная терминология применялась совершенно произвольно, без какой-либо логики и смысла. Легко накладываясь на отдаленное *прошлое*, где можно было по собственному усмотрению манипулировать понятиями и фактами, она выглядела совершенно абсурдно применительно к *настоящему*, и потому ее изобретатели так и не решились наклеить ярлыки "малоросса" или "великоросса" на кого-либо из своих выдающихся современников. "Ни Тургенев, ни Чайковский, ни один из деятелей русской культуры или государственности не подводились под рубрику "великорус". Даже олонекский мужик Клюев и рязанский мужик Есенин, в отличие от прочих рязанских и олонекских "великорусов", значились "русскими". Трудно поэтому понять, почему хороводные пляски, "Трепак", "Барыня", "Камаринская" суть "великорусские" танцы, а балет "Лебединое озеро" - образец "русского" искусства? "Великорусскими" называются и крестьянские песни, тогда как оперы Даргомыжского, Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, даже при наличии в них народных мотивов, - "русскими". Да и всей русской музыке, ставшей величайшим мировым явлением, никто не пытался дать великорусское имя. Так же с литературой... Русскую литературу знает весь мир, но никто не знает литературы великорусской... Не слышно было, чтобы "Евгения Онегина" или "Мертвые души" называли произведениями великорусской литературы"(30).

Но не зря старались костюмаровы и иные разрушители Русского национального единства. Грянул 1917 год, и "три русские народности" революционеры директивно переименовали в "три братских народа", три *различные самостоятельные нации*. Надобность в малорусско-белорусско-великорусской триаде отпала. Первые две ее части вообще потеряли свою былую Русскость и стали *не* Русскими: "белоруссы" под прежним названием, а "малороссы" превращены в *новую нацию* - "украинцев". Нехитрая терминологическая операция сократила численность Русского Народа более чем на треть, ведь Русскими остались только "великороссы". Но и этот последний термин был выведен из оборота: свое дело он уже сделал. Советские историки подвели под

эту ликвидацию "научную" базу. Творчески развив "достижения" сепаратистской и либеральной историографии, они объявили слова "великоросс" и "русский" равнозначными.

В малой Советской Энциклопедии (1960г.) утверждалось: "Ростово-Суздальская земля, а впоследствии Москва, становятся политическим и культурным центром великорусской (русской) народности. В течении 14-15 веков складывается великорусская (русская) народность, и Московское государство объединяет все территории с населением, говорящим по-великорусски". Пятью годами ранее в 37 томе Большой Советской Энциклопедии на стр.45 о 16 веке писалось как о времени, когда "завершилось складывание русской (великорусской) народности". Там же сказано, что "русская народность образовалась на территории, в древности заселенной племенами кривичей, вятичей, северян и новгородских словен".

Киевская Русь, таким образом, оказалась вообще за пределами Русской истории. Ее населили некими "восточными славянами", от которых и стали производить "три братских народа": украинский, белорусский и русский. Причем первые два получили в рамках СССР свою государственность, а последнему вместо "Великороссии" выделили всего лишь РСФСР, хозяевами которой объявили "сто наций и народностей", хотя Русские и составляли в ней 90% населения.

На исходе 20 столетия каждому "народу-брату" выделили по самостийному бандустану, где они сегодня ускоренно деградируют и вымирают. Что же касается Русских, то на них окончательно решено поставить крест: "великорусская (русская) народность" ныне в очередной раз переименована в пределах РФ в неких безродных "россиян", а за ее пределами - в загадочных и непонятных "русскоязычных", национальность коих в принципе не поддается определению.

Но пора, наконец, задаться вопросом: а по какому праву совершаются все эти переименования Русского Народа, происходит лишение его исторических корней и исторической памяти, разрывывание тысячелетней истории и присвоение ее непонятно откуда взявшимися наследниками вроде "восточных славян", "украинцев" или пресловутых "русскоязычных"? Отчего это Русские должны безропотно делить историю с кем ни попадя, усваивая чуждые и ничем не обоснованные названия? И когда, наконец, мы перейдем от истории вымышленной, придуманной русофобами разных мастей, к истории подлинной, зафиксированной в исторических документах и памяти народа, никогда не отказывавшегося от своего исконного имени и имени этому не изменявшего? А чтобы убедиться в том, что в течение тысячи лет Русские оставались Русскими и никем более, обратимся к источникам интересующей нас эпохи. Это будет отступление ВТОРОЕ.

* * *

В начальной Русской летописи записано под 6360 г. (соответствующим 852г.) следующее: *"Наченишу Михаилу царствовати, почася прозывати Русская земля... при сем цари приходиша русь на Царьгород"*. Имеется в летописях и "норманнский вариант" происхождения Руси: *"имаху дань варязи (859), изгнаша варязи за море (862), от тех варяг прозвася Русская земля"*.

Еще более ранние известия о Руси встречаем в европейских и арабских источниках. К императору Людовико прибыло византийское посольство (839), в составе которого находились и люди, называвшие себя "русь". Арабский географ Ибн Хордадбех в это же время сообщает: *"Что касается русских - а они суть племя славянское, - то они направляются из самых дальних концов Саклаба (Славяницы) к морю Русскому (Черному) и продают там бобровые меха, горных лисиц, а так же мечи"*.

Очередной поход Русских на Константинополь (907): *"много зла творяху русь греком"* - сообщает летопись. В 911 г. князь Олег подписывает с Византией мирный договор. В его тексте говорится о "русских князьях", "русском законе", "русском роде", "русской земле"; применяется для отдельного человека слово "русин", во множественном числе - "русские", а как существительное собирательное встречается и слово "русь". В целом термин "русь" в этническом смысле употреблено 18 раз, в территориальном - 5 раз, формы "русский" и "русин" - по 7 раз. Арабский историк Масуди сообщает о походе Русских на Каспий в 910-е годы: *"Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун"*.

В 944 г. князь Игорь заключает новый договор с Византией. В нем мы встречаем все те же выражения: "русская земля", "русские князья", "русин", "русские" и "Русь". О поездке княгини Ольги в Константинополь и принятии ею христианства (957) читаем в летописи: *"благословенна ты в женах русских... благословити ты хотяшь сынове рустии"*. Принимавший Ольгу император Константин Порфирородный сообщает: *"Русские соседят с печенегами и последние часто грабят Россию"*. Византийские авторы название "рус" писали как "рос", отсюда позднейшие "Россия", "российский".

В летописи Гильдесгеймской (под 960 г.) сказано: *"К королю Оттону пришли послы Русского народа"*. Князь Святослав в Болгарии так представляется византийскому императору: *"Аз Святослав, князь Русский ... и иже суть под мною Русь"*. Перед решающей битвой с греками он обращается к воинам: *"не посралим земле Русские"*. Арабский писатель Яхья Антиохийский сообщает о браке Владимира и византийской принцессы Анны (987): *"и женился царь руссов на сестре царя Василия"*, вступив в родство с "князем русским" император укрепил свои позиции в борьбе за трон и одерживает победы совместно *"с народом русским"*. Русский писатель конца 11 в. монах Иаков пишет о крещении Руси: *"и просвети сердце князю русскыя земли Володимеру приати святое крещение и всю землю русскую крести от коньца до коньца"*.

На актовой печати киевского митрополита Феопемпта (1037) имелась надпись: "Господи, помози Феопемпту митрополиту России". Грамота папы Григория VII (1075) называет князя киевского Изяслава "государем Русских"; другая его грамота того же времени увещевает короля польского возвратить "государю Русских" Изяславу отнятые у него земли. В "Поучении" Владимира Мономаха читаем: *"Аз, нареченный в крещении Василий, русьским именем Володимер"*. На его актовой печати надпись: "Печать Василия, благороднейшего архонта России, Мономаха". Галицкий князь Роман Мстиславович (ум. в 1205) называется в Волынской летописи великим и "самодержавцем всея Руси". Константинопольский патриарх Герман выражает

негодование (1228) тем, *"что некоторые в русской стране приобретают куплей рабов... и возводят их по чину к священнодостоянию"*.

Папа Иннокентий IV своей грамотой (1246) принимает под покровительство Даниила Галицкого "короля Руси". Всего в Ватиканском архиве содержится свыше десяти грамот Даниилу и все со словом "Русь". А папский посланец в ставке Батыея Плано Карпини в том же году сообщает о жестокой расправе татар над *"российским князем Михаилом (Черниговским) и другими"*. Летом 1280 г. *"преосвященный Кирилл митрополит Киевский и всея Руси изыде из Киева по обычаю своему и прохождаше грады всея Руси"*. После очередного разграбления Киева татарами митрополит Максим перенес свою кафедру во Владимир (1299), где и скончался. На одной из икон Богородицы в Успенском соборе значится, что образ сей написан *"по видению Максима митрополита Владимирского и всея России чудотворца, греченина родом"*.

Итак, мы намеренно отвлеклись несколько в сторону с целью представить читателю *общеизвестные источники* по истории древней Руси 9-13 вв., воспроизводящие этническую и топонимическую терминологию своего времени. Источники как иностранные (арабские, византийские, европейские), так и Русские. Что же мы увидели? В течение пяти столетий в качестве этнонимов для названия населения Руси используется ряд терминов: "русь", "русский род", "русин", "русские", "русы", "росы", "русский народ". Но в основе всех их лежит два ключевых слова - "русь" и "русский".

Именно так *самоопределяли* себя жители Руси в то далекое от нас время. Не называли они себя "малороссами", "великороссами", "восточными славянами", "южнорусской народностью" или "севернорусской", "россиянами" и уж тем более *"украинцами"*. Все эти термины - изобретение нового времени и с научной точки зрения не имеют никакого права на внедрение "задним числом" в предшествовавшие эпохи. Для установления истины нам важно то, что Русский Народ изначально идентифицировал свою национальность как Русскую и не дробил, не делил ее ни на какие "ветви". Поэтому в целях восстановления объективной картины прошлого мы должны раз и навсегда отвергнуть терминологические спекуляции на эту тему либерально-коммунистической и украинской историографии, - как псевдонаучные и антиисторические.

Для обозначения страны в киевскую эпоху мы так же находим несколько названий: "Русь", "Русская земля", "Росия" или более русифицированное "Россия". Но в основе их лежит одно слово - РУСЬ, лишь в последующую эпоху вытесненное его греческим эквивалентом РОССИЯ.

Встречается в летописях и термин "украина", но всегда в значении "граница", "приграничная область", "окраина". Топонима *"Украина"* в источниках древней Руси НЕТ! Попытки "украинцев" задним числом его к ним прилепить являются заведомой *подтасовкой и фальсификацией* реальных исторических фактов. В этом легко убедиться, ознакомившись с теми летописными фрагментами, где используется слово "украина".

Ипатьевская летопись рассказывает о походе Русских князей (1187) Святослава Всеволодовича, Рюрика Ростиславовича и Владимира Глебовича. Половцы, предупрежденные, что *"идут на ня князи Рустии"*, бежали. Русские вынуждены были возвратиться. *"На том бо пути разболеся Володимер Глебович болестью тяжкою, ею же скончался. О нем же **украина** много постана"*. Смысл последних слов совершенно ясен: смерть Владимира Глебовича оплакивала не вся Русь, а пограничная ее область, которую он, как пограничный переяславский князь, защищал от нападения половцев. Тем не менее, именно на это место ссылаются самостийники в доказательство того, что "Русь" и "Украина" суть два названия одной и той же страны. Отсюда и изобретенное ими словосочетание "Украина-Русь". Хотя всякому ясно, что "украина" Ипатьевской летописи означает "приграничье", "окраину" Русского государства.

Еще одна летописная "украина", на этот раз в значении *границы* Галицкого княжества: Ростислав Берладник *"еха ж Смоленска вборзе и прихавию же ко **украине** Галичккой, и взя два города Галичкые, и оттоле поиде к Галичю"* (1189). А вот летописное известие об отобрании Даниилом Галицким пограничных с поляками Русских городов (1213), завоеванных перед тем королем Лешком Казимировичем: *"Даниил еха с братом и прия Берестий, и Угровеск, и Стольпе, Комов и всю **украину**"*, т.е. окраину Галицкого княжества, пограничную с поляками. Встречаем "украину" и в Псковской земле: *"И пришед тайно, и взяша с **украины** неколико псковских сел"*.

* * *

Итак, мы лишний раз убедились в правоте В.Кожинова, доказывающего то самоочевидное положение, что ни в этническом, ни в культурном плане древняя Русь ничего "украинского" в себе не содержала. Это действительно так. Но эту совершенно бесспорную истину автор "Истории Руси..." обставляет рядом существенных оговорок, превращающих ее в более чем спорную. Так, констатируя факт оккупации южной Руси вначале Литвой, а затем Польшей, отрезавшей ее от остальной России на три столетия, он заключает: *"именно поэтому и именно за это долгое время в южной Руси сложился самостоятельный народ со своим языком и культурой - украинский"*(31). В.Кожинов, вероятно, просто не осознает, какую нелепицу он утверждает: будто покоренный поляками Русский Народ именно благодаря этой оккупации стал народом "украинским"!

Можно ли в такое поверить? Где и когда иностранное владычество порождало процесс формирования нации? Где и когда господство одной нации над другой давало толчок развитию третьей? В.Кожинов не утруждает себя приведением хотя бы одного исторического примера столь уникального процесса этногенеза. И это легко объяснимо: таких примеров *нет*. Везде и всюду длительная оккупация неизбежно влечет за собой *этническую деградацию* покоренного народа, утрату им национального самосознания, традиций, культуры, языка, религиозной веры, предопределяя в конечном счете его физическое исчезновение или полную ассимиляцию этносом-оккупантом. То, что выживает вопреки этим тенденциям, сохраняется в форме малочисленных реликтовых групп, совершенно выключенных из исторического процесса, не способных к творческому развитию и сохраняющихся за счет жесткой консервации того, что когда-то хотя бы частично определяло этнос, к которому они принадлежали.

История южной Руси 14-16 вв. вполне подтверждает нарисованную выше картину. Трехсотлетнее польско-католическое господство принесло свои отравленные плоды: возникновение униатства, полонизация Русского языка, все больше превращавшегося в "мову", вытеснение Русского образования, обычаев, традиций польскими, - вот лишь некоторые результаты планомерно проводимого поляками курса на денационализацию Русского Народа.

К началу 17 в. этот процесс зашел достаточно далеко. Особенно успешно протекал он в среде высших классов Малороссии, большинство представителей которых полностью натурализовались в "поляков": женились на польках, по-польски говорили, принимали католическую веру, отдавали своих детей в польские учебные заведения. Один из выдающихся деятелей Русской культуры Мелетий Смотрицкий, выходец из Малой России, со скорбью отмечал в 1610 г. потерю южной Русью ее знатнейших родов: "Где дом Острожских, славный пред всеми другими блеском древней веры? Где роды князей Слуцких, Заславских, Вишневецких, Сангушковых, Чарторыйских, Пронских, Ружинских, Соломирецких, Головчинских, Крашинских, Мосальских, Горских, Соколинских, Лукомских, Пузин и другие, которых сосчитать трудно? Где славные, сильные, во всем свете ведомые мужеством и доблестью?.." Вопрос чисто риторический: были они уже в рядах другой нации, ибо в их национальном самосознании произошли *необратимые изменения* - Русское бесспорно было вытеснено польским.

Решающим фактором ассимиляции становилась смена веры (переход в католицизм), что приводило к культурной переориентации на Запад, включенности в ценностные ориентиры Западной цивилизации и к решительному разрыву с цивилизацией Русской. Но ассимиляция "верхов" Малороссии не привела к ассимиляции "низов", хотя и здесь были понесены ощутимые потери - прежде всего в культурном отношении. Однако, народ, как целостный организм, не утратил своей Русскости, сохранил православную веру, родной язык, отеческие традиции, что и предопределило национально-освободительную войну против Польши в 1648-1654 гг. и историческое решение Переяславской Рады о воссоединении Малой и Великой Руси.

Кстати, Богдан Хмельницкий, говоря о войне с поляками, *"хотящими искоренити Церковь Божию, дабы и имя Русское не помянулось в земле нашей"*, предельно ясно выражал понимание ее высшего смысла, как борьбы *Русского народа* за свою национальную независимость. А вот современный Русский писатель В.Кожин этот смысл отрицает, доказывая, что за освобождение южной Руси от польского владычества сражались отнюдь не Русские, а некие "украинцы", заступившие их место в течение 14-16 вв.: *"Только оказавшись в составе Литовского, а затем Польского государства, население южной Руси начало превращаться в самостоятельный украинский народ, чья своеобразная культура сформировалась лишь к рубежу 16-17 веков"*(32). Кому же мы должны верить: непосредственному участнику исторических событий или их позднему интерпретатору? Ответ очевиден: первому, а не второму.

Глава 2. Еще одна загадка: укрмова.

Однако, в арсенале у В.Кожина есть неотразимый, как ему представляется, аргумент в пользу его теории: возникновение в данную эпоху малороссийской "мовы", что якобы неопровержимо доказывает появление в южной Руси "украинцев".

В.Кожин пишет: "В трактате Ф.П. Филина "Происхождение русского, украинского и белорусского языков", подводящем итоги полуторауговекового изучения проблемы (в том числе и украинским языковедением), а также многолетних исследований самого автора, говорится, в частности, что только "в 14-15 вв. лексико-семантические различия языка северо-восточных, западных и южных памятников становились заметными", и, значит, именно "в 14-15 вв. получают широкое распространение особенности, характерные для русского, украинского и белорусского языков... Явления, специфические для каждого восточнославянского языка, продолжали нарастать и в более позднее время".

Понимая, что ссылки лишь на украинского филолога явно недостаточно, В.Кожин подключает к нему и Русского: "Великий филолог М.М. Бахтин, не раз обращавшийся к украинской словесности и культуре в целом, писал еще в 1944 году: "Значение 16 в. на Украине. Борьба с польским игом и с Турцией, формирование украинской национальности... В 16 в. выдвигается *впервые* вопрос о национальном языке (курсив М.М. Бахтина. - В. К.), возникает потребность создать письменную "русскую мову", отличную от славянской (т.е. церковнославянской - В. К.) и польской. На эту "мову" переводятся книги церковно-учительные и богослужебные ("Пересопницкое Евангелие - 1555 - 1561)"(1).

В.Кожин полагает, что приведенные им мнения подводят окончательный итог полуторауговековой дискуссии вокруг проблемы возникновения и развития украинской "мовы". Но он глубоко заблуждается. Странна вообще его апелляция к авторитету филологов советского периода. Заданность их мнений в отношении времени появления "мовы" более чем ясна. Свои концепции они разрабатывали в жестких рамках официально утвержденной историософской схемы, согласно которой население Киевской Руси составляли отнюдь не Русские, а некие "восточные славяне", из коих и выводили "три братских народа": русский, украинский, белорусский.

Причем эта антиисторическая схема подкреплялась не только теоретическими разработками, но и практикой государственного строительства: фиксацией в паспортах национальности "украинец", созданием отдельной "украинской республики", закреплением за "мовой" официального статуса не только на территории Малороссии, но и в Новороссии, Крыму, Донбассе, Черниговщине, Слобожанщине - регионах, где она никогда не имела широкого распространения. Вольно или невольно, любому советскому ученому, будь то филолог, историк, археолог, приходилось приспособлять результаты своих исследований к официальной точке зрения, отступление от которой, как известно, незамедлительно каралось, порой очень жестоко.

Украинским ученым, конечно, приходилось полегче, ибо, хотя коммунисты и не "подарили" "украинцам" Киевскую Русь, но и у Русских ее отняли в пользу "восточных славян", что самостийников вполне устраивало: они получили в свою безраздельную собственность не только всю Малороссию, но и ряд прилегающих к ней территорий, произвольно включенных в "украинскую республику". Понятно, что любые

теоретические изыскания в данной области *автоматически* должны были подтверждать правомочность создания УССР.

Между тем, схема, разработанная советской историографией, намеренно искажала реальный исторический процесс, содержа в себе очевидные нелепицы и откровенную подтасовку фактов. Впрочем, это понятно; коммунистов интересовала не истина, а вполне практические соображения - расчленение Русской нации и за счет этого умаление ее влияния и значимости в СССР. Кроме того, новой власти необходимо было лишить Русских исторической памяти и духовной связи с погребенной Россией, дабы не допустить ее "реставрации". С "чистого листа" было и намного проще строить "нового советского человека" - национально оскорбленного, с врожденным дефектом исторической амнезии - идеального объекта для манипуляций партийной пропаганды.

Мы недаром несколько страниц специально посвятили цитированию летописных источников периода Киевской Руси: ни один из них не упоминает "восточных славян". Везде население Руси определяется терминами, производными от слова "русские". Конечно, в летописях встречаются и "славяне", но с совершенно очевидным пониманием того, что это понятие является более широким, объемля собой, кроме Русских, и другие народы: поляков, чехов, словаков, болгар, хорватов, сербов и т.д.

Естественно, что, ведя речь о собственно Киевской Руси, современники пользовались той или иной формой слова "русский" и лишь изредка - "славяне". Прилагательное же "восточные" в историческую науку внедрил знаменитый ее фальсификатор Михаил Грушевский. И сделал это именно с целью отчуждения южной Руси от России. В дальнейшем, впрочем, он сам отказался от "восточных славян", заменив их, разумеется, "украинцами".

Выбросив Русских из Киевской Руси и Малороссии, коммунистические идеологи оказали украинству неоценимую услугу, вдохнув новую жизнь в его бредовую доктрину. А подвластные режиму ученые, включая филологов, неустанно подводили "научную" базу под официально требуемый результат. В том, что это было именно так, нетрудно убедиться.

Совсем недавно в Киеве вышла брошюра А. Железного, посвященная как раз этой теме. Причем в результате своего исследования автор приходит к однозначному выводу: "Не будь польского господства, не было бы сейчас никакого украинского языка"(2). Эту зависимость А. Железный выводит из главной особенности "мовы", отличающей ее от Русского языка. А именно: наличия огромного числа *полонизмов* - слов, заимствованных из польского языка, что позволяет признать "мову" не *самостоятельным языком*, а лишь русско-польским *диалектом*. Указывает А. Железный и время, на которое приходится начало процесса видоизменения языка населения юго-западной Руси. Это как раз та самая историческая эпоха, о которой ведут речь В.Кожин и цитируемые им филологи: 14-16 века.

"Юго-западные княжества бывшей Руси, отторгнутые литовцами, очень скоро попали под мощное политическое, хозяйственное и культурное влияние Польского королевства. Начался процесс скрещивания местного славянорусского и польского языков. Один из основополагающих законов языкознания гласит, что при скрещивании двух языков никогда не возникает некоего среднего языка - всегда в конечном итоге побеждает один из них", т.е. "мова" с течением времени все больше приближалась по своей лексике к польскому языку. И лишь возвращение Малороссии в лоно Русского государства прервало процесс скрещивания буквально на полпути, когда Русский язык южной Руси уже в сильнейшей степени ополячился, "но еще не успел полностью превратиться в польский. Самое подходящее название для этого языка - русско-польский диалект".

Этот диалект, "который мы сейчас называем украинским языком, возник и начал свое развитие... в 14 веке, уже после распада единого древнерусского государства". Такова была цена, которую пришлось заплатить Русским "за продолжительное пребывание под иностранным (польским) господством". Не будь его, "для возникновения русско-польского диалекта не было бы оснований".

Как видим, речь идет не о "создании национального языка" вновь формирующейся нации, как утверждал М. Бахтин, а всего лишь о возникновении в силу *неблагоприятных* исторических обстоятельств смешанного *диалекта*, примыкающего и к Русскому, и к польскому языкам, но употребляемого населением по своей национальности Русским. Ликвидация иностранного господства над Малой Россией положила конец и развитию "мовы".

После воссоединения южной и северной Руси в 1654 г., "когда влияние польского языка прекратилось, начался обратный процесс постепенного вытеснения всевозможных полонизмов под общим воздействием общерусского литературного языка"(3), в создании которого решающую роль, между прочим, сыграли как раз выходцы из Малороссии: Мелетий Смотрицкий, Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Семион Полоцкий, Феофан Прокопович и др., что говорит о принципиальном игнорировании ими "мовы", как явления искусственного и нежизнеспособного.

Кстати, А. Железный также обращает внимание на Пересопницкое Евангелие, но, в отличие от М. Бахтина, приходит к выводам прямо противоположным.

Он дает две выдержки из этого Евангелия: "*для лучшего выражения люду христианского посполитого*" и следующее место: "*В начале было Слово. А Слово было от Бога, и Бог был то Слово. То было напчатку у Бога; и все речи через Него ся стали. А без Него ништо не могло быти, еже и бысть. В том живот был. А живот был свет человеком. И свет во тьме светится, и тьма его не обыймет*".

В качестве комментария к первому фрагменту Пересопницкого Евангелия А. Железный предлагает всего лишь заглянуть в польский словарь: "там вы увидите все слова из выше приведенной цитаты - лепшии, выражение, посполитый". А, воспроизведя второй, замечает: "По вашим понятиям, панове ученые, этот отрывок, переведенный с болгарского на "русскую мову", написан на украинском языке. А по моим понятиям... - на чистейшем русском с отдельными вкраплениями слов из польской лексики: напчатку, ся стали, обыймет..."

Отсюда видно, что во второй половине 16 столетия опоячивание славянорусского языка еще не зашло слишком далеко - "руська мова" и русский язык отличались очень мало. Не случайно и в Киеве, и в Москве язык учили по одному и тому же учебнику - "Граматики" Мелетия Смотрицкого"(4).

Между прочим, к столь неутешительному для "украинцев" выводу, что "мова" их - всего лишь диалект, а не самостоятельный язык, А. Железного подтолкнули наблюдения за языковой политикой "украинської державы". С 1991 г. полуторавековая дискуссия получила, наконец, идеальные условия для проверки практикой: "мова" ныне развивается совершенно самостийно и нэзалэжно под высочайшим патронажем столь же "самостийной и нэзалэжной державы". И что же мы видим? "Буквально ежедневно украинские средства массовой информации вместо привычных, укоренившихся слов преподносят нам новые, якобы исконно украинские: "спортовець", вместо *спортсмен*, "полицьянт", вместо *полицейский*, "агенція" вместо *агентство*, "наклад" вместо *тираж*, "уболивати" вместо спортивного *боліти*, "розвой" вместо *розвиток* - всего и не перечислить! Разумеется, все эти "украинские" слова взяты непосредственно из польского языка: *sportowjes*, *policiant*, *agencia*, *naklad*, *uboliwas*, *rozwoj*... Есть, правда, отдельные случаи, когда и хочется убрать какое-нибудь уж больно "по-москальски" звучащее слово, но и соответствующее польское не подходит. Вот два характерных примера. Для замены дерусификаторами "неправильного" слова *аэропорт* польское слово явно не подходит, так как звучит точно так же: *aeroport*. Пришлось выдумывать совершенно новое, небывалое слово "лэтовыще". Или вот для украинской эстрады ранее общепринятое обозначение вокально-инструментального ансамбля словом "группа" (по-украински "група") для дерусификаторов показалось неприемлемым. Но и польское аналогичное слово звучит слишком уж по-москальски - *група*. И вновь пришлось обходиться собственными ресурсами: применить скотоводческий термин "гурт" (стадо). Пусть, мол, новый термин и ассоциируется со стадом баранов, лишь бы он не был похож на русский!"(5).

При этом с чисто холопским зазнайством утверждается, что сегодня украинский язык "один из наиболее богатых и наиболее развитых языков мира". "Тогда почему же уже в наши дни затеяна колоссальная работа по формированию "украинской" научной, технической, медицинской и прочей терминологии? В чем же тогда заключается "богатство" и "развитость" нашего украинского языка?" - спрашивает А.Железный и приводит пример, раскрывающий истинную подоплеку всей этой пустопорожней болтовни о богатстве и развитости "мовы".

"Вот передо мной лежит статья некоего Вячеслава Панфилова "Украинская терминология должна иметь собственное лицо" (Киевский вестник за 03.04.93). Автору этой статьи почему-то не нравится, что многие украинские электротехнические термины совпадают с русскими: виток, гайка, генератор, катушка, коммутатор, реостат, статор, штепсель... Вместо этих "москальских" терминов он требует принять такие истинно украинские: звій, мутра, витворець, цівка, перелучник, опірниця, стояк, притичка... Что это за слова, откуда они взялись? Все очень просто: открываем польский словарь и читаем: *zwoj*, *mutra*, *wytwornica*, *sewka*, *przelucznik*, *orotnik*, *stojan*, *wtuszka*. Вот вам и совершенствование технической терминологии": ее "собственное лицо" имеет давно знакомые польские черты! "(6). Поразительное подтверждение уже как будто генетически, из поколения в поколение наследуемой установки на безраздельное господство "польского" над "украинским"! Феномен этой духовной и интеллектуальной зависимости, проявляющей себя совершенно произвольно и бессознательно, а значит, *по-настоящему искренне*, столь показателен в характеристике глубинной сущности украинства, что требует специального рассмотрения, и мы обязательно к нему вернемся. Сейчас же, дабы не отвлекаться, продолжим разговор об интересующем нас периоде истории юго-западной Руси 14-16 вв.

Все выше изложенные рассуждения неопровержимо доказывают, что трехсотлетнее польское господство над южной Русью не изменило ни национальности, ни языка ее населения: несмотря на огромную засоренность полонизмами, он и к середине 17 в. остается вполне Русским. Те особенности, которые стали отличать "мову" от Русского языка, свидетельствовали не о превращении ее в некий самостоятельный язык, а только лишь об образовании нового диалекта Русского языка. И тайной это является лишь для В.Кожина и цитируемых им филологов. Для Русской (не советской) филологической науки это секретом не было. Вот только несколько мнений крупнейших ее представителей.

Профессор Киевского университета Св. Владимира, автор капитального исследования "Лекции по славянскому языкознанию" Т.Д.Флоринский: "Малорусский язык есть не более как одно из наречий русского языка... составляет одно целое с другими русскими наречиями... Факт целостности и единства русских наречий в смысле принадлежности их к одной диалектической группе считается в современной науке истиной, не требующей доказательств". Отсюда закономерный вывод: жители Малороссии "в этнографическом отношении представляют не самостоятельную славянскую особь (в противоположность, например, чехам, полякам, болгарам или сербохорватам), а лишь разновидность той обширной славянской особи, которая именуется *русским народом* (курсив мой. - С.Р.). В состав ее входят наряду с малороссами великороссы и белоруссы. В частных сторонах и явлениях своей жизни, в языке, быте, народном характере и исторической судьбе малороссы представляют немало своеобразных особенностей, но при всем том они всегда были и остаются частью одного целого - русского народа"(7).

Филолог-славист, этнограф, академик Петербургской академии наук И.И. Срезневский: "Давни, но не испоконни черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное - великорусское и малорусское; не столь уже давни черты, разрознившие на севере наречия восточное - собственно великорусское - и западное - белорусское, а на юге наречия восточное - собственно малорусское - и западное - русинское, карпатское; еще новее черты отличия говоров местных, на которые развилось каждое из наречий русских. Конечно, все эти наречия и говоры остаются до сих пор только оттенками одного и того же наречия и ни мало не нарушают своим несходством единства русского языка и народа"(8).

Профессор Б.М. Ляпунов: "В настоящее время русский живой язык делится на наречия великорусское, белорусское и малорусское. Причем названия эти простому русскому народу неизвестны *и употребляются только образованными людьми* (курсив мой. - С.Р.)" (9).

Работы процитированных выше авторов относятся к рубежу 19-20 вв. и однозначно говорят о том, что никакого "украинского языка" на территории южной России не существовало. Тем более неоткуда было ему взяться здесь в 14-16 вв. И когда украинский филолог Ф.П.Филин утверждает, что именно в эту эпоху

"получают широкое распространение особенности, характерные для русского, украинского и белорусского языков" и что эти особенности "продолжали нарастать и в более позднее время" - он или сознательно лжет, или игнорирует реальный исторический процесс, строя свою филологическую концепцию на априори заданной схеме искусственного разделения Русских на "три народа-брата" и просто подгоняя под нее факты.

Впрочем, с украинской филологии - будь она советской или самостийнической - спрос невелик, ибо это не наука, а всего лишь наукообразная пропаганда дешевых и примитивных мифов, фантастичность которых столь беспредельна, что нередко смахивает на шизофренический бред. Чтобы убедиться в этом, достаточно только перечислить ее последние "открытия": "Украинский язык - один из древних языков мира... Есть все основания полагать, что уже в начале нашего летоисчисления он был межплеменным языком"(10); "У нас есть основания считать, что Овидий (!) писал стихи на древнем украинском языке"(11); "Украинский язык - допотопный, язык Ноя (!), самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков"(12); "Древний украинский язык - санскрит (!!)- стал праматерью всех индоевропейских языков"(13); 'В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык "сансар", занесенный на нашу планету с Венеры (!!!). Не об украинском ли языке речь?"(14).

Все эти высказывания - отнюдь не из собрания первоапрельских шуток. Они принадлежат солидным академическим мужам, кандидатам и докторам филологических наук. Украинских, конечно, наук. Вряд ли стоит много распространяться о научной значимости трудов этих "ученых", тем более ссылаться на них по примеру В.Кожина, ибо опора на подобного рода "науку" может завести в такие дебри, из которых никогда не выбраться.

Это и происходит зачастую с Русскими авторами, берущимися освещать украинскую тему. Многие из них, как и В.Кожин, наивно полагают, что отнеся генезис "украинского народа" к эпохе 14-16 вв., тем самым защищают древнюю Русь от нахальных посягательств "украинцев". А на самом деле они эти посягательства только *узаконивают*, ибо идеологи украинства совершенно справедливо считают советскую схему возникновения "трех братских народов" (которой и руководствуется В.Кожин), абсолютной чепухой. Если уж "украинцы" наличествуют в Речи Посполитой, то могли они явиться там только из Киевской Руси, - в противном случае придется поверить в то, что поляки вывели их искусственным путем вместо Русских, а это уже совершеннейший абсурд: этнос не бройлер, искусственно не выводится.

По той же причине абсолютно безосновательна и схема "трех ветвей" Русского Народа, созданная либеральной историографией в 19в. и тотчас взятая на вооружение самостийниками в своих собственных целях. Н. Ульянов убедительно доказал, что все эта великорусско-малорусско-белорусская триада никогда не имела хождения в среде Русского Народа, а рождением своим обязана чисто политическим факторам. Навязывание Малороссии в качестве "родного языка" укрмовы точно так же продиктовано политикой, ибо она ("мова") - явление не культуры, а антикультуры, плод усилий различных антирусских сил, видевших в ней эффективное средство *денационализации* Русского населения Юго-Западной Руси. Реалии сегодняшней "самостийной Украины" со всей очевидностью демонстрируют эту ее русофобскую функцию.

* * *

Вот уже десять лет как Киев, древнерусская столица и, по образному выражению летописи, "мать городов русских", пребывает в статусе административного центра "суверенной украинської державы". И при всем том, невзирая на сверхтитанические усилия, самостийникам так и не удалось за время своего господства заметным образом изменить его национальную и языковую доминанту. Сегодняшний Киев, как и века назад, по-прежнему сохраняет облик обычного Русского города: на улицах, в метро, магазинных очередях, праздничных шествиях и многотысячных митингах все так же доминирует живая Русская речь. Редкие вкрапления в нее "мовы" режут ухо, резко диссонируя с общим языковым фоном города, и воспринимаются как нечто чужеродное, занесенное сюда Бог весть из каких дальних краев.

Картина, однако, разительно меняется, стоит только переступить порог любого официального учреждения: здесь полностью царит украинский новояз. Если вы обратитесь к чиновнику по-русски, он с вами даже разговаривать не станет, прикинувшись глухим или по горло занятым. Причина этой игры "в молчанку" банально проста: вы сталкиваетесь лицом к лицу с фасадом новой власти. Украинской власти. Ведь сегодня Киев - столица "самостийной и нэзалэжной Украины" и его нынешние хозяева с маниакальной настойчивостью стараются подчеркнуть этот судьбоносный для их существования факт. Поэтому все уличные надписи, тексты реклам, объявлений, вывески магазинов и названия остановок в Киеве, как и других городах Малороссии, выполнены исключительно на "мове". А в качестве поясняющего перевода к ней дублируются ... на английском языке! Любая официальная документация дается так же исключительно на укрмове. Только на ней ведутся дискуссии в Верховной Раде, хотя вне ее стен подавляющее большинство депутатов привычно переходит на родной Русский язык. Лишь по-украински, с плохо скрытым акцентом, общаются с народом Президент, члены правительства, главы официальных ведомств, представители средств массовой информации.

Слушая их косноязычную, ломаную речь, воочию наблюдая то тягостное напряжение, с каким все эти "державни диячи" вымучивают из себя общение на искусственно сконструированном местечковом новоязе, я всякий раз задумывался над этим странным и трудно объяснимым парадоксом: почему все исторические попытки создания самостийниками "нэзалэжной державы", в сущности всегда сводились к одному: насильственному внедрению "мовы" - и этим зачастую и ограничивались? Какое бы положение не складывалось вокруг и внутри "Украины", раз за разом воспроизводилась ситуация абсолютного управленческого кретинизма: рушится экономика, голодает народ, разворовываются национальные богатства, хищные соседи готовятся или уже растаскивают "самостийну" территорию, а вожди "украинської нации" озабочены лишь одним: срочным переобучением народа на укр.яз., ничто их больше не беспокоит. Гори все синим пламенем, только бы народ "забалакав"! Так было в далеком уже 1917-ом, то же повторяется ныне.

Может быть, по какому-то злому року все "украинские правительства" формировались из одних свихнувшихся филологов? Да нет, в украинскую власть всегда шел народ ушлый, с хищной хваткой, весьма ловко набивавший не только свои карманы, но и мощну самых дальних родственников, неисчислимого сонма "сватов" и "кумовьев". Тогда зачем же эта напрасная растрата огромных административных, материальных и

интеллектуальных ресурсов? Решение какой сверхзадачи преследует этот воинствующий обскурантизм? Что движет его яростными апологетами и что их вдохновляет?..

Во время своих частых наездов в Киев, я задавал все эти вопросы самым разным людям, в том числе и тем, кто непосредственно занимается внедрением в жизнь этого абсолютно бессмысленного проекта - и ни разу не получил вразумительного ответа. Каждый из адептов украинового движения, в меру своей образованности и ангажированности самостийнической идеей, силился объяснить мне смысл происходящего - и всякий раз, вникая в их доводы, я не мог избавиться от ощущения, что являюсь свидетелем массового, поголовного *психоза*, особого рода социального безумия, в которое вовлекаются все новые и новые жертвы. Безумия, вышедшего из-под контроля и несущего в себе чудовищный потенциал разрушения культуры и общества.

В государстве с умирающей экономикой, где миллионы людей голодают, прозябая в нищенском, полуживотном состоянии, нередко добывая хлеб насущный на городских свалках и мусорниках; где молодое поколение захлестнуто пьянством, наркоманией и уголовной преступностью, а проституция является единственным средством выживания едва ли не половины девушек и молодых женщин; государстве, где посредством туберкулеза и сифилиса смерть выкашивает целые регионы, а больницы лишены простейших медикаментов и не имеют средств, чтобы кормить больных; государстве, где смертность населения на порядок выше рождаемости, а самоубийства приобрели характер массовой эпидемии; где казнокрадством, взяточничеством, разворовыванием и распродажей национальных богатств охвачен поголовно весь госаппарат от ничтожного рядового клерка до главы правительства и Президента, - в этом государстве с чисто параноидальной навязчивостью, раз за разом ставится и решается одна-единственная проблема: как сделать никому не нужную "українську мову" массовой и желанной, какими средствами принудить пятьдесят миллионов взрослых мужчин, женщин и их детей забыть родной Русский язык и перейти на искусственно созданный суржик.

На страницах газет и журналов, в теле- и радиоэфире, на партийных и писательских съездах, встречах солдатских матерей и родительских собраниях, в детсадах и университетах, воинских частях и научных академиях кипят страсти, бушуют эмоции, раздаются угрозы и даются торжественные клятвы, в массовом порядке рождаются предложения по "врятуванню рідної мови". В Верховной Раде бесконечно обсуждаются языковые законопроекты, один идиотичнее другого. Последний из них, например, предусматривает за "неупотребление украинского языка" административные наказания и штрафы. Из правительственных сфер следуют не менее грозные циркуляры, столь же идиотичные, сколь и не выполнимые. Постановлением Кабинета Министров Украины 1004 от 21 июня 2000 года категорически запрещено употребление Русского языка органами власти и местного самоуправления даже в тех регионах, где Русские официально признаны большинством населения. Это же постановление в директивном порядке обязывает изучать укромову не только госслужащих, но и предпринимателей, работников сферы обслуживания, инженерно-технических работников и даже работников национально-культурных обществ. И не только изучать, но и в обязательном порядке *пользоваться ею в быту!* Особенно же впечатляет статья 31 этого постановления: *об уголовной ответственности за нарушение литературных норм "дэржавной мовы"*.

Всякий, хоть сколько-нибудь знакомый с процессом разработки украинского новояза, понимает, насколько смехотворно применительно к нему звучит само требование соблюдения каких-либо "норм". Искусственно мутированный из разговорного малорусского наречия, он на протяжении последних ста лет подвергался столь несуразным переделкам и нововведениям с целью максимального удаления его от Русского языка, что сегодня даже самый изощренный специалист-украиномовник не в состоянии определить: что является нормативной формой, а что - грубым отклонением от нее.

Кого и за что сажать в тюрьму? Президента Кучму, выступления которого изобилуют ошибками, характерными для детишек младших классов? А может быть, украинских министров, допускающих в предложении из пяти слов, не менее десяти отступлений от лексических норм современного варианта "мовы"? И, главное, кто и как будет решать вопрос о привлечении к уголовной ответственности провинившихся? Языковая полиция? Министерство Правды? "тройки по украинизации"? или иные учреждения в этом же роде? Абсурд и нелепица! Полное сумасшествие! "Палата 6"!.. Посмеяться бы, да не очень весело. Речь ведь идет не о бреде психически больного субъекта, а *государственной политике*, уже сегодня калечащей судьбы миллионов людей, растапывающей их человеческое и национальное достоинство, деформирующей их сознание ложью, ненавистью, ощущением этнической и моральной ущербности. И смысл ее отнюдь не в защите и поддержке "рідної мови", а намеренном и зловредном искоренении в Малороссии всяких следов ее Русскости: будь то язык, книжка, безобидный водевиль или надпись на придорожном указателе. Все, абсолютно все подвергается тотальному уничтожению.

Продающаяся на Украине печатная продукция на Русском языке официально признана в качестве "информационной агрессии восточного государства". В соответствии с этой установкой еще в 1996г. Министерством информации были выработаны рекомендации для правительства, в которых предлагалось "уменьшить тарифы на распространение печатных периодических изданий на государственном языке (укромове) в 100 раз, а на негосударственном (т.е. Русском) - *увеличить (!!!) в 100 раз*". При этом вещание и печатные издания на Русском языке были признаны "явлением, которое по своим негативным последствиям представляет для национальной безопасности страны *угрозу не меньшую, чем пропаганда насилия, разврата, а так же разные формы антиукраинской пропаганды*". В законе, принятом Верховной Радой в августе 2000 года, издания на Русском языке приравнены к изданиям "рекламного и *эротического(!)* характера" и на этом основании обложены дополнительными поборами. Председатель Государственного Комитета по информационной политике, телевидению и радио Иван Драч суть подобной дискриминации объяснил просто: "Каждая русская книжка должна платить акциз - одну гривню на украинскую культуру. Каждая русская газета - десять копеек на украинскую прессу!".

Во Львове решением горсовета запрещены даже *песни* на Русском языке. Финансируемые городским бюджетом специальные "отряды украинизации" проводят рейды и облавы в кафе, ресторанах, магазинах с целью выявления нарушителей этого драконовского постановления. Заведения, уличенные в нарушении

запрета, подвергаются не только денежным штрафам, но нередко и погромам специально науськиваемой на то толпой уличного сброда. Запрещены также Русские спектакли и концерты.

Война на уничтожение ведется не только против Русского языка, но и Русской культуры, Русского образования. За истекшее десятилетие количество Русских школ на Украине сократилось на тысячи единиц, составив в 2000г. всего лишь 10% от общего их числа. В Киеве только пять процентов детей обучаются на родном Русском языке. Из 369 школ лишь 11 - Русские и те находятся на грани закрытия. Русских детсадов нет вовсе.

* * *

Самое поразительное, однако, то, что все это украиномовное беснование, невзирая на административный террор и мощную финансовую поддержку государственных структур, вопреки регулярным истерически-разнузданным компаниям украинских СМИ, запугиванию, шантажу, а нередко и физическому насилию со стороны бесконечного числа бандеровских "спилок" и "филий", дает ничтожно малый практический результат. И сами "украинцы" вынуждены это признавать.

"Украинский язык, имея бумажно-государственный статус, таковым не является на двух третях своей территории"(15). "Сегодня 60-70 процентов украинцев отреклись от родного языка"(16) - льют крокодиловы слезы самостийники, проклиная "русификацию" и "москалей". И это при том, что нынешняя мутная волна украинизации - уже *четвертая* за истекшее столетие.

Первая такая кампания началась сразу после Революции 1917 года. Чехардой пронесшиися "банановые" режимы украинцев (Рада, Гетманщина, Директория) были слишком ограничены временем и пространством для организации широкомасштабного наступления на Русские язык и культуру и поэтому ограничивались в основном принятием деклараций да комедийной сменой вывесок на магазинах и учреждениях тех городов, в которых им удавалось на время устанавливать свою власть. К этому добавлялось изгнание с работы всех служащих, не владевших укрмовою.

После утверждения в России коммунистического режима и превращения Малороссии в "Украинскую Советскую Социалистическую Республику" (УССР) дело украинизации было поставлено на государственную основу и приняло совершенно иной размах. Задействованными оказались все возможные структуры власти, от законодательных до карательных. Для перевода Русского населения на "мову" были созданы "тройки по украинизации" (по типу печально знаменитых "троек ГПУ", отправивших на смерть миллионы людей), а также тысячи "комиссий" того же рода. Тут уже не только переводилась на новояз документация, вывески, газеты, но даже разговаривать в учреждениях по-русски запрещалось. И просто увольнениями уже не ограничивались. Только один из тысячи примеров.

В июле 1930 года президиум Сталинского окрисполкома принял решение "привлекать к уголовной ответственности руководителей организаций, формально относящихся к украинизации, не нашедших способ украинизировать подчиненных, нарушающих действующее законодательство в деле украинизации". При этом прокуратуре поручалось проводить показательные суды над "преступниками".

Административный террор и запугивание приносили свои черные плоды. В Русском городе Мариуполе, например, к 1932г. не осталось ни одного Русского класса. Этот беспрецедентный разгул русофобии длился в Малороссии больше десяти лет, с середины 20-х до переломного 1937г., когда наиболее оголтелые фанатики украинства к своему удивлению оказались в числе прочих "врагов народа" и тысячами отправились в советские концлагеря. И, хотя официально украинизация не была отменена, ей, ввиду надвигающейся войны, перестали уделять прежнее внимание и ввели в более спокойное русло.

Затишье, впрочем, было не долгим. Военные успехи Гитлера, оккупировавшего к концу 1942г. всю Малороссию, на короткий срок возродили самые смелые чаяния украинизаторов. Взятие немцами каждого города сопровождалось немедленным закрытием любых Русских газет, вместо которых начинали печатать исключительно украинские. Той же метаморфозе подвергалась и сфера образования. Во всех учреждениях, созданных для работы с местным населением, обязательным опять же объявлялся украинский. Лица, не владевшие "мовою" из них изгонялись. Причем все эти мероприятия проводились за немецкие деньги и при самом активном участии немецких специалистов.

Гитлер не задавался вопросом: почему подавляющее большинство "украинцев" не владеют укрмовою. Ему было важно одно: любой ценой уменьшить численность Русского народа, чтобы максимально ослабить его сопротивление оккупационному режиму. Украинизация являлась весьма удобной формой этнического геноцида: чем больше "украинцев", тем меньше Русских - и наоборот. Фюрер хорошо усвоил предостережение Бисмарка: "Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах Русских ... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути". Следовательно, необходимо было не только нанести Русским военное поражение, но и дополнительно расколоть их на несколько частей, враждебных друг другу, что гарантировало прочность владычества над ними. "Украинцы" в этом деле оказались незаменимым подспорьем...

Увы, планам Гитлера и его украинских друзей так и не суждено было сбыться: освобождение Малороссии частями Красной Армии положило конец мечтаньям о создании самостийного украинского бандустана под протекторатом "тысячелетнего рейха".

Еще одна вялая попытка украинизации была предпринята в хрущевские времена, но при Брежнев, в связи с общей либерализацией режима, дело было пущено на самотек, планов расширить применение украинского новояза уже не составляли, а без государственной поддержки он стал умирать естественной смертью.

И вот очередная украинизаторская конвульсия. Снова насилие, запугивание, шантаж и - спустя десять лет - горькое разочарование: "70% украинцев отреклись от родного языка". И это при том, что в предыдущую

эпоху был заложен прочный фундамент для повсеместного внедрения "мовы". "Украинский язык уже как-то составлен, на нем пишут разные произведения литературного и научного характера ... Введено принудительное обучение на нем в школах, в средних учебных заведениях и в университетах, а так же принудительная публикация всех видов научного и литературного творчества"(17). И, невзирая на столь солидный задел, "украинский язык, имея бумажно-государственный статус, таковым не является на двух третях своей территории"...

Загадка. Неразрешимый парадокс. Что же это за люди такие - "украинцы"? Откуда в них это странное и противоестественное неприятие "ридной мовы"? Можно ли представить себе, например, Францию, в которой бы *три четверти населения* изъяснялись исключительно на *иностранном*, языке "схидного сусида", ну, хотя бы том же немецком? Полный абсурд. А вот три четверти "украинцев" способны думать, писать и говорить лишь на "иностранном". Положение дикое: вопреки многочисленным кампаниям по украинизации, проведенным за последние сто лет, *"украинцы" упорно отказываются... украинизироваться!* Ну какие еще нужны доказательства полной несостоятельности любых теорий, выводящих из факта возникновения в Малороссии разговорного русско-польского суржика - "мовы", этногенез "украинцев"? Да не было этого никогда! Ведь даже сегодня, полтысячелетия спустя, "освоение" ее идет настолько туго, что повергает в беспросветную тоску самых одиозных украинских идеологов.

Глава 3. Русские друзья «украинцев» и их роль

в расчленении Русской Нации.

Мы живем в эпоху странного состояния умов, когда совершенно неправдоподобные и ни на чем не основанные гипотезы воспринимаются массовым сознанием в ранге абсолютно непререкаемых «истин». Версия происхождения «украинцев» из их числа. Сегодня популярные Русские писатели, вопреки твердо установленным историческим фактам, со странным усердием тиражируют миф о "рождении украинского этноса" в Речи Посполитой. И все это для того, чтобы уберечь от украинских посягательств Киевскую Русь. Тому же В. Кожинуву пришлось громоздить совершенно нелепую теорию для обоснования того, что этнически и культурно древняя Русь являлась Русской. Между тем ему всего лишь надо было сослаться на исторические источники 9-13 вв., чтобы показать: никаких "украинцев" они не знают. А если бы он хронологически продвинулся дальше, в 14-16 вв., то смог бы удостовериться, что и в Руси литовско-польской историческим деятелем выступает все тот же Русский Народ с присущими ему верой, культурой, языком, национальным менталитетом, а рассказы самостийников о бытии "украинцев" в Речи Посполитой - выдумка чистой воды. Но автор "Истории Руси ..." почему-то проигнорировал этот простой и естественный путь, отдав предпочтение фантастическим доктринам "украинских вчэных", внося и свой вклад в утверждение этих фантазий в качестве "беспорной истины". Мы не пойдем этой ложной дорогой, отдав право решающего голоса наиболее объективному свидетелю - Истории. Начнем с 14 века...

До наших дней сохранилась печать галицко-волынского князя Юрия Львовича (ум.1316) с титулом на ней: "государь *Руси*". При нем чеканились деньги - "монета *русская*", "гроши *русские*", чеканились вплоть до 1434 г.! После захвата части земель киевского государства Литвой ее правители титуловались: "Великий князь литовский, жмудский и *русский*". Литовское княжество на две трети состояло из Русских территорий. Русские главенствовали в нем; Русский язык являлся государственным: на нем публиковались законы, велось судопроизводство. "Литовский статут" - сборник основных законов - даже в третьем своем издании, уже на польском языке (1588), предписывал: "*Земский писарь обязан все бумаги, выписки и призывные повестки писать ... только на русском и по-русски, буквами и словами русскими*". Воеводы и старосты должны были определять на должность своих помощников "*людей ... знающих русскую грамоту*".

Галицко-волынский князь Юрий II в латинской грамоте (1335) магистру немецкого ордена Дитриху называет себя: "*Божией милостью прирожденный правитель всей Малой России*". Византийский император Иоанн Кантакузен, обращаясь к литовскому князю Любарту Гедиминовичу (1347) пишет: "*Ты знаешь, что так было установлено и узаконено с той поры, как народ русский познал Бога ... дабы был один митрополит - Киевский, для всей России, как для Малой, так и для Великой*". В акте того же императора очерчивается и первоначальная территория Малороссии: "*Святейшие епископии Малой России, находящиеся в местности, называемой Волинией: Галицкая, Владимирская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская*".

Со временем название "*Малая Россия*", как мы уже отмечали, распространяется на все земли, захваченные Польшей и Литвой. Польский король Казимир III Великий, захватив Галицко-Волынское княжество, отправил в Константинополь (1370) епископа Антония от своего лица и "*от всех князей и бояр русских*". В своей грамоте он пишет: "*рукоположите Антония в митрополита дабы не исчез ... закон русский. А не будет ... вашего благословения ... нам нужно будет крестить русских в латинскую веру*". Себя в этом послании Казимир величает: "король Ляхии и *Малой России*".

Никаких изменений не вносят в наш вопрос ни 15, ни 16 века: по-прежнему в Малороссии проживают Русские, а об "украинцах" в ней никто ничего не знает. В книге польского иезуита Петра Скарги "О единстве Церкви Божьей" (1577), разработавшей план распространения унии среди Русских, читаем: "*Очень бы нам помогли совещания ... с русскими владыками ... Если бы мы сами были внимательны, давно бы взяли в свои руки русские школы, пересмотрели бы все русские книги ... Следовало бы переводить для русских на польский или прямо русский язык полезные для того сочинения, чтобы русские сами могли яснее увидеть правду*".

В послании галицко-подольских мирян (1583) митрополиту киевскому Онисифору читаем: "*наши церкви превращаются в иезуитские, а добро Русской Церкви передается латинским*". Львовское православное братство издает в своей типографии "Граматику" в наставление "*многочисленному Российскому роду*". То же Львовское братство, обращаясь к царю Федору Иоанновичу(1592), именует его "*светлым царем Российским*", вспоминает "*князя Владимира, крестившего весь Российский род*". А в письме к московскому патриарху Иову львовяне пишут об экспансии католицизма: "*прежде в нашем городе не было иезуитов, которые завладели многими русскими церквями*". Князь Константин Острожский в письме (1593) к епископу владимирскому Ипатию предлагает тому поехать в Москву: "*Порассказал бы там какое гонение, поругание и уничтожение*

терпит здешний народ русский ... и попросил бы великого князя и тамошних духовных ... прекратить такое разделение церквей и уничтожение русского народа". В числе книг, напечатанных на средства князя в Остроге, была и "Книга Василия Великого". В ее предисловии встречаем следующее обращение к читателям: *"вы же, о православный Российский народе"*. Термины "российский" и "русский" употребляются как синонимы, смысл их совершенно тождественен.

Тот факт, что огромное число подданных польского короля являлись по национальности *Русскими*, а у самых границ Речи Посполитой укреплялось и возвышалось *Русское государство*, не мог не беспокоить польских государственных деятелей, стремившихся любыми способами отделить Русских Малой Руси от единоплеменников остальной России, внушив им, что за границей живет совсем иная народность, отличная от той, что живет в Малороссии. Уже в конце 16 в. в польских источниках мы обнаруживаем основы той идеологии, которая в будущем получит наименование "украинской". В послании польского короля Сигизмунда III папе Римскому (1596) по поводу церковной унии читаем: *"Под властью русского митрополита (Киевского и Галицкого) находятся обширнейшие и многочисленнейшие области. В сравнении с Россией области примасов Галлии или Испании совсем не велики ... Если вся Россия, т.е. Литовская Русь, соединится с апостольским престолом, это легко может привести к унии и великое княжество Московское... потому что в богослужении москвитяне употребляют один язык с русскими, да и разговорный язык обеих этих народностей представляет различия только диалектические или в произношении слов"*.

Как видим, пресловутые "москаля" ("москвитяне", "московиты") и их фантастическая родина - "Московия", как и "две русские народности", - чисто польское изобретение, а использование этих понятий самостийниками - еще одно доказательство духовно-психологического подчинения "украинского" - польскому, "украинцев" - полякам, для которых первые всего только пушечное мясо в извечной войне против России, нечто вроде янычар - особого сообщества этнических маргиналов, специально натасканных для борьбы с тем народом, к которому кровно принадлежат. Достаточно обратиться к Русским летописям, чтобы убедиться; "москаля" на территории России никогда не проживали. Место их обитания - воспаленные мозги украинских самостийников, напичканных польской пропагандой с целью разрушения единства Русской Нации. В реальности же в той части древней Руси, которую в 14-16 вв. стали определять как "Великую", никаких изменений ни в названии страны, ни в названии народа не произошло...

Летописная характеристика хана Золотой Орды Джанибека (1343): *"много льготу сотвори земле русской"*. О поездке великого князя Василия Дмитриевича к хану Тохтамышу (1364): *"любезно его жаловавшие и отпусти его на Русь"*. Поход князя Дмитрия Ивановича на Тверь (1375): *"поиде кн. в. Дмитрии с Волока со всеми речеными князи русскими совокупяся и с всею силою русскою"*. В 1380 г. константинопольский патриарх посвящает в митрополита "Киевского и Великой Руси" архимандрита Пимена. Одновременно по требованию великого князя Литовского поставлен митрополит "Малой Руси и Литвы". Примечательно, что киевская кафедра, еще в конце 13 в. перенесенная в Москву, номинально сохранялась за московским архиереем, хотя сам Киев принадлежал Литве. Но, как пояснялось в акте о поставлении митрополита Пимена, *"невозможно быть архиереем Великой Руси, не получив сначала наименования по Киеву, который есть соборная церковь и главный город всей Руси"*. В "Повести об осьмом (Флорентийском) соборе" (1439) суздальского иеромонаха Симеона превозносится *"великая и славная русская земля"*, утверждается, что *"в Руси великое православное христианство боле всех"*. Великий князь московский Василий Васильевич в послании византийскому императору Константину Палеологу (1452) поздравляет его с восшествием на престол *"в утверждение всему православному христианству греческих держав и владениям русския земли"*. Князь также сообщает о поставлении Ионы *"русскими владыками, на святейшую митрополию русскую, на Киев и на всю Русь митрополитом"*.

Нашествие хана Ахмата на Русь (1480). Архиепископ Вассиан пишет великому князю Иоанну III: *"какой апостол или святитель научил тебя, великого русских стран царя, повиноваться этому богостудному, оскверненному, самозванному царю?"*. Именно Иоанн III первый из московских князей официально принимает титул "самодержца" и "царя". В извещении о пасхалии митрополита Зосимы (1492) говорится: *"и ныне прослави Бог... великого князя Иоанна Васильевича, государя и самодержца всея Руси"*. На рубеже 15-16 в. появляется "Повесть о белом клобуке" посольского толмача Дмитрия Герасимова, который, рассуждая о духовном падении старого католического Рима и нового Рима - Константинополя, утверждал: *"На третьем же Риме, еже есть на русской земли, благодать Св. Духа возсия - яко все христианская царства придут в конец и снудутся во едино царство русское, православия ради... и царя русского возвеличит Господь над многими языки... и патриарший великий чин... такожде дан будет рустей земли во времена своя и страна та наречется светлая Россия"*. В эту же эпоху в "Послании некоего Спиридона-Саввы о Мономаховом венце" (1523) повествуется о том, как византийский император Константин Мономах послал князю Владимиру Всеволодовичу царские инсигнии *"в знак вольного самодержавства великия России"*. *"И с того времени великий князь Владимир Всеволодович назвался Мономахом и великим царем великой России и с того времени этим венцом царским венчаются все великие князья владимирские, когда ставятся на великое княжение русское, как и сей вольный и самодержец царь великой России Василий Иванович"*.

А вот выдержка из речи царя Федора Иоанновича в Боярской Думе (1589): *"Помыслили были есмь о том, чтобы святейшему патриарху Иеремии Вселенскому быти в нашем российском государстве на патриаршестве Владимирском всея России"*. Этот же эпизод воспроизводит в своих мемуарах его непосредственный очевидец митрополит Монеувасийский Иерофей: *"Когда русские увидели, что Иеремия не ставит им патриарха, а сам хочет остаться у них, то говорят ему ... древняя кафедра России во Владимире, туда и благоволиши отправиться на жительство"...*

* * *

Итак, мы можем подвести некоторые итоги. В течение 14-16 вв. наряду с прежним названием *Русь* (*Россия*) в источниках появляются новые - для обозначения двух ее частей: подчиненной Золотой Орде Великой Руси и оккупированной поляками и литовцами Малой Руси. Однако названия эти не вытеснили прежнего - РУСЬ, которое и оставалось в течение рассматриваемого периода наиболее употребительным, лишь к концу его уступив место своему греческому эквиваленту "РОССИЯ".

Что же касается этнонима, используемого для обозначения национальной принадлежности населения Руси, то он остался без изменений: РУССКИЕ - так по-прежнему самоопределял себя Русский Народ вне зависимости от того, в какой части России он проживал - Малой или Великой. Отсутствие разницы естественно: речь шла об одном народе, одной стране, часть которой лишь временно оказалась включенной в другое государство.

Утверждения В.Кожина о появлении в 14-16 вв. в юго-западной Руси "украинцев", а в Руси Московской - "великороссов" ни на чем не основаны и свидетельствуют о полном незнании источников данной эпохи, начисто опровергающих предложенную им схему.

Расчлененный государственными границами Русский Народ не только сохранил сознание своего национального единства, но и подготовил духовные, материальные, военные предпосылки для ликвидации иноземного владычества над Малороссией и воссоединения нации в едином государстве. Именно 16 в. дает нам примеры активной самоорганизации Русских на оккупированной территории (запорожское казачество, православные братства) для активного противодействия проводимой поляками и католицизмом политике дерусификации населения Малой России, ее этнического и вероисповедного оскопления.

Только эта самоорганизация позволила Русской Нации вступить в открытую вооруженную борьбу с оккупантами и завершить ее блестящей победой в середине 17 в.; победой, ковавшейся усилиями всего Русского Народа: Малой, Белой и Великой Руси. Ложь о "национально-освободительной борьбе украинского народа" не только профанирует истинные цели и значение этого народного подвига, но и кощунственно оскорбляет память героев славной войны 1648-1654 гг.

Не "украинцы", а Русские в течение шести лет сражались с панской Польшей, покрыв себя не меркнувшей в веках славой. Не "украинцы", а Русские отстаивали веру, свободу, право быть самими собой, а не подневольными польскими "хлопами". И все участники этой кровавой, беспощадной борьбы прекрасно знали - кто, с кем и за что воюет. Сошлюсь еще раз на Богдана Хмельницкого. В июне 1648 г., двигаясь на Львов, гетман отправляет универсал жителям города: "Прихожу к вам, как освободитель *русского народа*; прихожу к столичному городу земли *червонорусской* избавить вас из ляшской (польской) неволи".

А вот свидетельство другого современника, из противостоящего лагеря - польского гетмана Сапеги: "Против нас не шайка своевольников, а великая сила целой *Руси*. Весь *народ русский* из сел, деревень, местечек, городов, связанный узами веры и крови с казаками, грозит искоренить шляхетское племя и снести с лица земли Речь Посполитую". Как видим, речь идет только о Русском Народе. Причем же здесь грушевские, петлюры, винниченки, бандеры, шухевичи и прочие "украинцы"?!. Не за "самостийну Украину" велась борьба, а за воссоединение двух частей РОССИИ, объединение Русских в едином государстве.

Что же касается "украин" (окраин), то термин этот, как и ранее, применяется в источниках к самым разным территориям и также не имеет к позднейшим "украинцам" совершенно никакого отношения.

О приграничье (окраине) Полоцкой земли встречаем в летописи (1348): "*И посем Андрей с Полочаны из своєю украинны пригнавши, без вести повоевавши неколико сел Воронежской волости*". Пограничные рубежи Литвы и Валахии упоминает великий князь литовский Александр в письме к валашскому воеводе: "*И тымы разы, аж Бог даст, подблизаемся там под украинны к тым нашим панством и оттут ... идем до Тебе наших послов*". "Приказали есмо своим **украинным** князем ... и всем своим **украинником** (т.е. жителем приграничья)" - сообщает летопись в 1503 г. Великий князь Василий Иванович пишет (1517): "*Наш недруг Жигимонт, король польский, послал войско к украинному пригородку к Одочке, а наши воеводы ноугородцкие с ноугородцкими людьми стояли в нашем украинном городе на Луках на Великих, оберегали наших украин*".

В польских источниках 16 в. нередко встречается слово "украина", от которого два века спустя малороссийские самостийники и поведут свою фантастическую страну "Украину", населенную таким же фантастическим "украинским народом". Хотя и поляки поначалу под "украиной" подразумевали все то же приграничье, окраину и не привязывали ее к какой-либо конкретной территории. Недаром синонимами "украин" в польском языке служили слова "уграниче", "пограниче".

Польский король Стефан Баторий, например, писал в своих универсалах: "*старостам, подстаростам, державцам, князьям, панам и рыцарству, на украине русской, киевской, волынской, подольской и брацлавской живущим*" или "*всем вообще и каждому в отдельности из старост наших украинных*". У польского историка Мацея Стрыйковского (ум. 1582), автора "Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси (!)" находим следующие места: "*Альбрехт, племянник королевский, причинил убытки на украине (т.е. границе) Польской и Жмудской земли*". "*Деньги были выдаваемы из казны конным и пешим ротмистрам на украине московской и татарской*" - т.е. границе с Россией и Степью...

* * *

Я полагаю, что ложность историософской концепции В.Кожина вполне доказана приведенными выше фактами. Впрочем, он и сам интуитивно понимает, что его умозаключения о генезисе "украинского народа" на бесспорную истину едва ли тянут. Не зря же в целях подкрепления своей надуманной схемы он внедряет в нее столь же надуманный термин "*общерусский*". Надуманность видна уже из того, что применение термина строго ограничено определенными случаями, а именно: стоит Русскому писателю столкнуться с идеологией украинского (белорусского) сепаратизма и необъяснимо загадочным появлением на месте Русских русскоязычных "украинцев", "белоруссов", "трех ветвей" и тому подобных химерических общностей, как он сразу начинает оперировать странными словосочетаниями, вроде "общерусский язык", "общерусская культура" или "общерусская история", - не замечая в полемическом задоре всей их бессмысленности.

В самом деле. Если у нас имеются "общерусская культура" и "общерусский язык", то что же тогда значат "*русская культура*" и "*русский язык*"? В чем отличие "общерусского" от "русского" и в какой связи между собой они находятся? Никто и нигде этого не разъяснил. Например, неоднократно цитируемый нами А. Железный использует в своей брошюре слово "общерусский" применительно к Русскому литературному языку.

Но никому в голову не приходит называть немецкий и английский литературные языки "общенемецким" и "общеевропейским", ибо само собой разумеется, что письменный язык и сосуществующие рядом с ним местные диалекты и говоры - понятия разного уровня: первый используется и понимается *всей нацией*, степень распространенности вторых - отдельно взятая область, за пределами которой они бесполезны и не нужны. Поэтому-то в любой стране мира в школах преподается один язык: немцам - немецкий, англичанам - английский, а Русским - русский, при полном игнорировании местечковых диалектов. Приставка "обще ..." здесь совершенно неуместна, ибо никакого "общезыка" у народа нет, как и нет "общекультуры", всегда **национальной** по форме и содержанию.

Далее. Если культура Русского Народа только часть "общерусской", то что же составляют остальные ее части? "Украинскую", "белорусскую" и иных "русскоязычных"? Но всякий хоть сколько-нибудь знакомый, например, с феноменом украинской культуры, согласится, что выросла она на совершенно иных основаниях, чем Русская, и не только в корне отличается от нее, но в существенной своей части ей *противопоставлена*, ибо русофобия - один из отличительных ее признаков. Взять хотя бы творчество незабвенного Кобзаря, преисполненное злобы и неприятия всего подлинно Русского. Объединение "русского" и "украинского" такая же нелепица, как теплый лед или холодный пар.

Что же тогда означает это пресловутое определение "общерусский"? Ничего. Пустой звук. Наспех изготовленный муляж, функции которого - аберрация Русского национального сознания и того реального исторического процесса, в котором участвовала вся совокупность Русского Народа Малой, Белой и Великой Руси. Потому-то и является он в кризисные моменты Русской Истории, когда предатели и сепаратисты берут верх над здоровыми силами нации, подавляют ее национальные инстинкты, препятствующие расколу и разложению, и, пользуясь своим временным перевесом, внедряют в народное сознание обесмысливающую приставку "обще ..." с непонятно что содержащими "общерусской культурой" и "общерусской историей".

Размывание термина "русский" различными новопридуманными словечками - всего лишь трусливая уступка региональным сепаратизмам, молчаливое признание того, что автор "Слова о полку Игореве", св. Димитрий Ростовский, Гоголь, Репин, Вернадский, - словом те, кто олицетворяет собой Русскую культуру, в общем-то, конечно, Русские, но где-то и ... *нерусские*, а хоть те же "украинцы", "россияне" или какие-нибудь еще "русскокультурные граждане". За этой как-будто несущественной, чисто терминологической уступкой закономерно следуют остальные, уже более чем существенные, завершаясь в итоге отторжением от России исконных Русских территорий с живущим на них Русским же населением.

В. Кожин последовательно следует в русле этой капитулянтской традиции, используя применительно к культуре древней Руси термин "общерусская", т.е. общая для "украинцев", "белоруссов" и ... здесь совершается избитый русофобский трюк: Русские выбрасываются из триады "братских народов", а вместо них являются химерические костомаровские "великороссы": *"это была, как обычно определяют общерусская культура, которая только с конца 13-14 века начинает разветвляться на украинскую, белорусскую и, по определению, предложенному Н.И. Костомаровым, "великорусскую"(1).*

Русская культура, как единое органичное целое, уродливо расплзается в "трех ветвях". Но парадоксальным образом противореча самому себе, В.Кожин тут же объявляет, что "культура Киевской Руси вообще не имеет прямого непосредственного отношения к украинскому народу", странным образом не замечая, что это его "не имеет отношения" совершенно обесмысливает его же "начинает разветвляться". И подобный набор нелепиц автор "Истории Руси..." преподносит читателю в качестве бесспорной истины, якобы добытой им в жаркой полемике с историками "школы Грушевского"! На самом-то деле в путаных, взаимоисключающих кожиновских рассуждениях ею и близко не пахло, а ловкое жонглирование мертвой антиисторической терминологией - всего лишь маскировка, долженствующая скрыть этот очевидный и безотрадный факт...

Я впрочем, совсем не намерен дискредитировать научную и общественную значимость книги В. Кожина, безусловно, имеющей массу достоинств. Автору удалось по-новому осветить мало известные широкому читателю факты Русской истории, введя при этом в оборот огромное количество научных исследований, ранее известных только узкому кругу специалистов. И сделано это в блестящей литературной форме: книга читается легко и с неослабным вниманием. Содержащиеся в ней оценки и выводы продиктованы стремлением постигнуть историческую судьбу Русской Нации в переломные эпохи ее истории. При этом В. Кожин во многом удается преодолеть русофобские штампы либеральной и советской историографии. Тем поразительнее резкое смещение авторской точки зрения при раскрытии "украинской темы": из Русской она молниеносно превращается в *антирусскую*, причем для обоснования ее привлекаются как раз те ложные историософские схемы, которые сам В.Кожин столь убедительно опровергает при обсуждении других вопросов.

* * *

Выше я стремился показать, где и в чем ошибается В.Кожин. При этом неоднократно подчеркивал и подчеркну еще раз: ошибки эти присущи в той или иной степени большинству современных Русских авторов. Коварная легенда о "братском украинском народе", скроенная из исторических фальшивок и беспардонной лжи, пустила столь глубокие корни в Русском национальном сознании, что воспринимается как "истина в последней инстанции" и в ранге таковой без всякой критической оценки переходит из книги в книгу, красуется на страницах Русских газет и журналов.

В.Кожин здесь представляет правило, а не исключение. И хотя в "Истории Руси и русского Слова" данная тема второстепенна, критика авторской позиции не должна восприниматься как мелочная придирка, ибо мелочь мелочи рознь.

Речь идет не о теоретических изысках, интересных только специалистам; и даже не о той громадной бреши в национальном сознании Русского Народа, которая проделана сегодня малодушной уступкой части его истории "украинцам". Называй св.Владимира, Ярослава Мудрого, Григория Сковороду "украинцами", папуасами или закоренелыми представителями племени ням-ням - они не перестанут от этого быть Русскими. И

такowymi останутся навсегда. Слишком уж нелепа и абсурдна сама попытка задним числом изменить этническую принадлежность того или иного исторического деятеля. Над этими, попахивающими психической патологией потугами, можно от души посмеяться. Ибо это действительно смешно. Но далеко не так безобидно, как кое-кому кажется.

Украинство - проблема отнюдь не отвлеченно-теоретическая. Речь идет о судьбе нескольких десятков миллионов ныне живущих Русских, которых, ссылаясь на то, что они - "украинцы" современные Русские идеологи и политики готовы бросить на произвол судьбы, на расправу и поругание бандеровскому режиму "нэзалэжной Украины".

Судьба их поистине трагична. Они - Русские и одновременно - "украинцы", т.е. та часть Русского Народа, которую, не спрашивая на то ее согласия, в 19 в. идеологи самостийничества окрестили "украинцами". А в 20 в. эту их новую этническую принадлежность коммунисты официально затавировали в советских паспортах. Четыре поколения этих людей, родившихся в СССР и воспитанных интернациональной идеологией в духе "слияния всех наций в единую общность - советский народ", привыкли ассоциировать себя с ничего не значащим для них этнонимом "украинцы", хотя не утратили ни своего Русского языка, ни свойственной им Русской культуры, ни сознания своей общности с остальным Русским Народом, в числе врагов которого числили и поныне числят всех украинских кумиров, начиная от Мазепы и заканчивая пресловутым Бандерой. Не перестав быть Русскими, они за истекшие восемьдесят лет советской эпохи в различной степени - одни больше, другие меньше - утратили этническую самоидентификацию, став людьми с химерической национальной принадлежностью, хотя ни по языку, ни по своим политическим предпочтениям, не говоря уже о менталитете, "украинцами" не являются... Однако не сознают себя и Русскими, ибо в течение века в их сознание буквально вдалбливалась мысль об их украинстве. В этом-то раздвоении и национальном беспамятстве и заключен смысл их трагедии.

Составляя три четверти населения "самостийной и нэзалэжной" (почти 40 млн. !!), они поставлены в положение чужаков и изгоев. Самостийническая власть ведет против них настоящую войну на истребление, ведет по всем направлениям: информационному, экономическому, политическому и культурному. Переведенные в ранг "русскоязычных", Русские влчат жалкое существование *окупированной нации*. Объявлен вне закона Русский язык, изгнанный из системы образования, средств массовой информации, официальных учреждений. Всеми доступными способами уничтожается Русская культура ("дабы имя русское не помянулось!"), вместо нее внедряется шароварно-гопачный эрзац, преисполненный ненависти, злобы, очернительства в отношении России и Русского Народа. Практически полностью разрушен научно-промышленный потенциал Малороссии, транспортная инфраструктура. Крупные предприятия остановлены, миллионы людей выброшены на улицу и лишены средств к существованию. При этом любая попытка защитить свои интересы, даже чисто экономические, рассматривается украинской властью в качестве злонамеренного покушения на "дэржавну самостийність Украины", т.е. как тягчайшее государственное преступление, карающееся соответствующими репрессивными мерами.

В условиях морально-психологического, административного, а в западных областях Малороссии и физического террора *единственным средством* отстаивания своих прав для Русских является их национальная консолидация. История показывает, что в минуты смертельной опасности именно этническая общность содействует наиболее быстрому сплочению народа и выработке им программы спасения. Для Русских, оказавшихся в украинской юрисдикции, она проста и легко достижима. Ее главный пункт тот же, что и во времена Хмельницкого: *немедленное воссоединение с остальной Россией*. Сама борьба за его исполнение (а назавтра объединения не достичь, учитывая политику нынешних кремлевских правителей) в корне поменяла бы расстановку сил внутри самой Украины, кардинально изменив ее внутреннюю и внешнюю политику. Белоруссия Лукашенко - замечательный пример такого хода развития. Но увы...

Время, минувшее с декабря 1991 г., показало, что Русское большинство пасует перед наглой нахрапистостью украинского меньшинства: Русские разобщены, не организованы, политически индифферентны и по-прежнему являют собой пассивный объект манипулирования со стороны антирусских сил, прежде всего коммунистов, которых в большинстве своем они и поддерживают, наивно видя в интернационализме последних эффективное средство защиты от агрессивного украинства. Удивительно, но Русские до сих пор не осознали, что именно компартия, превратившая Малороссию в УССР, является подлинным творцом "самостийной и нэзалэжной Украины".

Подобное историческое невежество, закоснелость в путях советской идеологии делают положение Русских в Малой России совершенно безнадежным. Тотальная их украинизация, т.е. превращение в историческое ничто, этническую *химеру* практически не встречает сопротивления: народ безмолвствует, поглощенный единственной задачей - выжить любой ценой, выжить в условиях, *запрограммированных* на его уничтожение. Даже официально признанные советской статистикой 14 млн. Русских жителей Украины уже объявлены самостийнической властью "русскоязычными", людьми, не имеющими определенной национальности. А еще двадцать пять миллионов - "русскоязычными украинцами", коих публично шельмуют как "янычар", "изменников", "пятую колонну Москвы". Власть не скрывает, что рассматривает их как потенциальных врагов, соответственно к ним и относясь. Но безразлична к их участи и Россия, для которой они тоже вроде бы чужаки: ведь официально признано, что они - *не русские*, и защита их - вмешательство в дела "иностранного государства"...

Удивляться тому, что нынешняя *еврейская власть* РФ спокойно созерцает превращение миллионов Русских в уродливых этномутантов в специально созданной для того украинской резервации, конечно, не приходится. Но кощунственен подыгрыш украинству со стороны Русских идеологов. Объявляя вслед за Грушевским и Костомаровым миллионы Русских "украинцами", В.Кожин и ему подобные теоретики совершают настоящий акт предательства в отношении этой части Русского Народа. И неважно, каковы причины этого предательства: недомыслие, незнание или ложно понятая лояльность к "братскому народу". В любом случае оправдания ему нет.

* * *

У поднятой проблемы имеется еще один немаловажный аспект: украинство не ограничивает свою экспансию пределами самостийной. Являясь сегодня одним из наиболее эффективных средств расчленения Русской Нации, оно развернуло бурную подрывную деятельность и на территории Российской Федерации. Ее цели и задачи формулируются с предельной откровенностью. На прошедшем в Киеве 2-ом Всемирном конгрессе украинцев (август 1997) главной задачей украинства в 21 в. была провозглашена "консолидация и политизация восточной украинской диаспоры", т.е. тех "украинцев", которые проживают в бывших республиках СССР, прежде всего в РФ, в число коих самостийники включают 15 млн. человек.

Что конкретно понимается под "политизацией" этой искусственно возвращаемой на территории Великой России этнической популяции, доходчиво объяснил украинский президент Кучма, выступивший на Конгрессе с основным докладом. Он прямо заявил: главной задачей "восточной диаспоры" является пропаганда украинской "державности", что на практике означает только одно - открытое распространение оголтелой самостиинической русофобии с целенаправленной мутацией миллионов Русских в "нацию", априори враждебную России и ... Русским! Назвал Л.Кучма и организатора этой этнической диверсии: "особенную роль в поддержке украинства в РФ должна играть западная диаспора".

Привлечение к делу Запада, хотя и задрапированного в украинские одежды - вполне обдуманый шаг. Сами "этнические украинцы", эмигрировавшие в США и Канаду в период двух мировых войн, никакой активной роли здесь не играют. Они - "крыша", прикрытие, ибо и по языку, и по культуре, и по образу жизни, и по своему этническому самосознанию давным-давно перестали быть "украинцами".

Типичные американцы и канадцы, они совершенно поглощены этносом страны проживания. Все их самостийнические вождения предназначены строго для России, только для России. Среди них существует небольшое политически активное ядро, щедро финансируемое американскими спецслужбами за свою гипертрофированную ненависть к Русским и неугасимую жажду некоего "исторического реванша" над ними.

Усилиями этой-то диаспоры и инспирируются на Западе кампании по разоблачению "русского империализма", якобы пьющего кровь угнетенных и несчастных нацменьшинств - в том числе и "украинцев". При ее активном лоббировании мертворожденный проект "самостийной и нэзалэжной" получил на Западе мощную финансовую, идеологическую и политическую поддержку, начиная с пресловутого "Закона о порабощенных нациях", принятого Конгрессом США в 1959 г., и заканчивая заявлениями Дж. Буша (накануне самостийнического референдума) о полной поддержке со стороны США готовящегося отделения Малороссии от России. "Западная диаспора украинцев" сегодня - лишь один из филиалов ЦРУ в деле осуществления подрывных операций против России, и особого секрета из этого в общем-то никто и не делает. Все понимают, что нищая Украина, с ее агонизирующей экономикой и полностью разложившейся властью, не в состоянии вкладывать миллионы долларов в создание "украинских центров" в соседней РФ.

Но помимо западных финансовых инъекций для "поддержки украинства в РФ" требуется еще и "добрая воля" ее руководства. Таковая в наличии имеется. Насколько синхронно действуют Киев и Москва в данном направлении, можно судить уже по тому, что буквально два месяца спустя после киевского шабаша в Москве был проведен 2-ой Конгресс Украинцев России (октябрь 1997 г.). Симптоматично, что финансировалось это антирусское сборище из российского (!!) бюджета. Весьма показательны и высказывания официальных лиц, представлявших на форуме российскую сторону. Министр по делам национальностей В. Михайлов твердо пообещал, что в самом скором времени его ведомство добьется принятия закона, который *"позволит финансировать украинское движение из бюджета РФ"*. Свое должностное кредо в отношении украинизации Русских министр также сформулировал предельно ясно: *"Наш идеал - степень украинизации Кубани уровня 20-х годов"*. Бандеровскую позицию шефа поддержал его научный консультант Д. Фурман: *"Цель - сделать отличие русских от украинцев, российской и украинской нации и обществ необратимыми"*. Для чего все силы следует бросить на борьбу *"с идеей об этнической идентичности русских и украинцев"*.

Очевидно, что нынешняя российская власть, представленная исключительно инородцами при господствующем положении евреев, ускоренными темпами ведет формирование на территории Российской Федерации "пятой колонны" из так называемых "этнических украинцев", задача которой - не только нейтрализовать любые попытки со стороны официальных структур РФ оказать помощь Русским, оказавшимся в украинской оккупации, но и духовно подорвать Россию изнутри путем усиленного навязывания обществу и государству украинофильских стереотипов, скрывающих правду о подлинной сути самостийничества и угнетении Русских на Украине.

Самое подлое то, что все это делается за Русские деньги, за счет ограбленного и нищего Русского Народа. В то время как в оккупированной Малороссии Русские как этнос форсированными темпами денационализируются, обрекаясь на статус бесправного конгломерата "русскоязычных", внутри Великой России искусственно возвращается колония "этнических украинцев". При этом поводыри данного химерического "нацменьшинства" даже не скрывают своего намерения возглавить заодно и прочих российских нацменов в деле скорейшей дезинтеграции РФ. Взять хотя бы безусловную поддержку "украинцами" кровавого режима Чечни. Причем поддержки не только морально-политической, красноречивым выражением которой стало торжественное переименование во Львове улицы Лермонтова в улицу Дудаева. На стороне чеченцев сражались и сражаются отряды "украинцев", убивавшие Русских солдат и офицеров с не меньшей жестокостью, чем их звероподобные союзники. Личный состав этих отрядов формировался из членов *официально зарегистрированной* на Украине организации УНА-УНСО. Делалось это на виду и с ведома властей, и никаким карательным мерам за участие в боевых действиях против Русских их бойцы не подвергались: убийство Русских на Украине преступлением не считается...

Понятно, что в раскладываемом антирусском пасьянсе 15 млн. "этнических украинцев" - всего лишь разменная монета, пресловутое "пушечное мясо", которым его хозяева жертвуют в нужный момент во имя достижения подлинных целей инспирируемого движения. Это видно уже из того, что возглавляют украинофильскую партию в России, задают ей политические приоритеты отнюдь не "украинцы", а самые что ни на есть чистокровные евреи: фурманы, шелов-коведяевы, михайловы и иже с ними. В их глазах "украинцы" - весьма неплохое средство для окончательного добывания России на той территории, которую она за собой

пока еще удерживает. От того и носятся с ними, лелеют их и холят, усиленно раздувая проблему их якобы нереализованных "национальных прав" фурманы с единоплеменниками.

Дело не ограничивается словесными декларациями. В самых разных концах РФ их собратья упорно и методично двигают "украинское дело". В центре Москвы, на Тверском бульваре, по инициативе Ю. Лужкова и на средства города открыт роскошный Украинский Центр. Пропагандистской литературой его снабжает та самая "западная диаспора", шефом которой является ЦРУ. В этих "дарах данайцев" черным по белому написано, что Русские не только самый отвратительный народ мира, но и враг 1 "украинцев", почему и следует вести с ними беспощадную войну по всему земному шару. Впрочем, "дары", как и Центр, оплачиваются Русскими деньгами. И Лужков не одинок.

Президент Республики Коми Спиридонов не только всячески поощряет развитие украинства у себя, но и вынашивает планы введения украинского языка в качестве государственного (!!!). В Омске организация украинских националистов "Серый клин" финансируется областной администрацией. И примеры такого рода можно перечислять до бесконечности...

О вышеуказанных фактах следовало бы знать В.Кожинину и прочим Русским радателям "украинского народа", ведь они имеют место в непосредственной близости от них. Во всяком случае, берясь судить об "украинцах", следовало хотя бы поинтересоваться - что же они собой представляют в действительности, какую политику намерены проводить (и уже проводят!) в отношении России и Русских. Ну а если весь наличный багаж знаний Русского писателя по "украинскому вопросу" ограничен только тем, что "преподавали в советской школе", то не следовало бы его и затрагивать. "История Руси..." от этого только выиграла бы. Уж во всяком случае ничего не потеряла и не таила бы в себе весьма ощутимой ложки дегтя...

* * *

Впрочем, у В.Кожинина был и другой выход: опереться в своих суждениях на работы Русских авторов, специально посвященных украинофильству. А их, вышедших как до 1917 года, так и после него, не так уж и мало. Отмечу лишь некоторые. С.Н.Щеголев: "Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма" (Киев, 1912) и его же "Современное украинство" (М., 1914). На основе анализа польской публицистики 19 - начала 20 в. автор убедительно доказывает, что настоящими создателями идеологии самостийничества явились именно поляки, в течении ста лет настойчиво внедрявшие в сознание русофобствующей интеллигенции Малой России идею существования особого "украинского народа" (и, как мы можем убедиться сегодня, старания их не пропали зря). (Между прочим, С.Щеголев приводит весьма красноречивые факты подлинного этногенеза "украинцев", в котором, помимо поляков, активную роль играла и Австро-Венгрия. Так, во входящей в ее состав Угорской Руси (ныне Закарпатская область Украины) еще в 1911г. (!) власти требовали с учащихся духовных семинарий следующую расписку: "Заявляю, что отрекаюсь от Русской народности, что отныне не буду называть себя Русским, а лишь украинцем и только украинцем"(2)... И отрекались - куда деваться: тем, кто не подписывался, не давали приходов. (Отрекались, впрочем, далеко не все. И за право называться Русским расплачивались материальными лишениями, политическими преследованиями, репрессиями со стороны властей, а нередко и самой жизнью. И все же свято хранили верность предкам, их вере, памяти, строю жизни и передающемуся из поколения в поколение завету: стоять до конца за Русский Народ и единую Русь.

После развала Австро-Венгрии эта территория была передана Чехословакии. Перед второй мировой войной проживавшие здесь русины получили автономию. Их республика стала называться Подкарпатская Русь. В состав СССР она была включена под названием "Закарпатской Украины (!)". Населяющий ее народ принудительно записан "украинским", вопреки желанию самих русинов. Причина понятна.

Этноним "русин" - всего лишь один из вариантов передачи слова "Русский". В течение долгих веков оторванности от остальной России (с 11 в. после захвата Венгрией) он закрепился и стал самоназванием этой части Русского Народа. Существенные изменения произошли в языке, быте, культуре, но сознания своей Русскости русины за эту тысячу лет не утратили и по-прежнему отвергают навязываемое им украинство. В декабре 1991 г. параллельно с самостийническим референдумом в Закарпатской Руси был проведен местный референдум о предоставлении ей статуса автономии. "ЗА" проголосовало 78% населения. Подавляющее большинство русинов выразили желание максимально отгородиться от "самостийной и нэзалэжной"!.. Украинская власть, конечно, проигнорировала народное волеизъявление, средства массовой информации окружили его заговором молчания. Поддержали информационную блокаду и русскоязычные СМИ РФ.

Но русины не сдаются. В июне 1999 г. в Ужгороде состоялся 5-й Всемирный конгресс русинов, потребовавший от украинского правительства зарегистрировать русинов как нацию (численность их на Украине - 700 тыс., всего в мире - 3 млн.), открыть русинские школы, кафедру русинского языка при Ужгородском университете и т.п. Атмосферу конгресса определяла одна мысль: украинский суверенитет над Прикарпатской Русью - явление временное, исторически он ничем не обоснован, и никакого морального права хозяйничать в крае самостийники не имеют ...). Но вернемся к нашему обзору.

В 1919 г. в Одессе вышли "Труды подготовительной по национальным делам комиссии. Выпуск 1. Сборник статей по малорусскому вопросу". Особенность этой работы - в том, что вышла она в разгар Гражданской войны, когда украинство явило себя уже не только в качестве идейного течения, но реально действующей политической силой. Стремление любой ценой отторгнуть от России Малую Русь, жестокий антирусский террор, открытое сотрудничество с оккупационным немецким режимом, поддержка польской агрессии заставили Русских отказаться от бывшего снисходительно-попустительского отношения к самостийничеству и потакания его наглým претензиям, вынудили дать более трезвую оценку его русофобской сущности.

Еще одна особенность сборника: все статьи в нем принадлежат коренным малороссам, к тому же непосредственным очевидцам практической попытки претворения в жизнь химеры "самостийной Украины", что делает их оценки и выводы особенно ценными. А они однозначны.

А.Стороженко: "Всеми своими корнями украинская идеология выросла в *польскую почву*". Именно поляки старались "затереть самое имя Малой России... и заменить его именем Украины". Они же первыми после разделов Польши "заговорили об особой украинской национальности. Им хотелось доказать, что Русских нет в границах погибшей Польши", следовательно, к России отошли исконно польские территории (3).

А.Савенко: "Население Малороссии всегда самоопределяло и самоопределяет себя Русским и к украинству, которое является *не нацией, а политической партией*, возвращенной в Австрии ... относится явно отрицательно"(4).

Профессор-филолог И.Линниченко: "Наше расчленение на самостоятельные республики - результат *сознания не нашего, а чужого, выгод не наших, а враждебных*. Отстаивающие вивисекцию единой Руси - частью жалкие честолюбивцы, а частью подкупленные провокационные агенты"(5).

О "мове": "Литературный язык Малороссии 16-17 веков - это какой-то ублюдок из языков южнорусского, церковнославянского и особенно польского"(6). О претензии "украинцев" создать на этом суржике некую самобытную культуру: "Для того, чтобы читать в подлиннике порнографию какого-нибудь Винниченко ... лепет разных Маковеев и иже с ними ... едва ли кто решится взять на себя труд изучения языка малорусского, а тем более жаргона галицийского"(7) .

В 1920 г. в Турине вышла книга князя Волконского "Историческая правда и украинофильская пропаганда". В ней также отслежена искусственность украинского движения, инспирированность его зарубежными державами: "Украинского сепаратизма как народного движения не существует, есть только работа *политической партии* (!!) из среды интеллигенции и преимущественно полуинтеллигенции; работа эта большей частью своекорыстная, крайне обострилась под влиянием нездоровой революционной атмосферы и воздействия Австро-Германии и "союзников", которым в целях отторжения южной России, и понадобилось придумать нацию "украинцев"(8).

Для этого был задуман и осуществлен ряд мероприятий: "Прежде всего надо было переменить имя малороссам. Нужды нет, что сам Богдан Хмельницкий называл население свое Украины "народом руським" - стали уверять, что оно не русское"(9). В целях культурной экспансии "стали поддерживать *искусственную "украинскую мову"*. Разгром Германии ситуации не изменил: победившая Антанта преследовала ту же цель - расчленение России: "этим объясняется, почему *легенда* о существовании украинского народа и о русском иге, тяготевшим над ним, так быстро привилась в странах Согласия" (10).

В 1925 г. в Берлине вышла книга А.Стороженко (под псевдонимом А.Царинный) "Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям". Именно в ней было дано классическое определение "украинца", его глубинной духовной сущности: "*Украинцы*" - это особый вид людей. Родившись Русским, украинец не чувствует себя Русским, отрицает в самом себе "русскость" и злобно ненавидит все Русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом - кем угодно, но только не Русским. Слова: **Русь, Русский, Россия, российский** - действуют на него, как красный платок на быка. Без пены у рта он не может их слышать. Но особенно раздражают "украинца" старинные предковские названия: **Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский**. Слыша их, он бешено кричит: "Ганьба!" (*польск.* - позор)" (11).

Не менее точно и емко характеризует А. Стороженко самостоятельность и сочиненную им "мову": "Мы считаем украинское движение величайшим недоразумением, порождением злой воли одних и глупостью других, не видим для него никакой будущности, и нам до слез жалко тех умственных усилий, которые непроизводительно были затрачены на создание *искусственной "мовы"* и на мучительные потуги пользоваться этой "мовой" в научной и литературной деятельности". Польша и Россия будут пользоваться прекрасно развитыми национальными языками, "а косноязычная "мова" будет ютиться на задворках, пока, вместе с украинским идолом Тарасом, не будет сдана за ненадобностью в архив человеческих заблуждений и ошибок" (12).

Автор "Украинского движения" указывает и точную дату появления первых "украинцев": *конец 18 - начало 19 века*. Именно в это время в одной из своих работ граф Ян Потоцкий *впервые* использовал название "украинцы". Следующий за ним идеолог украинства, также поляк граф Фаддей Чацкий развил и углубил этот русофобский миф, объявив, "что украинцы произошли от *укров*, особой орды, пришедшей на место Украины из-за Волги в 7 веке, в действительности никогда не существовавшей. От *укров* - Украина, от Украины - украинцы" - такова предложенная Чацким схема этногенеза "украинского народа". "Мысли Яна Потоцкого и Фаддея Чацкого о нерусском происхождении "украинцев" перенесены были через этих лиц на почву левобережной Малороссии и Слободской Украины и нашли здесь значительное распространение". "Вот когда исчезли *Русские* в Малой Руси и появились *украинцы* как особая якобы национальность"(13).

Впрочем, "явление" это носило сугубо умозрительный, теоретический характер. В реальности численность "украинцев" на тот момент исчислялась несколькими сотнями русофобствующих малороссийских маргиналов да десятком бездарных сочинителей творений на русско-польском суржике. Понадобилось две сотни лет неустанной подрывной работы этого сообщества этнических мутантов, подкрепленной щедрой финансовой, моральной и политической поддержкой крупнейших держав мира, катастрофа нескольких революций и войн с беспощадным антирусским террором в Малороссии, чтобы произвести от этих нескольких сотен пару миллионов особей с известной долей определенности могущих быть отнесенных к "украинцам". Но и сегодня, как и двести лет назад, это сообщество *"является не нацией, а политической партией"*! А на дворе уже начало 21 века! Как В.Кожин умудрился обнаружить "украинский народ" в 14-16 вв., одному ему только известно ...

* * *

Конечно, доступ Русского читателя ко всем перечисленным выше работам и множеству других был затруднен по вполне понятным причинам. Изданные в смутное время, небольшим тиражом, частью за границей, они на долгое время оказались похороненными в спецхранах. Тем более, что утвердившаяся в

России коммунистическая власть придерживалась прямо противоположной точки зрения на "украинцев", необходимых ей для более полного разрушения всего Русского.

Вероятно, остались эти работы неизвестными и В.Кожин: у нас их опубликовали в 1998 г. уже после выхода из печати "Истории Руси...". Но среди исследований украинства имеется одно, которого он *не мог не знать*. Речь идет о книге Николая Ульянова "Происхождение украинского сепаратизма", изданной в Москве в 1996 г., т.е. за год до публикации "Истории Руси...". Более того, ее сокращенный вариант был напечатан "Русским Вестником" в специальном приложении еще в 1992 г., сразу же после провозглашения Малороссии "самостийной и нззалэжной Украиной". Фрагменты из нее в течение всех последующих лет публиковались практически всеми периодическими Русскими изданиями, а газета "Левый берег" (г. Днепрпетровск) печатала ее даже на Украине, за что и была вскоре закрыта. Трудно понять, как В.Кожин умудрился проигнорировать столь популярное произведение. Н.Ульянов, между прочим, в своем исследовании как раз и ссылается на упомянутых мною авторов, хотя и выдвигает собственную концепцию происхождения самостийничества. К ее разбору нам еще предстоит обратиться, здесь же ограничимся лишь несколькими красноречивыми цитатами.

"Поляки, в самом деле, по праву могут считаться отцами украинской доктрины ... Так, самое употребление слов "Украина" и "украинцы" впервые в литературе стало насаждаться ими ... Поляков не устраивала ни "Малороссия", ни "Малая Русь" ... Внедрение "Украины" началось еще при Александре I, когда, опоячав Киев, покрывши весь юго-запад России густой сетью своих поветовых школ, основав польский университет в Вильно и прибрав к рукам открывшийся в 1804 году харьковский университет, поляки почувствовали себя хозяевами умственной жизни малороссийского края ... Гулак и *Костомаров* (!), бывшие в 30-х годах студентами Харьковского университета, подверглись в полной мере действию этой пропаганды" (14).

О полной этнической идентичности "украинцев" и Русских: "Для украинских самостийников главной заботой все еще остается доказать отличие украинца от Русского. Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить Русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили "двумя русскими народностями" (*Костомаров*), потом - двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, Русские же отнесены к монголам, к туркам, к азиатам" (15).

Н. Ульянов, пожалуй, первым обратил внимание на то, что одними из виновников появления украинского самостийничества являются... Русские: "Украинский национализм - порождение не одних самостийников, большевиков, поляков и немцев, но в такой же степени Русских ... Оказывать украинофильству поддержку и покровительство считалось прямым общественным долгом с давних пор. И это несмотря на вопиющее невежество Русской интеллигенции в украинском вопросе ... Либералы, такие как Мордовцев в "СПБургских Ведомостях", Пыпин в "Вестнике Европы" защищали самостийничество больше, чем сами сепаратисты. "Вестник Европы" выглядел украинофильским журналом ... Украинофильство представлялось не только совершенно невинным, но и почтенным явлением, помышлявшим единственно о культурном и экономическом развитии южнорусского народа ... Когда открылась Государственная Дума, все ее левое крыло сделалось горячим заступником и предстателем за самостийнические интересы ... Говорить о личных связях между самостийниками и членами Российских революционных и либеральных партий вряд ли нужно по причине их широкой известности ... Академический мир тоже относился к украинской пропаганде абсолютно терпимо. Он делал вид, что не замечает ее ... Одного слова таких, например, гигантов, как, М.А.Дьяконов, С.Ф.Платонов, А.С.Лаппо-Данилевский достаточно было, чтобы обратить в прах все хитросплетения Грушевского. Вместо этого, Грушевский спокойно печатал в Петербурге свои политические памфлеты под именем историй Украины ... Допустить, чтобы ученые не замечали их лжи, невозможно. Существовал неписанный закон, по которому *за самостийниками признавалось право на ложь*. Разоблачать их считалось признаком плохого тона, делом "реакционным", за которое человек рисковал получить звание "ученого жандарма" или "генерала от истории"".

В деле предания Малороссии в руки сепаратистов свою долю ответственности несет и *Русская власть*: "Чего стоила полонофильская политика Александра I, намеревавшегося вернуть Польше малороссийские и белорусские губернии, взятые Екатериной и Павлом при польских разделах! Когда это не удалось ... царь отдал этот край в полное распоряжение польскому помещицкому землевладению и старопанской полонизаторской политике. Николай Павлович не имел склонности дарить Русские земли, но не очень в них и разбирался. Во время польского мятежа 1830-1831 г. он с легким сердцем отнес жителей западных губерний, т.е. малороссов и белоруссов, к "соотечественникам" восставших. В учебнике географии Арсеньева, принятом в школах с 1820 по 1850 г., население этих губерний именуется "поляками". Какие еще нужны доказательства полной беспризорности Малороссии? Она, в продолжение всего 19 столетия, отдана была на растление самостийничеству"(16).

Сегодня это растление достигло апогея и Русские по-прежнему его активные соучастники. При сохраняющемся "вопиющем невежестве Русской интеллигенции в украинском вопросе" тенденция скрытой и явной поддержки самостийничества в ее среде ничуть не ослабла. Ну что стоило В.Кожину опереться в своих суждениях об этногенезе "украинцев" на мнение Русских исследователей? Но нет, он идет прямо противоположным путем и полной горстью черпает из того самого источника, который вот уже полтора столетия питает русоненавистническую доктрину украинства, подавая читателю в качестве авторитетов исторической науки ее сознательных фальсификаторов...

Вообще среди Русских авторов ссылка на украинских историков почитается правилом хорошего тона и как бы безусловным доказательством объективности их суждений. Между тем, им следовало бы знать, что никакой "украинской исторической науки" в природе не существует. И никогда не существовало. Отсутствие это легко объяснимо: не было и до сих пор нет объекта для ее исследований - самобытной истории Украины. Плод создания самостийнической историографии, размноженный во многих тысячах книг, брошюр, статей, а теперь уже и фильмов, являет собой всего лишь лживый, фантастический миф с элементами социальной утопии, апокрифических сказаний, невероятных предположений и исторических анекдотов, обильно сдобренных злопыхательской клеветой на Россию и Русских.

В основу мифа положены реальные события Русской истории, до неузнаваемости обезображенные политической доктриной украинства., с добавлением нелепых выдумок и неправдоподобных гипотез самостийнических историков. Рождение мифа было вызвано настоятельной необходимостью во что бы то ни стало *скрыть тот неопровержимый, зафиксированный в источниках факт, что "украинцы" произошли от Русских, только в определенный момент перестав быть таковыми.* Факт этот со всей очевидностью доказывает, что под этнонимом "украинский народ" скрывается отнюдь не самостоятельный этнос, а ЭТНИЧЕСКАЯ ХИМЕРА, возникшая в результате искусственной духовно-психологической и культурной мутации незначительной части Русского Народа под длительным воздействием польской военной и культурной экспансии.

Антагонистический характер русско-польского этнического взаимодействия в границах оккупированной Малороссии с беспощадной борьбой "кто - кого", при подавляющем военном и материальном превосходстве польского элемента, обеспеченного польским национальным государством, предопределил врожденное уродство той социально-политической общности, которая и стала самоопределять себя в качестве "украинцев".

Мутант получился ни на кого не похожим, но с явно выраженными признаками этнической ущербности и морально-психической дефективности, проявляющими себя многочисленными комплексами, среди которых главный - патологическая ненависть именно к тому этносу, от которого он в свое время отпочковался ... Соккрытие исторической правды об *аномальном характере* генезиса и развития "украинского народа" и составляет сверхзадачу "украинской историографии" и тех совершенно фантастических небылиц, которыми заполнены "научные труды" ее представителей. Например, о начале человечества от "украинского национального древа", о происхождении "украинцев" от жителей легендарной Атлантиды; об украинском происхождении Христа и открытии "украинцами" Америки. Этническая химера породила столь же химерическую историю своего возникновения и жизни.

Любой автор, берущийся за украинскую тему, должен знать об этом. Незнание говорит о его *некомпетентности* в том вопросе, по которому он самоуверенно изрекает приговоры, да еще с претензией на "беспорную истину".

Некомпетентность В.Кожина очевидна. Игнорируя Русских историков, он прибегает к авторитету украинских, да еще выбирает среди них наиболее одиозных. Например, Михаила Грушевского, работу которого цитирует и которого уважительно величает "самым знаменитым украинским историком".

Трудно понять, что заставило автора "Истории Руси..." представлять историком человека, "научные труды" которого являют собрание злопахательской лжи и откровенной фальсификации общепризнанных наукой фактов. Полемика с такого рода "ученым" - то же, что спор с не менее знаменитым гоголевским Ноздревым. Последний, как известно, фактов не признавал, даже самых очевидных. Факты его мало интересовали, а тем более истина, из них вытекающая. Ноздрев *врал*. Врал совершенно безо всякой нужды, из чисто спортивного интереса, распуская неправдоподобные небылицы, в которые не мог поверить самый отъявленный болван и невежда. Тех же, кто не верил этим байкам, Ноздрев объявлял врагами истины и немедленно зачислял в личные враги...

Из сонма "украинских историков" Грушевский, пожалуй, как никто другой, соответствует гоголевскому персонажу. Причем не каким-то там трудноуловимым образом, а самым что ни на есть буквальным сходством, ибо тоже *врал*. Врал напропалую и без всякого стеснения, хотя, в отличие от обладателя кобылы розовой масти и невиданной величины рыбы, далеко не бескорыстно ...

Начинал он скромно. Приделав к исконному названию древней Руси польское прозвище "Украина" и получив таким образом фантастическую страну "Украина-Русь", Грушевский заселил ее столь же фантастической *"украинско-русской народностью"*, (сочетание каково! - С.Р.). Но, в отличие от Костомарова, не остановился на достигнутом, не желал примириться с той печатью Русскости, которую нес на себе придуманный им народ. В качестве одного из средств изгнания Русских из Руси и Малороссии он схватился было за термин "восточнославянские народности" с целью избежать, по собственному признанию, "путаницы в употреблении понятия "русский" в значении великорусского, "русский" в значении "восточнославянского" и, наконец, *"русский" в значении украинского (!!!)*. Жонглирование терминами мало помогло: "украинцы" никак не выделялись из толщи Русских и ничем не проявляли себя на отведенной для них территории в предназначенную эпоху, с дьявольской хитростью маскируясь под ... Русских!

Затея становилась безнадежной, но здесь "отца украинской историографии" осенило гениальное по своей простоте решение: теперь, встречаясь с терминами "русский", "Русь", "Малороссия" он автоматически заменял их словами "украинец", "украинский" и "Украина" ... В результате этой простейшей операции украинский профессор в течение нескольких лет состряпал "тысячелетнюю украинскую историю", обеспечив самостийникам те самые "исторические корни", без которых они выглядели не просто самозванцами, но и людьми *немного не в себе*. Сам Грушевский суть своего "открытия" выразил предельно кратко и доступно: путаница в терминах принудила "украинцев" в отношении южной России и ее Русского населения *"твердо и решительно принять название "Украины", "украинского"...*"(17).

Вот таким простым способом Русские были "выдворены" из Киевской и Малой Руси, а "украинцы" превращены в ее безраздельных хозяев. Представление о том, какими конкретными приемами это достигалось, дает цитированная работа М.Грушевского "Иллюстрированная история украинского народа", подробно разобранный кн. Волконским (18).

Технология надувательства поражает примитивностью: весь иллюстративный материал снабжен надписями на "мове", призванной создать в подсознании читателя некий *украинский фон*, внушить, что наблюдаемые им соборы, церковная живопись, головные уборы, монеты, миниатюры из летописи, выдержки из былин являют собой различные периоды развития "украинской культуры". Трюк рассчитан на то, что читатель - дремучий болван, простофиля, беспросветно глуп и ленив или хотя бы близорук и не в состоянии разобрать греческие и славянские надписи на предоставленных его вниманию монетах, печатях, грамотах. Вот на с. 77 изображение монет; под ними текст Грушевского: "Срибни монэты... Володымыра з його" портретом, а на

самой монете вычеканено: *"Владимир на столе, а се его серебро"*, т.е. Русская надпись в украиномовном варианте, по мысли автора, дает право считать князя Владимира не Русским, а... "украинцем"! Дочь Ярослава Мудрого, будучи королевой Франции, подписывается "Ана" в соответствии со своим Русским именем - *Анна*, а авторский текст под факсимиле уверяет, что это подпись "украинської княжны Ганны" (с. 89). Под факсимиле договора Любарта и Казимира, заключенного в 1366 г. и написанного на чистейшем Русском языке, подпись Грушевского, поясняющая, что договор написан на "староукраинской мове" (с. 145) и т.д. и т.д. на протяжении всей книги: нахальное, бесстыжее вранье, способное убедить разве что полных идиотов...

И это-то надувательство В.Кожинев называет "исторической школой Грушевского" и с потешной серьезностью затевает с ней дискуссию, не замечая ее нелепости и смехотворности: "украинского историка" меньше всего интересует истина; *он - творец мифов*, а не искатель правды, идеолог, а не ученый, представитель направления, к науке не имеющего абсолютно никакого отношения. Poleмика с заведомым лгуном и шарлатаном - занятие совершенно бессмысленное, и трудно понять, зачем автор "Истории Руси..." тратил время и занимал внимание читателя столь никчемным делом...

Но В.Кожинев не только "дискутирует", он еще и угодливо соглашается с украинскими историками (как советскими, так и дореволюционными), без всяких сомнений заселявшими Малую Россию "украинцами" и параллельно присвоившими ей прозвище "Украина". О степени "научной объективности" советской историографии я уже говорил - повторяться не буду. Сразу перехожу к Н. Костомарову, - тем более, что пиетет к его работам исповедуется абсолютно всеми Русскими исследователями украинской проблемы, будь то в 19 или в 20 веке.

Примечательна в этом плане судьба костомаровского научного наследия в постсоветской России. Вычеркнутый в предшествующую эпоху из числа официально разрешенных дооктябрьских историков "как выразитель взглядов и интересов зарождающегося украинского буржуазно-помещичьего национализма" (19), он в числе первых был вознесен перестроечной волной на пьедестал "незаслуженно забытого", причем именно в качестве главного, да, пожалуй, и единственного авторитета по "истории Украины". Еще не опубликован был Н.Ульянов, не слыхала читающая публика о работах кн. Волконского, А.Стороженко, профессора Казанцева, а Костомарова уже массово тиражировали, причем не только в Киеве, но и в Москве. В Москве даже с гораздо большим рвением.

Один из основоположников украинства, ярый русоненавистник стал дружно преподноситься Русским в качестве убежденного глашатая "дружбы двух братских народов"... Что может служить более ярким примером полного невежества Русских идеологов в вопросах самостийничества, на которое они смотрят глазами "украинцев" и о котором выносят свои приговоры опять же с украинской точки зрения? Точки зрения *антирусской*. И это, еще раз подчеркну, в условиях, когда в оккупированной "украинцами" Малороссии миллионы Русских, буквально задыхаются в атмосфере самой разнузданной русофобии, пронизывающей практически все стороны жизни "самостийной и нэзалэжной" - политику, систему образования, культуру, спорт, бытовые отношения. Многочисленные факты и проявления ее регулярно освещались средствами массовой информации на протяжении последнего десятилетия, но столь сильна над нашим сознанием власть прежде сформированных стереотипов и убеждений, что до сих пор Русские не могут взглянуть на "украинцев" и их идеологию трезвыми глазами, воспринимая их ненависть и откровенную враждебность в качестве "мелких шалостей" и капризных выходов невоздержанного "младшего брата".

Честно признаюсь, я и сам долгое время жил в плену подобных иллюзий, пока реальный жизненный опыт не показал полную их несостоятельность.

Глава 4. Украинская ненависть: магистральный вектор - Русские

Судьба распорядилась так, что после 1991 г. мне неоднократно приходилось бывать на Украине в служебных командировках, порой достаточно длительных, непосредственно сталкиваясь с этой ничем не мотивированной и абсолютно ни на чем не основанной ненавистью ко всему Русскому: Русскому Народу, Русскому языку, Русской истории, Русской культуре, - всему, что олицетворяет собой Россия. Стремясь постигнуть ее подлинные истоки и смысл, я не единожды вступал в общение с так называемыми "щирыми украинцами", теми, кто искренне верует в самостийнические рассказы про тысячелетнее "иснування украинської держави", "московськэ панування", "росийськo-українськi вийни" и тому подобный бред, усиленно насаждаемый сегодня украинскими СМИ, - и лично убедился, сколь глубоко укоренена она в сознании каждого "украинца", составляя центральный стержень его психологии, мировосприятия, поведенческих стереотипов, смысл общественного и личного бытия.

С одним из таких "идейных" я случайно столкнулся в Киеве, на Майдане Нэзалэжности. Он раздавал какой-то бандеровский листок и на весьма русифицированном варианте "мовы" с чувством рассказывал прохожим о том, что "украинцы" по-прежнему в неволе, ибо "москаля", вкупе с пятой колонной всяческих "интернационалистов", расхищают национальные богатства Украины, грабят украинский народ (на календаре, между прочим, был 1998 год: седьмой год "нэзалэжности и самостийности"). Свои утверждения он, как это обычно и принято у "украинцев", подкреплял не конкретными фактами, а почти площадной бранью, дышащей неподдельной злобой и ненавистью к этим самым пресловутым "москалям".

Его никто не слушал. Задержавшись на минуту и взяв газетенку (благо, раздавалась бесплатно), народ спешил дальше по своим неотложным делам. Я остановился. Неподдельный интерес, проявленный мною к гневным филиппикам в адрес "московских империалистов", привлек его внимание. Наверное, он подумал, что если я и не единомышленник, то, по крайней мере, из числа сочувствующих. Во всяком случае, проклятия и угрозы по адресу "москалей" зазвучали с удвоенной силой и еще большим пафосом:

- Пусть помнят подонки, грязь Москвы, что ничего у них не выйдет Мы будем защищать свободу и независимость Украины с оружием в руках. Украинский народ не уничтожить, как и маленький, героический

чеченский народ! Смерть московской пятой колонне! Смерть московскому империализму! Да здравствует независимая Украина! Уничтожим москалей!..

Его боевые кличи, конечно, не оставили меня равнодушным. Ведь этот парень (а было ему лет двадцать пять, не больше), призывал убивать Русских, т.е. людей той национальности, к которой принадлежал и я. Эвфемизм "москалей" сути не менял. Ненависть его была искренней, не театральной, а обтрепанный, замызганный вид заставлял предполагать, что передо мной не циничный наемник, работающий за мзду, а человек, так сказать, "идеи". А такие "идейные" слепо веруют всему, что проповедают и без лишних церемоний готовы жертвовать чужими жизнями ради осуществления своих "идеалов".

Я подошел к нему. Не для того, конечно, чтобы объявить войну. Столкнувшись со столь откровенным проявлением русоненавистнической сущности украинства, я решил выяснить те глубинные источники, которые ее питают, выяснить не на теоретическом уровне, а в непосредственном общении с живым носителем этой идеологии. Хотя украинство этого волонтера от самостийничества, как я догадывался, носило достаточно поверхностный, наносной характер. Косноязычная "мова" его никого не могла ввести в заблуждение: было ясно, как день, что для него она внове и владеет он ею слабо, на уровне начальных классов украинской школы. Вероятно, принялся за ее изучение год, от силы, два назад.

Это был представитель того человеческого типа, который народился в Малороссии совсем недавно, буквально, в последние годы и этим-то как раз он и был интересен. Естественно, наш диалог мы начали с укромовы и мои вопросы стали для него полной неожиданностью.

- Зачем же так напрягаться: ведь твой родной - Русский язык, а не украинский, не правда ли? К чему же тогда этот спектакль? По-моему, гораздо удобнее общаться на родном языке?

На мгновение он оторопел, но быстро нашелся, выпалив:

- Я - украинец! И говорю на своем родном языке - затем горделиво выпрямился и с высокомерным презрением глянул на меня.

Желания церемониться с ним я не испытывал и поэтому сразу уличил его во лжи, сделав грамматический разбор последних укромовых тирад этого болтуна с указанием многочисленных допущенных ошибок. Я подчеркнуто говорил по-русски, но он понял, что имеет дело с человеком, владеющим и "мовою". Это сбilo его с толку. Он все еще не мог определиться: кто же перед ним - "друг" или "враг", а тут, на беду его, вокруг стала собираться публика, почуяв возможность лицезреть если и не конфронтацию, то хотя бы политическую перепалку.

Он заволновался, но апломб не потерял и с той же украиномовной натугой, постепенно распаяясь, стал заученным тоном провозглашать ходячие истины самостийничества: про "трехсотлітнє московське панування", "віковичнє поневолєння та прыгноблєння українців", "их жорстоку русифікацію", которую он каким-то странным образом увязывал с "голодомором та сталынськымы рэпрэсіямы" и дальше все в том же духе, и точно такая же белиберда. Интересно однако, то, что в длинном списке ценностей, изъятых "москалями" у "украинцев", "мова" занимала бесспорно первое место, намного перевешивая все остальное. О ней-то и был основной плач и она-то с головой выдавала этого "широкого украинца", становясь все более бессвязной и маловразумительной, с отступлением не только от литературных, но и общепринятых разговорных форм. Несколько едких замечаний со стороны окружающих о слабой филологической подготовленности окончательно выбили украиггатора из колеи и взвинтили до предела.

Я понял, что самое время обнажить подлинную суть этого этнического мутанта и без обиняков заявил; все его рассказы - чистойшей ложь, ибо защищая якобы "прыгноблєну рідну мову", он сам даже не удосужился толком овладеть ею, хотя в последние восемьдесят лет для этого на Украине существовали идеальные условия.

Мой выпад окончательно вывел его из равновесия. Он пришел в бешенство, в глазах его засверкала ненависть. Он, кажется, готов был броситься на меня с кулаками и вдруг - ко всеобщему изумлению - заорал на чистойшем Русском языке:

- Да! Да! Я хотел бы говорить на украинском, но вы, московские колонизаторы, лишили меня всего, даже родного языка! Вы русифицировали украинцев триста лет и они забыли свой родной язык!..

Эта вспышка была столь неожиданной, что все от удивления разинули рты.

Я был доволен. "Эффект радистки Кэт" сработал безотказно. Та, как известно, тоже провалилась на мелочи: числясь стопроцентной немкой, во время родов орала не "мutter", а "мама!" и этим родным Русским воплем выдавала себя с головой - умное гестапо сразу же поняло, что она - Русская разведчица. Мой украинский визави тоже "раскололся" и, доведенный до экстремального состояния, уже не мог более притворяться, перейдя на родной Русский и во все время последующей нашей дискуссии от него уже не отказывался.

Я, между тем, объяснил ему, что его утверждение - несусветная чушь: *нельзя забыть родного языка*, того языка, на котором ты говорил со своей матерью И если уж ты в детстве общался с ней на украинском, то лишиться его мог разве что вследствие черепно-мозговой травмы. А вот если ты всегда говорил с родителями по-русски, а теперь в голову тебе пришло (точнее, в нее вбили), что твой родной язык совсем другой, значит, ты попросту *предал* своих родителей. И родителей твоих родителей, которые тоже ведь говорили по-русски. Никакие "ассимиляции", никакое насилие не способны заставить человека забыть родной язык, если он сам того не захочет.

Никто и никогда не навязывал Малороссии, ныне переименованной в "Украину", Русского языка, ибо испокон веку он был для нее своим, ведь и население ее по национальности всегда являлось *Русским*. А сегодня, здесь, на центральной площади Киева, "матери городов русских", забывчивый потомок Русских предков, уже в качестве "украинца", с пеной у рта доказывал, что Русский язык его родины - следствие

"насильственной русификации", что "кацапское влияние" искоренило "мову" в городах, но в деревне она устояла: в его родном селе, на Сумщине, до сих пор говорят "на чистейшем украинском языке"!..

Я рассмеялся. Вздорность данного тезиса была раскрыта Русскими филологами более ста лет назад и тем не менее он по-прежнему проходит красной нитью через все пропагандистские украинские брошюры: вот, мол, смотрите, сельчане сохранили исконный народный язык "украинцев". Заблуждение, широко распространенное среди наших соотечественников, в общем-то весьма невежественных по части собственной истории Я, как мог, разъяснил своему оппоненту, что и это его утверждение - всего лишь развесистая "клюква", рассчитанная на олухов, не знающих подлинной истории Малороссии.

Разговорная сельская "мова" исторически сложилась в оккупированной поляками Юго-Западной Руси в XV-XVII вв. Первыми ее вынуждено стали использовать Русские крепостные крестьяне Речи Посполитой. Приспосабливаясь к языку владевшего ими польского пана, они в общении с ним и его польской челядью постепенно перешли на разговорный русско-польский суржик, лишь намного позже получивший громкое название "украинского языка". В XIX-XX вв. фрондирующие образованцы Малороссии этот суржик усовершенствовали, мутировав в некое подобие литературно-научного языка, и стали писать на нем беллетристические, исторические, а впоследствии и свои квазинаучные произведения. В Советскую эпоху ему был придан статус "дэжжавной мовы" на территории УССР, но искусственное его распространение в силу естественного неприятия со стороны населения очень скоро было ограничено официальной документацией да творчеством украиномовных писателей, издававшихся за государственный кошт и никогда не читавшихся читателями, потому что от живой малорусской речи их укр. яз. уже отличался, как небо от земли. Сегодня это различие доведено до полного абсурда (1).

Разговорная "мова" малороссийских сельчан понятна любому Русскому человеку, ибо при всех своих полонизмах она все же - диалект *Русского языка*. Не услышите вы в украинских деревнях словечек типа "долляр", "вализа", "ковдра", "агэнция", "Нидэрлянды" и тысяч им подобных, ныне директивно внедряемых в укрмову с единственной целью: максимально отдалить ее от Русского языка, превратив его действительно в "иностраный". Искусственно сконструированный полонизованный новояз и навязывает украинская власть подвластному ей Русскому населению. Достаточно послушать дикторов "дэжжавного тэлэбачэння", чтобы убедиться: все они говорят с явно выраженным польским акцентом. Так с какой стати в качестве "родного" нам навязывают польский суржик?..

Ответа на последний свой вопрос я, естественно, не дождался. И без того жидкий запас аргументов агитатора от украинства был окончательно исчерпан. Разговор пошел по кругу и потерял всякий смысл. Он снова завел старую песню про вековое угнетение, высылку в Сибирь, репрессии и "голодомор". Затем неожиданно про свинью, которая влезла в чужой дом, нахально развалившись за столом, а после того, как радушные хозяева поставили ей корыто с едой, вместо благодарности навязала им свои порядки, да еще и стала требовать от них хрюкать по-своему и служить своим московским хозяевам...

Его снова понесло. Он разразился очередным залпом угроз по адресу "москалей". Заскучавшая от бесконечного повторения однообразных заклинаний публика, так и не дождавшись вождя скандала, стала быстро расходиться.

Мне тоже было пора. Этот злобный и тупой "украинец" уже не представлял никакого познавательного интереса. Я в очередной раз убедился: дискутировать с самостийниками практически невозможно. И не только потому, что они безапелляционно отвергают самые очевидные исторические факты, а в качестве "неотразимых аргументов" выдвигают абсолютно ни на чем не основанные выдумки в стиле "а-ля Ноздрев", но еще и потому, что они совершенно не воспринимают каких-либо доводов, нетерпимы к возражениям, а уличенные во лжи, начинают площадно ругать "москалей" и "Московию", находя странную усладу в приклеивании этих оскорбительных ярлыков России и Русским.

В Днепропетровске одна престарелая дама, например, с пеной у рта доказывала мне, что России как таковой вообще никогда не существовало (непонятно, правда, отчего она так яростно ненавидела эту "несуществующую страну"), что "до сифилитика Петра I (знаете, конечно, что он был таким!) существовала просто Московия или Московское княжество с присоединенными к нему Казанским и Астраханским ханствами, для которых Иван IV (мясник-кровопийца) выклянул титул "царя", задоблив кого нужно мехами соболей и бобров, а Украина была казачья республика уже с конца 15 века!.. Еще в эпоху Богдана Хмельницкого (поступил, конечно, глупо, отдав Украину москалям) было Московское царство, а Русью и не пахло! И только Петр I велел впредь именовать его не "Московия", а "Россия", но ведь Россия - не Киевская Русь, Россия - это полуазиатское лоскутное государство, все свои годы сидевшая на штыках, а когда штыки затупились, сразу начался быстротечный распад, и танки не помогли!..".

Весь этот бред, со слепыми от ненависти глазами, извергал не какой-то полуграмотный неуч, а человек с высшим образованием, "профессиональный украиновед", как она гордо отрекомендовалась, не уточнив, правда, чем подрабатывает на жизнь: "мовой" или "украинской историей". В истории, впрочем, она была полный профан. В том числе и истории Малороссии. Ну да украинская идеология ведь и держится лишь за счет дремучего невежества своих адептов по части собственной истории. Еще Шульгин заметил о самостийниках: "Просвещение такой же враг для них, как заря - для злых духов".

Русских эта "украиновед" ненавидела самой жгучей ненавистью: "Живут на Украине, топчут ее землю, едят ее хлеб, а за пазухой держат нож ... Все они - шовинисты и украиноненавистники. Самый последний лапотник из Курщины считает себя на голову выше какого-то там хохла. А у этого кацапа хата аж почернела от копоти и неухожности, хотя почти рядом стоят бедные, но чистенькие, побеленные хатки жителей Сумской области. Я лично это наблюдала... Просто этому лапотнику со времен рабства (крепостного права), вдалбливали в голову, что он лучше, чем все инородцы, и такая политика ведется и поныне. Оттого русские и ведут себя так нахально на Украине; разве их соотечественники, выехавшие в Америку и другие страны, требуют там государственного статуса русского языка?.. Вот поэтому и надо все первые классы перевести на обучение на древнейшем украинском языке, а чиновников аттестовать на знание и применение

государственного языка. Кто им не хочет владеть - иди туда, где его знания необязательны (уборщица, сторож и т.д.), а еще лучше: езжай на свою историческую родину".

"Почти все русские, что очутились на нашей земле, это - искатели лучшей доли, лучшей жизни, потому как им в их маленькой Московии жилось голодно и холодно. А теперь начинают требовать себе каких-то "прав". Давно следует всех их выслать туда, откуда они к нам понаезжали..."

* * *

Подобных встреч и дискуссий я имел немало и воочию смог убедиться, насколько далек живой, реальный "украинец" от того вымышленного, книжно-умозрительного прототипа, которым все еще довольствуется - то ли по инерции, то ли по незнанию - Русская политология. Нет, она вовсе не игнорирует исповедуемой "украинцами" русофобии и многочисленных ее проявлений, но все они преподносятся в виде исключений из общего правила, "отдельных прискорбных фактов" или случайных эпизодов, дающих повод скорее к насмешке, чем серьезному анализу. В целом же в наше сознание настойчиво внедряется образ "братского украинского народа" и упорное отстаивание этого *мифа* наглядно демонстрирует полное отсутствие у Русских политиков верного понимания идеологии и практики украинства.

Между тем, истина состоит в том, что в настоящий момент Малороссия превращена захватившими в ней власть "украинцами" в подлинный концлагерь для Русских, а факты так называемой "дискриминации русского меньшинства" (почему-то упорно сводимых *только* к языку!), на деле являют продуманную систему *этнического геноцида*, вся же болтовня об "украинском видродженні", "незалежності", "боротьби з тоталітаризмом" - не более, чем дымовая завеса, призванная этот геноцид скрыть.

"Бывает геноцид физический, а бывает - национально-культурный. Его называют: этноцид. Рабочая группа по коренным народам при ЮНЕСКО понимает под этим термином *"любое действие, направленное на лишение этнических черт или идентичности, любые формы национальной ассимиляции или интеграции, принуждение к переходу к чуждому образу жизни и любую пропаганду против коренных народов"*. Когда ... происходит ... переписывание истории, уничтожение национальных и культурных памятников, гонение на национальную религию, запрет и ограничение родного языка, насильственное (т.е. осуществленное в условиях политического, силового или экономического давления) изменение национальности людей, - это все и есть этноцид".

Иными словами, этноцид, осуществляемый на Украине - это насильственная ассимиляция в "украинцев" Русских людей, "которых заставляют отрекаться от своих корней, своей истории, своего языка и культуры, своей крови, своих святынь, своей религии"(2).

Широко практикуемый метод этногеноцида - манипуляции с численностью Русского населения Малороссии. Еще Горбачев в 1990г. заявил, что из 52 млн. жителей Украины Русские составляют лишь "11,6 млн. человек". Эта совершенно ни чем не обоснованная цифра тут же стала тиражироваться не только демократическими СМИ, но и Русскими изданиями. При этом в качестве совершенно бесспорного признавался тот факт, что *большинство* "украинского населения" (не менее 2/3) составляли так называемые "русскоязычные", национальность которых почему-то не уточнялась. В итоге этнический состав "народа Украины" получался более чем странным: из 52 млн, "11,6" - Русские, а "русскоязычные" - 34,6 млн. (2/3). Даже если в последнюю цифру включить тех, кто официально признан "русскими", собственно "украинцев" останется не более *17 млн.* из (52!). Но и в этой цифре "запрятаны" евреи и "белорусы" (а это еще 2-3 млн. минус), а также другие нацменьшинства. И получается, что на Украине как раз "украинцы" являются "нацменами", численностью всего 13-14 млн.!

Если бы наши СМИ хотя бы чуть-чуть задумывались над теми "фактами", которыми они пичкают легковерную публику, им рано или поздно пришлось бы признать, что по справедливости право на владение Украиной принадлежит как раз "русскоязычным", численность коих почти в 3(!) раза больше нежели "украинцев", и потому по всем международным нормам украинскую неньку давно бы следовало переименовать в какую-нибудь "Русляндию" или что-нибудь в этом роде. Чего, конечно, никогда не произойдет, ведь имеющая место путаница носит чисто *манипулятивный* характер. Ее цель: дезориентация Русского населения Украины и планомерное внушение ему комплекса "нацменьшинства". Так, сразу же после всесоюзной переписи 1989г. в газете "Вечерний Киев" была опубликована статья, сообщавшая, что население Киева составляет 2 млн. 572 тыс. при 1 млн. 472 тыс. Русских и 856 тыс. "украинцев". Но уже через год эта же газета переиздала данную статью с совершенно иными цифрами; из 2 млн. 572 тыс. киевлян "русских" - 472 тыс., а "украинцев" - *1 млн. 856 тыс.(!)*. Так под начавший процесс дерусификации "матери городов Русских" был подогнан необходимый статистический базис.

Примечательно, однако, то, что данные переписи 1989г. в целом по Украине так и не были опубликованы. Их "засекреченность" легко объяснима: перепись четко зафиксировала, что из 52 млн. "украинского населения" Русскими только по паспорту оказались *21,6 млн.* человек (а не 11,6 млн., как утверждал Горбачев). При этом еще 6,5 млн. назвали себя Русскими, хотя в их паспортах значилась национальность "украинец". К ним следует добавить около 1 млн. русинов, итого Русских даже по советской переписи получается почти 30 млн.! Но и эта цифра, безусловно, занижена.

Общеизвестно, что все переписи населения после Революции 1917 года искусственно подгонялись под национально-территориальное деление СССР. Насколько произвольно это делалось видно из следующего факта. В результате румынской оккупации (1918) Россия потеряла практически всю Бессарабию. Тем не менее на левом берегу Днестра была организована "Молдавская АССР". В июле 1924 "молдаванами" в ней значились 14,2% населения, а уже к ноябрю того же года число их "подскочило" до 58%! Через год, без каких-либо видимых причин оно "упало" до 32%.

Те же манипуляции с цифрами происходили и в образованной на месте Малороссии "Украинской ССР". Все переписи планомерно занижали численность Русских, записываемых в "украинцы", с целью пропагандистского оправдания официально насаждаемой украинизации. Но знаменательно то, что проводимая

коммунистической властью в течение жизни трех поколений политика дерусификации Малороссии, так и не смогла достигнуть поставленной цели. Наступившие после 1985г. послабления привели к тому, что *большинство* населения УССР (почти 30 млн.) отказались регистрировать себя в качестве "украинцев", сохранив подлинную этническую принадлежность.

Впрочем, политика дерусификации Малой Руси не прекратилась и сегодня переживает новый подъем. На 2001г. на Украине намечена очередная перепись. Не знаю, останется ли после нее в "самостийной" хотя бы какое-то число "русских". Ведь еще в 1994г. Л. Кравчук заявил, что на Украине Русских вообще нет, а "11 млн. русскоязычных проблемы не составляют".

За истекшее после 1991г. время власти предпринимали поистине титанические усилия для "ликвидации" Русского этноса, не брезгуя самыми подлыми средствами. Преподавательница из Ровно Лидия Свадеба описала следующий достаточно типичный случай: "Девчушка приходит после занятий домой и говорит родителям: "В школе записывали вашу национальность, я ответила, что мои папа и мама украинцы". Мать удивлена: "Но я же русская?". Дочь в слезы: "Мама, не говори в школе, что ты русская, мне в классе будет плохо". Страх ребенка понятен: во дворе дома, где живет Л. Свадеба, детишки уже подсчитывают в каких квартирах живут Русские. На вопрос: "Зачем вы делаете это?" - они с искренней непосредственностью поясняют: "Считаем, сколько квартир у нас освободится, если всех русских выгнать туда, в Россию" (3).

То, что быть Русским "плохо" и даже "очень плохо", доводится самыми разнообразными методами. Например, в Краматорске женщине, не получавшей пенсию пять месяцев и, буквально умиравшей с голода, начальник отдела пенсионного обеспечения Николенко В.Н. заявил: "Кацапам пусть Москва платит!". А мэр того же города Близинок А.М. пообещал: "Я выживу из города всех москалей с имперским мышлением", По его личному указанию было сострепано уголовное дело против распространителя Русской прессы Алексея Пшеничного и, хотя оно с треском провалилось, следователь Овчаренко пообещал матери Пшеничного, что все равно "упрячет" ее сына в тюрьму. По указанию СБУ (Служба Безопасности Украины, преемник КГБ) Алексею периодически отключают телефон, а когда включают, сразу же начинают звонить "неизвестные" с угрозами: "Москаль, убирайся в свою Москву!".

Такими же "неизвестными" зверски избит председатель Русской Общины Днепропетровска Виктор Трухин. Двое подонков напали на него в подъезде дома и, проломив голову, скрылись. В тяжелом состоянии Трухина доставили в больницу.

В подъезде своего дома во Львове 26 октября 1999 года был убит Русский ученый В. Масловский. Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы и перелома шейного участка позвоночника.

Доктор исторических наук, профессор В. Масловский стал известен благодаря своим работам, разоблачавшим преступления бандеровцев во время Великой Отечественной войны. За опубликованную в 1990г. книгу "Земля обвиняет" его уволили с работы в Институте общественных наук западноукраинского отделения АН Украины. С тех пор в течение почти десятилетия ученый оставался безработным, живя на небольшую пенсию, которую получал как инвалид Отечественной войны. Однако это не сломило волю В. Масловского. В условиях официальной реабилитации бывших "воjak" ОУН-УПА и возведения их в ранг национальных героев, якобы боровшихся "за вызволение Украины", он в многочисленных статьях и выступлениях продолжал разоблачать человеконенавистническую суть "украинского национализма" и его чудовищные преступления.

Десять лет ученого травили как "ворога незалежной Украины", неоднократно угрожая расправой и через прессу, и лично - и, в конце концов, убили. Смерть настала В. Масловского сразу же после выхода в свет очередной его книги "С кем и против кого воевали украинские националисты в годы Второй мировой войны" (М.: "Славянский диалог", 1999)(4). Излишне говорить, что и это подлое убийство было списано властью на очередных "неизвестных", которых, конечно, найти не удалось, тем более, что их никто и не искал. Жена покойного, запуганная угрозами и шантажом, отказалась даже от возбуждения уголовного дела, заявив, что ее муж умер своей смертью.

Те, кто живет сегодня во Львове, наверное, смогут понять мотивы, толкнувшие вдову на столь кощунственную ложь. Ведь атмосфера города взрывоопасно насыщена, буквально, животной ненавистью к Русским, раз за разом проявляющейся в самых диких и разнузданных формах. Вот лишь несколько штрихов, дающих представление о царящем в "столице украинского Пьемонта" морально-политическом климате. 8 мая 2000г. Канун праздника Победы. Финальный концерт Всеукраинского фестиваля авторской песни "Серебряная подкова". Рок-группа "Кому вниз" несколько раз исполняет "на бис" песню "Птичка по имени Нахтигаль", посвященную украинскому батальону СС "Нахтигаль" (соловей) и дивизии СС "Галичина". Одуревшие от алкоголя и децибелов молодчики перекрывают исполнителей песни возбужденным ревом нацистского приветствия "Хайль Гитлер!", вдогонку которому из сотен глоток несется еще один призыв - "Убей москаля!".

Тот же клич реял над беснующимися толпами после случайной гибели в мае 2000г. малоизвестного львовского композитора И. Билозира, ставшего жертвой пьяной драки. Конфликт разгорелся из-за того, что И. Билозир мешал слушать подвыпившей компании "русские блатные песни". И хотя национальность напавших на него предпринимателя и офицера украинской армии так и не была объявлена (установленная впоследствии в центре Львова надпись гласит, что И. Билозира убили "росийськомовни вбывци"), гибель композитора стала поводом для организации очередного антирусского шаша. В течение трех недель город был захлещут стихией митингов и шествий. Среди выдвигаемых требований "немедленное выселение всех русских с Украины" являлось, пожалуй, наиболее "мягким". Кафе, где случилась трагедия, было разгромлено озверевшей толпой. Органы правопорядка, как и во всех подобных случаях заняли позицию "невмешательства", иными словами, *прямого поощрения* русофобского беснования толпы.

Несмотря на наличие в украинском законодательстве статьи об уголовной ответственности "за разжигание межнациональной розни", на Украине *официально* действуют десятки организаций открыто

исповедующих не только необходимость этнического геноцида Русских, но и таковой проводящих в меру своих возможностей. Вот лишь некоторые из них.

Конгресс Украинских Националистов (КУН). Лидер Ярослава Стецько. Базисная установка партийной программы: "Извечным врагом Украины является дикая Московщина, и какими бы лозунгами она не прикрывалась (коммунистическими, славянофильскими, правами человека или защиты православия), москаль является врагом украинца"(5).

А вот выдержки из программы Союза Украинской Молодежи: "В первую очередь необходимо очистить Украину от пяти-шести миллионов москвитов, которые являются паразитами ... привыкли к господству над украинцами".

"Уничтожение России - это предварительное условие сильной Украины".

"Украина - это могильник Российской империи".

В 1992г. возникла Социал-Националистическая Партия Украины (СНПУ). Суть ее идеологии выразил руководитель Львовского отделения И. Коцюрупа: "Я давно мечтаю устроить во Львове Варфоломеевскую ночь для русских. Но, понимаете, для этого еще недостаточно сил". Председатель СНПУ Ярослав Андрушків постоянно заявляет о подготовке партии к "вооруженной борьбе за независимую Украину". С кем конкретно? Разумеется, с Русскими. На счету этой группировки погромы штаб-квартир оппозиционных партий, поджог Русского культурного центра им. Пушкина, избиения активистов Русского движения. Во всех случаях реакция правоохранительных органов была нулевой, а в ноябре 1995 СНПУ официально зарегистрирована Минюстом Украины.

Украинская Национальная Ассамблея (УНА). Вот как формулирует программные тезисы ее лидер Дмытро Корчинский (апрель 1993): "Задача наших организаций заключается не столько в том, чтобы добыть независимость, сколько в том, чтобы добить Россию в том виде, в каком она существует сейчас"(6). В мае 1992 УНА принимает заявление по Крыму: "Крым будет украинским или безлюдным"(7). После этого 350 молодчиков созданной при УНА боевой организации УНСО (Украинская Народная Самооборона) идут "походом" по Новороссии и Крыму с целью запугивания местного Русского населения. 16 января 1993 в Киеве состоялись командно-штабные учения УНСО "Глас вопиющего". В ходе учения отрабатывались действия на случай "отделения Крыма, создания Донецко-Криворожской республики или агрессии России против Украины"(8). Планируется, что еще до начала конфликта на территории России будут сосредоточены "50-100 опорных пунктов террора". Для этого до начала боевых действий в Россию будут посланы "250-500 морально выдержанных и подготовленных бойцов". Предполагаются "химическая атака в метро, на рынках, железнодорожных вокзалах, в больших магазинах". Будут заложены заряды взрывчатки "в многоэтажных жилых домах, подземных строениях, троллейбусах"(9). С началом военных действий в Чечне боевики УНА-УНСО сражаются в отрядах чеченских бандформирований. 29 декабря 1994 партия зарегистрирована Минюстом Украины.

При столь же активном участии власти насаждается русофобия через средства массовой информации, в том числе *государственные*. Газета "Слово", орган "Товарищества украинської мовы", официальной организации, дотируемой из госбюджета, в частности призывает: следует решительным образом уничтожить "гниль московского и других влияний в украинских городах, переполненных паразитами, тем грязным люмпенизированным полукриминальным московским кагалом, расселенным вокруг никому ненужных заводов и предприятий ... Права на какую-то отдельную историчность и так называемую "самобытность" эта масса уже не имеет, и всякое сопротивление со стороны этой биомассы должно вызывать немедленные карательные устрашающие акции".

Газета "За вільну Україну". Финансируется львовским городским бюджетом. Русских представляет своим читателям следующим образом: "Народ в Донецке в основном переселенцы, бедняки с Курской и других областей России. Это в основном народ темный, забитый, безграмотный, но очень процветают среди них алкоголизм, бандитизм, хулиганство, воровство. Сомневаюсь, что можно пробудить у них сознание - им просто не понять, что это такое".

Особое место в психологической войне против Русских отводится идеологическому и физическому террору против верующих Православной Церкви. С 1991 по 1998 гг. при молчаливом согласии власти были уничтожены три православных епархии: Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская. Погром сопровождался насильственным захватом более тысячи храмов, избиениями, а в ряде случаев и убийством православных священников и мирян. Государственные СМИ приняли самое деятельное участие в подготовке и осуществлении этой преступной кампании. Для начала Украинская Православная Церковь Московского Патриархата была объявлена "антиукраинской, антигосударственной организацией, которая работает на уничтожение украинской национальной культуры, на ликвидацию независимости Украины и возвращение ее в лоно Российской империи". Верующие ее названы "москвитами", а самой ей в качестве "российской церковной структуры" инкриминирован вывоз в Россию денег, культурных и духовных ценностей(10).

Именно под лозунгом спасения "национального майна" толпа "украинцев" в июне 1992 взяла штурмом здание епархиального управления в Ивано-Франковске, зверски избив находившихся в нем трех православных священников. После полученных травм о. Михаил Шувар месяц провел на больничной койке, а о. Адаму Залецкому пришлось перенести тяжелую хирургическую операцию. Руководивший штурмом украинский "священник" Орест Левицкий заявил правящему епископу Илариону: все его действия согласованы с властью и рассчитывать на ее помощь не следует. И, действительно, обратившимся за защитой в милицию православным офицер дежурной части вежливо объяснил: люди, завладевшие епархиальным зданием, не дают возможности вывести церковное имущество в Москву, а милиция в такие дела не вмешивается. На следующий день после кровавого штурма в епархиальное управление явились судебные исполнители, которые описали все имущество и наложили арест на банковские счета.

Так прекратила свое существование православная Ивано-Франковская епархия. Все ее храмы и денежные средства были переданы униатам и самосвятам из "украинской церкви" лжепатриарха Филарета

Денисенко, лишеного сана и преданного анафеме расстриги. Верующим канонической Церкви было позволено использовать в качестве "храма" убогое здание бывшего детского садика, но и отсюда власть не прекращает попыток выселить их под открытое небо, а немногочисленных его прихожан, сохранивших, несмотря на террор, верность Православию, "украинцы" продолжают преследовать и избивать.

По такому же сценарию уничтожены православные епархии Тернопольской и Львовской областей. Вот лишь один из тысячи эпизодов этой религиозной войны. 22 января 1998 в село Мельничное Турковского района Львовской области прибывает наряд милиции во главе с районным прокурором Кундиком В.В. Прокурор объявляет православным, что отныне в их церкви будут справлять службу и греко-католики. Православные, естественно, отказываются дать согласие на подобное кощунственное осквернение своего храма (тем более, что он является законной *собственностью* их общины). Тогда милиция во главе с прокурором бросается на штурм. Прихожане и священник жестоко избиты, в храме выбиты окна, уничтожены входные и боковые двери. Православные из него изгнаны, отныне он - собственность униатов; никаких человеческих прав за верующими канонической Церкви, объявленными "москалями" и "оккупантами", украинская Фемида не признает, она по определению на стороне уродливого церковного гибрида - украинских греко-католиков. Божью Церковь этнические мутанты не приемлют, им роднее ее искусственный суррогат.

Сегодня в Червоной Руси на руинах Православия правят сатанинский шабаш униаты и католики, а православные, как во времена первых римских императоров, загнаны в глухое подполье, подвергаясь жестоким преследованиям и насилию. Кощунственное надругательство над верой предков естественно для "украинцев", людей без роду и племени, лишенных прошлого и будущего, этнических мутантов, заблудившихся в лабиринтах истории. Запланированный на июнь 2001 года визит на Украину папы Римского должен стать апофеозом национального предательства, окончательного отказа "украинцев" от своих исторических корней, своей истории, своей религии. Он также призван дать новый импульс дальнейшей эскалации католической агрессии на Восток. На очереди Волынь и Подолия, Новороссия и Слобожанщина, Крым и Донбасс. Война на уничтожение и духовное закабаление Русского Народа переходит в свою решающую стадию.

* * *

Важнейшим направлением этнического геноцида Русских и их насильственной ассимиляции в "украинцев" является внедрение украинской идеологии в умы и души подрастающего поколения. Раствление неокрепшего и неискушенного детского сознания русофобией, формирование его в духе ненависти к России и Русским определяет сегодня облик школьной системы образования на Украине, составляя основу преподавания таких предметов как "українська мова" и "история Украины". Особое место, конечно, отводится истории. Глава украинского отделения Фонда Сороса Богдан Гаврилишин в интервью киевской газете "Зеркало недели" с гордостью заявил, что ими выпущено около 90 наименований учебников по истории Украины "антиколониальной направленности". В некоторых из них авторы насчитывают до четырех "русско-украинских войн"! Таковы же и другие исторические пособия. Так, на обложке исторического атласа для 8 класса изображена картина боя; "Козаки гетмана Ивана Выговского побеждают московскую конницу в битве под Конотопом". Та же картинка воспроизведена на 20 странице атласа. Что же созерцают дети? Они видят, как бравые казаки лихо рубят ненавистных москалей-краснокафтанников. Один "москаль" валяется, порубанный, на земле, другой с ужасом и страхом теряет саблю и прижимается к своему вздыбленному коню, но на него уже несутся два казака с пиками. Соответствующий текст дается и в учебнике: "28-29 июня 1659 года на р. Сосновке под Конотопом украинская армия нанесла сокрушительное поражение российской армии". То, что ударную силу "украинской армии" составляла 40-тысячная *татарская орда*, приглашенная Выговским в качестве "союзника", а "туземцы" в его войске были представлены всего лишь 5 тыс. "казаков", из коих половина приходилась на наемные отряды сербов, немцев, волохов и поляков, - дети, конечно, никогда не узнают. Как и того, почему после столь "блестящей победы" уже в октябре на казачьей раде под Германивкой Выговский низложен с гетманов и вынужден спасаться бегством в Польшу, где судьба по заслугам воздала ему за иудино служение: первоначально возведенный поляками в ранг сенатора и киевского воеводы с титулом князя "Русского княжества", он в 1664г. ими же обвинен в предательстве и по приговору военного суда расстрелян... Конечно, все эти факты авторы учебника старательно замалчивают, их цель: закрепить в сознании ребенка миф о веками длящейся войне "украинцев" с Русскими, а "картинка" в атласе поможет сформировать осязательный "образ врага". Запечатленный подсознанием, он в нужный момент "выстрелит", а чтобы время не изгладило впечатление, его закрепят неоднократным повторением в течение всех лет обучения, начиная с самых младших классов.

Заглянем в учебник для 5-го класса. Первый миф, вдальблываемый в голову учащихся, "тысячелетнее существование" Украины и "украинцев". В качестве точки отсчета, разумеется, взят период древней Руси: "Загадочная дорога истории привела нас сегодня во времена возникновения украинского народа и строительства первого самостоятельного государства. Название этого государства - Киевская Русь"(11). § 10 раздела, посвященного ей, так и называется: "Первостроители украинского государства". В их числе Кий, Щек, Хорив, Аскольд, Дир, затем Олег, Игорь и далее все Русские князья, вплоть до Даниила Галицкого: он - "первый из украинских князей, коронованный королем"(12).

Примечательно, что польское господство над Малороссией ни разу не упоминается в отрицательном контексте. Дела "украинцев" в Речи Посполитой шли отменно: процветала культура, развивался и совершенствовался язык, казаки были вольными, народ пел песни. Не хватало малости: снова стать независимым государством. Увы, исторические обстоятельства этому не благоприятствовали. После войны 1648-1654 годов (причины ее и ход не рассматриваются) "истерзанная, обессиленная Украина искала спасения". От кого его ждать? Татары ненадежны и продажны. "Турция, возможно, и защитила бы, но преградой к объединению с ней была давняя ненависть народа к "бусурманам". У европейских стран были свои проблемы. Оставалось только Московское царство".

"Созвал Хмельницкий казаков на совет. Спросил их:

- Под каким правителем хотите быть? К кому обратимся за помощью? Думали казаки, совещались. Решили пойти на союз с Москвой, хоть сердце к российскому самодержцу не лежало". "В 1654 году в

Переяславе был подписан договор между Россией и Украиной. Он положил начало новому закабалению украинского народа", "вольнице пришел конец"(13).

Но нашелся славный герой на украинской земле - гетман Иван Мазепа, стремившийся "сделать Украину великим и сильным европейским государством, освободить из под гнета Московского царства". Перед Полтавской битвой "гетман обращается к казакам:

- Братья! Настал наш час! Воспользуемся этой возможностью! Отплатим москалям за насилие над нами, за нечеловеческие муки и обиды, причиненные нам! Пришло время сбросить ненавистный гнет...".

Увы, побили Русские короля Карла XII, а ведь "после победы шведов над Россией Украина должна была стать независимым государством. Но не суждено было счастье Украине". А замечательный гетман Мазепа, расстроившись, вскоре скончался. "Так закончилась жизнь одного из славных сынов Украины, мечтавшего увидеть свою землю свободной, а народ счастливым"(14).

Совсем закатилась звезда "украинцев": "Шли годы. Один за другим менялись российские цари. А Украина постепенно разорялась. Все больше притеснялись украинский язык и культура. Ограничивались в правах казаки, вводилось крепостничество". "Из свободного государства, основы которого заложил Богдан Хмельницкий, Украина превратилась в Малороссию - в Малую Россию"(15).

Лишь два века спустя проглянул луч надежды: "В Киеве в первых числах марта 1917 года возникла Центральная Рада... Россияне неприязненно отнеслись к украинскому правительству. Их беспокоило то, что Украина может отделиться и стать самостоятельным государством. Разве могли допустить это те, кто столетиями вывозил с богатой украинской земли зерно, соль, рыбу, уголь, железную руду. Где еще найдешь территорию с такими плодородными землями, мягким климатом, трудолюбивыми и терпеливыми людьми? Те, кто хорошо знал, чего стоит Украина, понимали, какой большой кусок "пирога" может упасть с их стола"(16). И, как это и принято у "россиян", они силой кинулись неволить "украинцев": "Большевики России направили в Украину Красную Армию". Та подошла к Киеву. "На защиту столицы поспешили вновь сформированные отряды молодежи", встретившие врага на железнодорожной станции Круты. "Несколько раз герои отбивали атаки врагов. Шли в рукопашный бой. Но силы были неравными". Побили красные "украинську молодь". Но народ помнит своих героев: "Драматические события под Крутами остались в памяти украинского народа. Об этом поется в одной из песен:

У Києви, пид Крутамы,

Був бий тяжкий з москалями (а не большевиками, заметьте.-С.Р.)

Триста катив (т.е. палачей) на одного,

На студента молодого.

Червоние сніг на поли,

Ця проллялы кров гєрои...

А по трупам тых гєроив

Зайшов ворог до Кыйова.

Ой, нє смийся, лютий вражє,

Голова твоя щє ляжє"(17).

Вот такого рода "уроки" преподносит сегодня молодому поколению украинская школа. Разумеется, никто на Украине никогда не слышал этой псевдонародной "песни", сочиненной автором учебника в расчете на заведомую неискушенность школьников, ведь речь идет о *детях* 11-12 лет, принимающих за чистую монету любые рассказы взрослых дядей и тетей, тем более наделенных авторитетным званием Учителя. Руководимые такого рода "специалистами", они старательно заучивают тексты параграфов, даты, имена, географические названия и невдомек им, что не знание прошлого своей Родины обретают они, а впитывают идеологическую отраву, калечащую их юные души ложью и ненавистью к собственному народу, задрапированного вымышленным персонажем "москаля".

Примечательно то, что термин этот несколько раз встречается в учебнике, но смысл его не разъясняется, хотя в конце каждого параграфа дается специальный словарь с толкованием незнакомых слов. Но контекст подачи понятия "москаль" таков, что ребенок быстро догадывается: эти закоренелые враги украинского народа - РУССКИЕ.

Учебник для старших классов, посвященный периоду с конца XVIII по начало XX века, в этом смысле гораздо откровеннее. С первых же страниц школьник узнает, что Украина была колонией России, а "украинцы" - "резервуаром пушечного мяса" для российских военных авантюр: "Это была их плата за безгосударственное существование". Украине "пришлось кормить чужую армию и отдавать своих сынов на войну за чужие интересы". Русские на украинской земле - чужаки, "имперская русская власть" намеренно заселила ими юг и восток Украины с целью последующего отторжения этих территорий в пользу метрополии (18). "Преступление русского царизма перед украинским народом" особо подчеркиваются славным житьем "украинцев" под властью Австро-Венгрии. Вот где страна была цивилизованная и с образованием дело обстояло хорошо, и сейм местный действовал, и крепостные повинности добрые император Иосиф II с мамой отменили. Для пущей убедительности приведена цитата Грушевского: "Переход Галичины под власть Австрии был первым началом возрождения украинской жизни в Западной Украине"(19). В Восточной под "русским гнетом" ничего подобного, конечно, не происходило. Теперь школьнику понятно и то, почему самостийники в Галичине, этом "украинском Пьемонте", отнюдь не выступали за "нэзалэжність" от Австрии, зато настаивали на отделении

Малороссии от России и присоединении ее к Австро-Венгерской империи: после мазепинских шведов не было у "украинцев" друзей лучше, чем австрийцы Грушевского (20).

В § 60 авторы затрагивают тему религиозных отношений, облив грязью Православную Церковь и похвалив греко-католическую, которая "играла диаметрально противоположную роль". Какую? Содействовала "украинскому возрождению", тогда как Православная - "ассимиляции".

Насаждение русофобии в школе не ограничено предметом "История Украины". Активные ее пропагандисты также преподаватели "украинської мови та літератури". "Край наш родной, наша земля - это Украина. А потому и мы называемся украинцы. Когда Россией правили петербургские цари, они велели всем называться "русскими". Но мы не "русские" и не "малороссы", а только украинцы, а наш родной край - Украина. И будь ты маленький или взрослый, ты обязан с гордостью называть себя своим именем" (этот фрагмент изложения для учеников 6-го класса передала мне в 1996 году знакомая из Харькова).

А вот "воспитательный час" в одной из донецких школ. 7-й класс. Классная руководительница, рассуждая о патриотизме и любви к Родине, следующим образом объясняет детям русскоязычие Донбасса: "Когда-то здесь жили одни украинцы, розмовляли и співали, а потом нашу землю захватили Русские цари и заставили всех говорить по-русски. Вот почему ваши родители и вы, дети, общаетесь не на украинском языке. И только честные, порядочные, достойные люди сегодня говорят на "ридний мови". Дети должны понять: они и их родители - люди нечестные, непорядочные и недостойные. Во всяком случае до тех пор, пока не начнут "розмовляти українською".

В Киеве детей за то, "что они разговаривают в школе на переменах на русском языке, учителя украинского (случай из жизни Печерского района) называют "хам", "свинья", "скотина" и угрожают заставить носить таблички на груди с надписью: "Я украинец, но не разговариваю по-украински"(21).

Так уродуют сегодня в Малороссии души и разум Русских детей, планомерно превращая их в *янычар*, ненавидящих собственный народ и призванных стать его злейшими, непримиримыми врагами. Весь учебно-воспитательный процесс построен таким образом, чтобы сформировать в сознании ребенка крайне негативное отношение к Русским и России: "закабаление украинского народа", "конец вольности", "колония", "насилие", "ненавистный гнет", "нечеловеческие муки и обиды, причиненные нам", "введение крепостничества", "притеснение украинского языка и культуры", "вывоз зерна, угля, рыбы, железной руды" - такой отвратительный образ Русского Народа предстает в украинских учебниках истории и литературы. Татары, турки, поляки, евреи, немцы, - никто не удостоился подобной "чести", со всеми "украинцы" поддерживали и поддерживают нормальные человеческие отношения. Со всеми, кроме Русских. Чувства и эмоции, которые последние способны вызывать, строго отрицательны: отвращение, ненависть, страх, жажда мести, презрение, насмешка, злорадство ...

Пройдет каких-нибудь десять-пятнадцать лет и миллионы сегодняшних школьников станут взрослыми. Те, кто успешно освоил учебный курс, продолжат карьеру, в том числе и в структурах правящей украинской элиты. Именно они будут определять приоритеты внутренней и внешней политики Украины. Краеугольным камнем их мировоззрения и политических устремлений будет убеждение, сформированное еще в детском возрасте: весь смысл существования "самостийной и незалежної", ее историческое оправдание и геополитическое призвание заключены в непримиримом противостоянии единственному и вековечному своему врагу, соседней России. Это их убеждение будет подкреплено мощным идеологическим и финансовым воздействием с Запада, а включение к тому времени Украины в НАТО, придаст ему дополнительные импульсы и вдохновение. Дальнейшее предсказать не сложно: многообразные проявления "холодной войны", отличающие современный этап российско-украинских отношений, плавно перерастут в войну "горячую". Совершенно немыслимая для сегодняшних поколений людей, живущих в Малороссии, она станет явлением давно ожидаемым, закономерным и даже необходимым для их потомков. Основы этого величайшего мировоззренческого и психологического переворота уже сейчас буднично и кропотливо закладываются украинской школой.

ВЫВОДЫ

Что ж, подведем некоторые итоги. А в качестве таковых сделаем попытку дать ответы на вопросы, сформулированные в начале нашего расследования. Разумеется, они не будут исчерпывающими - проблема слишком сложна и многогранна, но кое-что, я полагаю, можно считать твердо установленным.

Итак, *отношение "украинцев" к Русским и России? на чем основано, чем вдохновляется? как конкретно преломляется в политике "самостийной и сувэрэнной України"?* На примере многочисленных фактов, как современных, так и исторических, мы смогли убедиться, что возникшее в 20 столетии и ныне широко употребляемое на всем пространстве исторической России понятие "братский украинский народ", в сущности, лишено всякого смысла. На практике же ведет к вопиющим ошибкам и несуразностям в оценке феномена самостийничества и созданной им идеологии украинства. Подлинный, реальный "украинец" - всегда ненавистник и злобный отрицатель всего Русского. Собственно, быть "украинцем" и означает быть непримиримым врагом Русского Народа, Русского государства, Русской культуры. *И ничего больше.* Само явление на свет Божий "украинца" в качестве определенного человеческого типа как раз и было вызвано этой враждебностью, ибо "украинец" ненавидит Россию и Русских по определению: *"родившись Русским, он не чувствует себя Русским, отрицает в самом себе "русскость" и злобно ненавидит все Русское"*.

Причины, эту ненависть питающие, совершенно надуманы и абсурдны и тем не менее она - каждодневная, бытовая реальность современной Украины. Ею пронизана вся атмосфера жизни украинского общества, его культура, образование, политика, профессиональные и социальные отношения. Она заложена в подсознании "украинца", пронизывает каждую его мысль, каждый его поступок, все его мировосприятие, не нуждаясь в каком-либо рациональном обосновании. "Я ненавижу русских потому, что я - украинец" - для всякого самостийника объяснение самодостаточное. Или обратный вариант: "хотя я - украинец, я не испытываю ненависти к русским" - с ощущением неизбывной *вини*, горьким осознанием того, что "я - не настоящий

украинец, не национально-свидомый украинец и мне предстоит еще много потрудиться над перековкой своего внутреннего "я"...

Таково сознание всякого "украинца". Таково сознание всей той идеолого-политической общности, которая ныне с апломбом именуется "украинской нацией". Понятно, что в приложении к ней эпитет "братский" есть полная бессмыслица, демонстрирующая страусиное желание игнорировать малоприятную для нас реальность.

Мировоззрение индивидуумов, составляющих общность "украинцев", может, конечно, существенно варьироваться по тем или иным вопросам, в оценке тех или иных жизненных явлений, но никогда - в отношении России и Русских. В этой части украинского мировоззрения разногласия не допускаются и жестоко преследуются. Если ты - "украинец", но не испытываешь ненависти к Русским, значит ты ... ненавидишь Украину, свою родную землю, свой народ. Ты - "янычар", "предатель", "агент Москвы", "пятая колонна". Ты - такой же враг "украинского народа", как и Русские. Ты - еще больший враг, чем Русские, ибо, причисленный к великому сообществу "украинцев", готов всадить нож в спину своих братьев, ведущих священную войну против векового насильника "неньки" - коварного и злобного "москаля". Единственная заслуженная тобой кара - смерть!

Ежедневно и ежечасно вдалбливается эта пещерная философия в головы граждан "самостийной и нэзалэжной". "Украинцы" должны жить под прессом постоянной ненависти к Русским и всему, что с ними связано. Недовольство скудной, безрадостной жизнью незаметно направляется на внешний объект - соседнюю РФ и рассеивается при помощи такого приема, как организация бесчисленного количества помпезных русофобских "мероприятий", "годовщин", трагикомических "стояний" и "шествий", в ходе которых под неумолчный плач о неисчислимом множестве "понэволэнь", "голодоморов" и "зныщэнни украинцив" планомерно разжигается антирусская истерия. Приносимая СМИ (прежде всего телевидением) практически в каждый дом, каждую семью эта лавина ежедневных "репортажей ненависти" всякое недовольство действительностью канализирует в раз и навсегда избранном направлении. Главное, что должно дать эффект - безотчетный характер прививаемой ненависти: "украинцу" следует ненавидеть Россию потому, что она - РОССИЯ, за то только, что она существует.

Это чувство поддерживается изо дня в день, становится обиходной привычкой, даже необходимостью. Оно дарит совершенно безвозмездную радость, когда у соседнего государства что-то не получается и переполняет праведным возмущением, если там что-то выходит. Внутриукраинские события отходят на второй план, потребность в их анализе и понимании совершенно исчезает. Исподволь, как бы само собой формируется примитивное, убогое представление о том, что все достижения "украинцев" - следствие того, что они самый одаренный, самый раскрепасный народ в мире; за все же их потери, за сегодняшнее нищее и полуголодное существование ответственность несет их извечный враг - Россия. А чтобы подобный черно-белый тип мышления стал единственной формой мировосприятия, его начинают формировать сизмальства, буквально, с детского сада и школы, закрепляя форсированной милитаризацией сознания.

"Украинец" постоянно должен чувствовать себя в состоянии войны. В его душе должны жить страх, ненависть, слепое поклонение и безудержный восторг. Иначе говоря, его ментальность должна соответствовать состоянию войны, даже если таковой не имеется в наличии в переживаемый исторический момент. Все равно, рано или поздно, она разразится. Ее приход неизбежен, как смена времен года, восход и заход солнца. "Украинец" не может чувствовать себя в безопасности, покуда существуют Россия и Русские.

Эта роковая неизбежность грядущего военного катаклизма в условиях полной социально-экономической несостоятельности украинского бандустана, дает возможность нейтрализовать перманентно возникающее недовольство "украинца" его убогой, нищей жизнью, откладывая решение всех проблем "на потом", неопределенное "счастливое будущее". А кроме того, делает нерассуждающим зомбированным фанатиком, которым легко манипулировать власти предержавшим.

При этом совсем не важно, какова вероятность военного противостояния и каковы его возможные последствия. Война, как явление человеческой истории, в общем-то является тем, что рано или поздно кончается каким-либо конкретным результатом - победой или поражением. Война "украинца" с "москалями" имеет характер запредельной бесконечности, она не может закончиться, ибо наличие ее - одна из главных скреп его внутренней духовной сущности, ее базовая, фундаментальная ценность. Эта война - тот самый постоянно действующий внешний раздражитель, который не дает ему сосредоточиться на чем-либо ином, кроме патологической ненависти к своему извечному историческому антиподу - "москалю".

Понятно, что сама по себе эта ненависть никак не гарантирует готовности к войне. Состояние украинской экономики и науки таково, что о создании современных вооруженных сил говорить не приходится. "Украинская армия" - такой же мыльный пузырь, как и "древнейший в мире украинский язык" или пресловутое открытие Америки "украинцами". Сам ее феномен родился, буквально, несколько лет назад, да и то лишь благодаря материально-технической базе Советской Армии, которая практически вся разворована и приведена в негодность. Говорить о наличии каких-либо исторических традиций так же не приходится: они ограничены преклонением перед партизанщиной вояк вроде Петлюры, Бандеры или Шухевича. В организации военного дела "украинцам" никогда не дотянуться даже до уровня батьки Махно. Да они и сами это прекрасно понимают. Недаром же наиболее воинственные из них загодя готовятся именно к партизанской войне и диверсионной деятельности. Это - потолок украинской военной стратегии.

Но в грядущей войне с Россией "украинцы" и не рассчитывают на собственные вооруженные силы. "Заграница нам поможет!" - вот суть их военной доктрины. Их наглая агрессивность - следствие твердой убежденности в том, что по первому же призыву вся военная мощь Запада обрушится на ненавистную им Россию. Украине достаточно выступить в роли застрельщика-provokatora, а для этого хватит одной пехотной дивизии, даже вооруженной трехлинейками. И следует прямо признать: эти украинские ожидания вполне обоснованы.

Уже сегодня творцы "нового мирового порядка" откровенно подчеркивают, что в их планах по уничтожению России, как великой мировой державы, Украине отводится центральная роль, она - тот ударный таран, посредством которого Запад намерен окончательно развалить Россию и похоронить любые надежды на ее возрождение.

"Украина является ключевым государством постольку, поскольку затрагивается собственная будущая эволюция России"(1).

"Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства. Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 млн. человек, этнически и религиозно наиболее связанных с русскими, которые способны были превратить Россию в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу"(2).

Проводимая самостийной Украиной внутренняя и внешняя политика однозначно свидетельствует: она услужливо готова выполнить отведенную ей роль "троянского коня" Русского мира, став передовым форпостом блока НАТО в его продвижении к границам России. С 1994 г. на украинской территории проводятся натовские учения "Казачья степь" и "Сибриз". С 1998 к ним добавился так называемый "Щит мира". В этом же году в распоряжение НАТО передан крупнейший в Европе Яворовский общевойсковой полигон, занимающий значительную часть Львовской области. 1-2 марта 2000г. в Киеве состоялось выездное заседание Совета Североатлантического альянса на уровне министров иностранных дел. Ни одна из республик бывшего СССР не удостоилась чести принимать у себя столь высокопоставленный форум. В ходе встречи достигнута договоренность о подготовке украинских офицеров в учреждениях альянса, приведении вооружения и оснащения украинской армии в соответствие с натовскими стандартами и ряд других. Встреча показала: вступление Украины в НАТО - вопрос ближайших лет. А это означает, что на границах Ростовской, Курской, Воронежской областей будут стоять натовские танки, ракеты и самолеты и любая натовская дивизия сможет достичь Москвы в течение какой-нибудь пары часов.

На фоне подобной перспективы продолжать себя тешить иллюзиями в отношении "украинцев" есть непроходимая глупость, а распространять миф о том, что их русофобия - не более чем словесная мишура, есть преступление. Каждый Русский человек должен четко усвоить: "украинец" - это враг. Враг беспощадный и непримиримый и относиться к нему следует соответствующим образом. Таков первый наш вывод.

* * *

Следующая принципиальная проблема, поставленная в нашем расследовании: *время возникновения "украинской нации"? территория ее расселения? что представляет собой "украинец" как этнический тип? иерархия его ценностей, его мировосприятие, религия, отличительные черты?* Детальное рассмотрение всех этих вопросов впереди, пока же остановимся на нашем утверждении, что этнонимом "украинский народ" обозначается не некий самостоятельный этнос, а ЭТНИЧЕСКАЯ ХИМЕРА, возникшая в результате духовно-психологической и культурной *мутации* некоторой части Русского Народа под длительным воздействием военно-культурной экспансии католического Запада.

Согласно концепции Льва Гумилева (3) этническая химера возникает в зоне активного противоборства на протяжении длительного времени двух несовместимых этносов и представляет собой *общность денационализированных, выпавших из обоих этносов людей*. Так уж случилось в силу исторических обстоятельств, что именно Малороссии суждено было стать местом рождения этнической химеры украинства. Именно здесь многовековое противостояние двух несовместимых этносов, Русских и поляков, долгое время боровшихся за духовное и политическое преобладание в Восточной Европе, достигло наивысшего напряжения, обретя форму непримиримой конфронтации, охватившей, буквально, все области жизни двух народов: военную, религиозную, политическую, культурную, социальную и даже языковую. Именно насильственное совмещение полярных культурно-психологических доминант Русской и польской нации дало толчок процессу этнической мутации в этой исторической области России, приведшей к возникновению этнической химеры "украинцев", сообщества людей, выпавших из Русского этноса, но так и не ассимилированных польским. Деформация католицизмом и польской оккупацией Русского национального характера, Русского исторического призвания, Русской Идеи и породили, в конечном счете, "украинскую идеологию", "украинский менталитет" и то убогое, дегенеративное явление, которое сегодня пышно величают "украинской культурой"...

Итак, становление этнической химеры обусловлено процессом *этнической мутации*, комплекса искусственных изменений в менталитете и этнической доминанте народа под воздействием чужеродных и враждебных ему влияний, приводящих к формированию у него качеств и характеристик не только ему не свойственных, но и глубоко чуждых. Этномутация всегда характеризуется признаками национальной деградации и вырождения. Этнический мутант - это, как правило, нравственный и интеллектуальный убогодок, ущербный тип, при отсутствии каких-либо устоявшихся морально-религиозных норм и традиций. Утратив под давлением неблагоприятных исторических обстоятельств свою национальную самоидентификацию, этномутант никакой иной не приобрел, наследуя родовые признаки своего этноса в уродливой, неузнаваемой форме. Однако сам он это врожденное уродство воспринимает в качестве некоей "нормы", для него привычной и естественной, освященной историческим опытом, как минимум нескольких предыдущих поколений, от которых и ведет свою "родословную" этнический мутант.

Всякую нацию отличает только ей одной присущая ментальность: особенности психического склада, иерархия этических ценностей и представлений о мире, формирующих систему поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение и специфичной для каждого народа. Ментальность "украинцев" - бессистемное сочетание несовместимых между собой мировоззренческих установок, полный хаос царящих в их среде оценок, вкусов и культурных канонов. Их поведение непредсказуемо не только для окружающих, но, зачастую, и для них самих. Лишенные почвы под ногами и четких жизненных ориентиров они в любых

исторических обстоятельствах - изгой, отщепенцы, вечные странники и это нескончаемое историческое скитальчество наложило совершенно особый отпечаток на их духовный и психологический облик.

Будучи этнической химерой, существующей лишь за счет далеко не бескорыстной поддержки извне, украинское сообщество находится под перманентной угрозой распада и полного исчезновения, отсюда та неуверенность в будущем и черная зависть к процветающим соседям, которые отличают всех без исключения его представителей. Разобщенные на огромной территории среди чуждого им населения, "украинцы" исполнены враждебности и страха, злобы и ненависти, агрессивного неприятия окружающей социо-культурной среды и одновременно - пресмыкательского приспособления к ней. Они - разрушители, а не созидатели, исторические призраки, являющиеся на горизонте Русской Истории в качестве активно действующей силы в самые мрачные и беспросветные ее периоды. Они - антиистория, олицетворение ее регрессивных, архаичных форм с тупиковым путем развития, судьба которых всегда одна - историческое небытие.

Общее, что сплачивает "украинцев" в единую целостность, - тотальное негативное мироощущение, врожденная неспособность принимать реальность таковой, какова она есть, патологическая заикленность на прошлом и вынашивание ни на чем не основанных прожектов в отношении будущего. "Украинская мечта" убога и бесхитростна: вишневый садок возле хаты, соловьиные трели по вечерам, игры и смех беззаботных парубков и девчат. Сытая, беспроблемная жизнь, философия "хлеба и зрелищ" - вот предел украинских вождельний.

Однако им не суждено когда-либо сбыться, ибо южная Русь всегда являла собой стратегический "коридор", по которому столетиями шли вооруженные полчища в самых разных направлениях, во все стороны света, туда - и обратно. Это бесконечное движение предопределено геополитическим положением Малороссии, особенно ее западной окраины, местом непосредственного столкновения двух антагонистичных и непримиримых цивилизаций: католического Запада и православной России. Малая Русь - это, по сути дела, передовая линия фронта вот уже тысячу лет длящейся войны не на жизнь, а на смерть этих исторических антиподов. Любые ее попытки играть в этом конфликте некую "самостоятельную роль" заведомо обречены: слишком могущественные силы в нем задействованы. Не получится быть и "сторонним наблюдателем". Или Малороссия, как неотъемлемая часть Русского православного мира, по эту сторону фронта или в качестве униатской окатоличенной "Украины" - по ту. И тогда она - боевой плацдарм Запада, "пушечное мясо" натовской военной машины, тот самый ее "винтик", который не страшно и потерять и который всегда бросают на самый опасный участок, *на верную смерть*. Так что пресловутой "украинской хате" никогда не быть "в стороне".

Идущая с переменным успехом цивилизационная война Запада против России несколько раз приводила к существенному продвижению линии фронта в ту или иную сторону, соответственно изменяя и положение Малороссии. В течение IX-XII вв. Русский мир значительно продвинулся на запад, выйдя к Балтийскому морю и, утвердив себя, как равный, с противостоящей ему Европой (вспомнить хотя бы династические связи Ярослава Мудрого). После татарского погрома, ослабленная и обескровленная Русь, лишилась половины своей территории и форпосты Запада (через окатоличенную Литву) замаячили у московских лесов, а немцы наглухо закрыли нам Балтику. После нескольких веков собирания с силами Россия неуклонно стала двигаться в западном направлении, восстановив контроль почти над всеми своими этническими территориями. Дело оставалось за малым: Вернуть Червоную и Прикарпатскую Русь, но катастрофа Семнадцатого Года полностью подчинила Россию западным интересам. И хотя победа над Германией максимально продвинула Советскую империю на запад, объединив под ее водительством весь Славянский мир, крах 1991г. показал всю иллюзорность достигнутых успехов.

Сегодня Запад не только загнал Россию в границы Московского великого княжества, но и готовит ей последний решающий удар, в котором роль "троянского коня" отведена именно "украинцам" с их звериной, атавистической ненавистью ко всему Русскому. Ирония истории, однако, заключена в том, что "украинцы" существуют лишь постольку и до тех пор, пока есть Русские, которым "новым мировым порядком" объявлена война на уничтожение. В этой войне "украинцы" - всего лишь вспомогательное войско, Ниспровержение России и Русского Народа автоматически делает и их ненужным, отработанным хламом, место которому на исторической свалке. В этой ситуации исчезновение их - вопрос времени.

Конечно, "украинцы" этого не понимают. Да и не могут понимать уже в силу того, что внутри этнической химеры способны развиваться лишь самоубийственные антисистемные идеологии, строящиеся на отрицании исторической реальности и фундаментальных законов, управляющих ею. Украинская доктрина - типичная антисистема, нацеленная на коренное изменение окружающего мира и имманентных ему законов, что на деле означает его полное разрушение. Она пробуждает в своих адептах стремление любой ценой вырваться из оков реальности, по сути, разрушая самих себя. И то, и другое в пределе дает один результат - историческое небытие. Поэтому украинская химера не способна на развитие. Просуществовав некоторое, возможно, даже достаточно длительное время, она неизбежно распадется. Произойдет своего рода процесс этнической "аннигиляции"...

Что касается времени появления "украинцев", то мы можем считать твердо установленным следующее. Даже написанная в конце XVIII века "История Русов" никаких "украинцев" *не знает*, а ведь позиция ее автора стопроцентно украинская. И если уж он ничего не знает о существовании "украинцев", нам тем более не следует тщиться обнаружить их присутствие в эпохи ранее XIX века, в сороковых годах которого они уже громко заявляют о себе Кирилло-Мефодиевским братством, стихоплетством незабвенного Кобзаря и иными осязательными действиями. Но если не преувеличивать шумиху, поднятую вокруг этих первых сознательных (т.е. *сознающих себя*) "украинцев", а прибегнуть к чисто арифметическому подсчету наличных украинских сил, то окажется, что речь идет о нескольких сотнях, от силы тысяче человек!

В дальнейшем число их неуклонно возрастало, чему решающим образом содействовало озападнивание России в целом, особенно ее интеллектуальных слоев. Но даже к концу века число индивидуумов, идентифицирующих себя в качестве "украинцев", вряд ли насчитывало более одного максимум двух десятков тысяч человек. Что, конечно, на "нацию" никак не тянет. Тем более, что все они - преимущественно интеллигенты, т.е. не просто бессловные маргиналы, а еще и убежденные *космополиты* по своему

миросозерцанию. Их работа на украинство диктовалась отнюдь не этнической принадлежностью, а как раз ее утратой, что вызывало в этих бывших Русских патологическое неприятие всего Русского. И только в XX веке с его революционными катаклизмами и мировыми войнами "украинцы" стали политической реальностью. Но опять же реальностью не самостоятельной, а родившейся из заинтересованности в ее существовании различных противоборствующих сил, которые не жалели материальных, дипломатических и военных усилий на то, чтобы вдохнуть хотя бы видимость жизни в украинский призрак.

И все же это по-прежнему был феномен политический, а не этнический. В качестве официально признанной нации "украинцы" появились только в коммунистическом СССР. Именно большевики - подлинные создатели "украинской нации", а отнюдь не Грушевский со товарищи. Но это-то и есть бесспорное свидетельство того, что мы имеем дело не с этносом, а этнической химерой, постоянно находящейся под угрозой распада и полного исчезновения. Отсюда, кстати, и откровенно бандитские, кровавые методы ее "национальной консолидации". Только Талергоф, Терезин и бандеровский террор превратили Русскую Галицию в "украинский Пьемонт".

Таков наш второй вывод. Что же касается проблемы "украинской культуры", то мы затронули лишь один ее аспект: "мову" и на основе многочисленных исторических фактов установили: не было никакой "русификации украинцев", а имела место многовековая насильственная украинизация Русского населения Южной и Западной России. В XIV-XVII вв. как следствие оккупации этих территорий Польшей, а в дальнейшем деятельностью этнических мутантов, украинизировавших под руководством поляков, немцев, венгров, румын, австрийцев вначале Галицию, а затем, при помощи русофобствующей малорусской интеллигенции, и некоторые регионы Поднепровья.

Только в результате этой планомерной украинизации Малороссии, финансируемой враждебными России зарубежными центрами, а в XX веке коммунистическим режимом, искусственно созданная украинская "мова" смогла обеспечить себе определенную сферу распространения в малорусских регионах, но этнического характера их населения не изменила: оно как было, так и осталось Русским. В силу практической безрезультатности всех предыдущих украинизаций в сегодняшней "самостийной и незалежной" средствами административного принуждения предпринимается очередная попытка навязать подневольному Русскому Народу в качестве родного языка "мову". Но и она обречена на полный провал. Таков наш третий вывод. Им мы и завершаем первую часть нашего исторического расследования.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИДЕОЛОГИЯ ХИМЕРЫ

«Украинский сепаратизм, основанный
на заведомо ложной теории существования
украинской нации, не может быть предметом
научного исторического знания»

В. Яворский

Глава 5. Правда – это ложь. Шедевр украинской

историографии и его верные последователи.

В 1946 году исполнилось ровно 100 лет с момента публикации в России «Истории Русов». В США по этому поводу состоялось торжественное заседание украинской эмиграции, на котором этот первый манифест малороссийского сепаратизма величался не иначе как *«шедевр украинской историографии»*. И хотя к исторической науке «История Русов» не имеет абсолютно никакого отношения, выше приведенная оценка по своему верна.

Действительно, все, кто был причастен к созданию основ идеологии украинства в XIX в. испытали на себе могучее влияние этого анонимного пасквиля, состряпанного из курьезных, ничем не подтвержденных домыслов и циничной фальсификации исторических фактов. Ярким свидетельством завороченности «украинцев» фантастическими рассказами «Истории Русов» служит творчество знаменитого Кобзаря. «Шевченко брал из «Истории Русов» целые картины и в общем ничто, кроме Библии, не имело такой силы над системой взглядов Шевченко, как «История Русов»... Она господствовала над его мыслями своим украинским автономизмом и казачьим республиканством эпохи декабристов»(1).

Столь же заворочен ею был и Костомаров: идеи и дух «Истории Русов» пронизывают все его исторические работы, а его историософское кредо – «Кныгы буття украинського народу» – буквальный слепок с нее. Вдохновляла «История Русов» и П. Кулиша при написании «Истории украинского народа» и других русофобских сочинений. Дословным пересказом ее была «История Малороссии» М. Маркевича, ее же решающее влияние ощущается и в его «Украинских мелодиях»...

Шли годы. Развивалась историческая наука. Все очевиднее становилась полная несостоятельность «Истории Русов», как исторического сочинения, но влияние ее в среде «украинцев» не уменьшалось: она продолжала завораживать и новые поколения самостийников столь же сильно, как и их предшественников. XX век ситуации не изменил.

««История Русов» была как-будто пророчеством о близком национальном возрождении Украины»(2). ««История Русов» – это наиболее выдающееся произведение украинской национально-политической мысли конца XVIII столетия»(3), «памятник украинской духовности, политического и исторического мышления»(4). «Она дала картину исторического развития Украины с древнейших времен до второй половины XVIII

столетия», показала, «что Киевская Русь – это государственное создание именно украинского народа, что Русь – это Украина, а не Россия, ибо из русских земель в Русь входила только Новгородская земля»(5)...

Удивительно и необъяснимо. Даже странно, но... шедевр украинской историографии НЕ ЗНАЕТ(!) ни «украинцев», ни «украинского народа». Не знает даже «Украины»! Более того, принципиально *отвергает это название*, усматривая в его использовании слепое следование *«бесстыдным и злобным Польским и Литовским баснословцам»*, коими намеренно *«выводится на сцену из Древней Руси, или нынешней Малороссии, новая некая земля при Днепре, названная ... Украиною»*(6).

С возмущением отвергая это польское наименование анонимный автор «Истории Русов» как-будто в пику будущим идеологам украинства повествует о *«мужестве и предприимчивости народа Русского»*, *«Русских князьях»*, *«воинстве Русском»*, *«письменах и грамоте Русской»*, *«Русской Церкви»*, а после воссоединения Малой России с Великой – об *«армии соединенной России»*, *«войсках Российских»*, *«россиянах»* и *«России»*. Автор, правда, вводит в действие «малороссиян» и их антипода – «москвитин», но ни «Украины», ни «украинцев» в его «Истории» НЕТ...

Этот воистину уникальный и загадочный изыск «Истории Русов» составляет постоянную головную боль самостийников, особенно при необходимости цитирования ее текста. Тому же В. Шевчуку в его восторженных хвалах непревзойденному украинскому «шедевр» едва ли не в каждом фрагменте своей статьи пришлось прибегать к корректировке и уточнению авторской терминологии («Русь – это Украина», «Украина (Русь)» и т.д.), а при непосредственном цитировании метить текст *украинопреобразующими* вставками – *«и русаки ваши»* (то есть украинцы. – В.Ш.)... *«за кровь народа Русского»* (то есть украинского. – В.Ш.)... - и так бесчисленное число раз, с упорством и систематичностью дятла, долбящего дерево.

«Улучшение» шедевра – дело скверное, даже святотатственное, тем более, когда приходится объяснять современным «украинцам», то необъяснимое упорство, с которым их пророк и предтеча, упрямо называет их *Русскими* или *малороссами*, а край, в котором они живут, - *Малой Россией*. Специалист по «малороссизму»(7) не без натуги снимает головомную проблему, сославшись на ... *исторические невежество(!)* творца «Истории Русов», который «анахронически полагает, что название «Украина» присвоили нашей земле поляки ... так как не владел достаточными историческими знаниями». (Не знал, например, что «название «анты» в переводе с санскрита означает: люди, которые живут у края, *украинцы»*(8)... Этот пример, по-видимому, должен вызвать у читателя знакомый ассоциативный ряд: Овидий-«украинец», Колумб – тоже, а на Венере государственный – «украинский язык»... обратив утверждения В.Ш. в аксиому, доказательств не требующую.) Впрочем, каким именно образом почетное звание шедевра историографии можно сочетать с «недостаточными историческими знаниями» его автора, восторженный апологет «Истории Русов» не объясняет, да, наверное, перед ним, как «украинцем», такой вопрос и не возникал, ибо «украинцы» возносят «Историю Русов» не за историческую правду (ее там нет), и не за литературные достоинства, более чем спорные, хотя и написана она вполне добротным Русским языком, языком Ломоносова, Державина, Жуковского (на «мову», между прочим, ее перевели только в 1959 году, в Нью-Йорке, по той прозаической причине, что в момент написания *украинского шедевра «украинского языка» просто не существовало*)... нет, возносят они «Историю Русов» прежде всего за ту неиссякаемую, злобную, кричащую *ненависть* ко всему Русскому – Русскому Народу, Русской вере, Русской культуре, Русским порядкам, - коей проникнуты каждая ее страница, каждая ее строчка, каждая ее буква.

* * *

Но не только русофобией затрагивает «История Русов» потаенные душевные струны всякого «украинца». Этот шедевр воинствующего невежества аккумулировал и впервые ясно выразил глубинную сущность того политического явления, которое позже станет известно под именем «украинства», «самостийничества», «малороссийского сепаратизма». «История Русов» сформировала все основные постулаты украинской идеологии, причем в *окончательной и неизменной форме*: прошедшие два столетия, несмотря на грандиозный размах теоретической деятельности самостийников, ровным счетом ничего к ним не добавили и ни на йоту их не изменили. И в этой неизменности и догматичности – непреходящее значение «Истории Русов» для «украинцев», объяснение неумирающего их к ней интереса и неумных восторженных похвал в ее адрес.

Как всякое подлинно украинское произведение «История Русов» базируется на полной и совершенно безудержной ЛЖИ. Лжи, которая даже не рядится в тогу правдоподобия, не ограничивает себя рамками хоть какой-то внешней пристойности, а откровенно и с вызовом выступает в своем неприкрашенном гнусном виде, как наглый и циничный обман, самое бесстыдное надувательство, тотальная дезинформация внимающего и верящего ей.

В этом возведении лжи в ранг творческого метода постижения и отображения действительности, как в прошлом, так и настоящем, анонимный автор «Истории Русов» по праву может считаться зачинателем, первопроходцем и образцом для подражания на все времена, какие отпущены Историей украинству и «украинцам»...

О степени достоверности сообщаемых им исторических фактов и описываемых событий можно судить хотя бы по следующим примерам. Так, «История Русов» по пунктам воспроизводит текст *Зборовского трактата*, который будто бы гласит: *Русский Народ, «яко из веков вольный, самобытный и незавоеванный»*, отныне *«ни от кого, кроме самого себя и правительства своего независим»*. Указывается и точная дата подписания договора: 7 сентября 1649 года (9).

На самом деле, никакого *трактата* в природе не существовало, а было «объявление милости Его Королевского Величества Войску Запорожскому на пункты, предложенные в их челобитной», подписанной королем Яном Казимиром 9 августа 1649 г. Текст этого документа не имеет ничего общего с тем, который приводится в «Истории Русов». Ни о каком народе нет в нем и помину, договор оставляет «при всех старинных правах» только реестровое казачество, число коего определяется в 40 тысяч человек. Перепадает кое-что и православной шляхте: король обещает ей «все должности и чины в воеводствах киевском, брацлавском и черниговском». А вот насущнейший вероисповедный вопрос об отмене унии оставляет на усмотрение польского сейма (с легко предсказуемым отрицательным результатом).

Таковы были достижения Хмельницкого в момент наибольших его успехов. Сочиненный автором текст о якобы имевшем место освобождении Русского Народа *«от всех притязаний и долегливостей Польских»* и *«добровольных договорах и пактах»*, которые Малороссия якобы имела с соседними государствами, является

чистейшим *вымыслом*, дезинформацией, преследующей вполне очевидную цель: изложить под видом *исторического документа* давно минувших дней *современную* ему, автору, программу малороссийского сепаратизма.

Точно также *вымышлен* автором текст Гадяцкого договора, якобы подписанного Юрием Хмельницким в 1657 г. и толкующий все о тех же фантастических *«стародавних правах, привилегиях и вольностях»* казаков, прирожденном их *«иляхетстве»* и значительной самостийности их малороссийской «неньки». Сочинены: речь Ивана Богуна, отвратительный пасквиль на Россию и Русский Народ; текст мазепинской прокламации, излагающей все те же пункты сепаратистской программы, в числе коих блистает и наиболее выдающийся ее перл, абсурдный до идиотизма штамп всей последующей украинской историософии: *«прежде были мы то, что теперь московцы: правительство, первенство и самое название Руси от нас к ним перешли»*(10) (или, иными словами, спасайте, нас обворовали! – вечный плач «украинца», совершившего отказом от Русской национальности, Русской Культуры, православной веры своих предков историческое и этническое хакари и пытающегося свалить вину за это на тех, кто подобного отступничества не совершал...).

Незнание предмета, о котором автор распространяется, поражает даже видавшего виды читателя. Например, о походе войск Б. Хмельницкого на Львов в 1648 г. он сообщает: город взят казаками штурмом, обезоруженный гарнизон *«выпущен в Польшу с договором: не служит более против казаков»*. Взяв с побежденных огромную контрибуцию, гетман *«оставил сей город под управлением граждан и с казацким комендантом и гарнизоном»*. На самом деле Львов *не был взят*, откупившись от осаждающих огромной суммой в 200 тыс. золотых, и, разумеется, никакого казачьего гарнизона в своих стенах в глаза не видел.

О смерти гетмана Многогрешного «История Русов» сообщает следующее: в августе 1671 г. в битве с Дорошенко и приведенными им турками, гетман был тяжело ранен. *«В 1672 г., Февраля 7-го дня, Гетман Многогрешный от ран своих УМЕР и с великими почестями, военными и церковными, в Батурине погребен. Все чины и народ с чистосердечным сокрушением оплакивали сего достойного их начальника»*. В реальности же никакой битвы с Дорошенко не было. В феврале 1672 г. Демьян Многогрешный жил и здравствовал, а в марте казачья старшина при помощи стрельцов арестовала «сего достойного начальника», обвинив в измене и тайном умысле переметнуться на сторону турецкого султана. В апреле сего же года скованного гетмана привезли в Москву, а в мае, после проведенного следствия и суда, приговорили к смертной казни, замененной по Царской милости ссылкой в Сибирь, в г. Селенгинск. Год смерти Многогрешного не известен, но еще в 1688 г. , т.е. спустя *шестнадцать(!) лет* после торжественных похорон, устроенных ему «Историей Русов», он был жив и отправлял государеву службу.

Тоже касается и Петра Дорошенко. Запятнав себя многочисленными изменами, он в виду народного возмущения, должен был в 1676 г. сложить с себя звание гетмана правобережной Малороссии и отдаться в волю левобережного гетмана Ивана Самойловича. Последний, согласно версии «Истории Русов», *«по убедительным просьбам сослал Дорошенко на его родину, в город Сосницу, где он, под присмотром и поручками, жил до своей смерти»*. В реальности же, после оставления гетманства, Дорошенко был вызван в Москву и здесь оставлен на жительство вместе с семьей. В 1679 г. назначен воеводой в Вятку, в которой пробыл три года, а затем снова вернулся в Москву, где и скончался 9 ноября 1698 года...

Даже там, где «История Русов» не прибегает к прямой лжи, а как-будто следует за реальной канвой исторических событий, она переворачивает все с ног на голову. Так, многочисленные просьбы Хмельницкого о присоединении к России приобретают в ее интерпретации прямо противоположный смысл: оказывается, все шесть лет войны именно Русское правительство уговаривало гетмана соединиться на любых условиях с его стороны. С этой целью уже в начале 1649 г. отряжено в Малороссию специальное посольство во главе с князем Алексеем Трубецким и боярином Пушкиным. *«По наказу Царскому, соглашали послы оные Хмельницкого, чтобы с народом Русским и войском соединился он в Царство Московское на таких условиях, какие им заблагорассудятся; а Царь готов, между прочим, признать его, Хмельницкого, с потомством владеть землей той князем»*.

Казалось бы, малороссийский гетман должен сразу ухватиться за столь лестные предложения, но не тут-то было. Фантазия автора «Истории Русов» возносит его на столь головокружительную высоту, что московские предложения выглядят слишком мелко. В гетманской резиденции толпятся послы едва ли не всей Европы и Турции в придачу, стремясь любой ценой заручиться союзом со столь могучим правителем, поэтому в общении с Царским послом Хмельницкий надменен и горд, едва ли не в приказном порядке требуя со стороны России немедленного объявления войны Польше, но отнюдь не с целью скорейшей ликвидации польской оккупации (ведь автор уверяет, что таковой *никогда не существовало!*), а лишь затем, *«чтобы народ Малороссийский узнал прямо и убедился об усердии к нему народа московского, воюющего в помощь его поляков; а второе, чтобы малороссияне, увидев могущество народа московского, переменили те о нем мысли, кои имели о слабости его во время владения поляками городом Москвою и почти всем Царством сим»*(11). Понятно, что Русские не проходят заданного им теста. Так как ведут себя коварно и вероломно... На то они и Русские.

* * *

Как подлинно украинское произведение «История Русов» использует для описания Русских только один цвет: черный. Среди них *«владеет самое неключимое рабство и невольничество ... и человеки, по их мыслям, произведены в свет будто для того, чтобы в нем не иметь ничего, а только рабствовать»*. *«А вер у них столько, сколько слобод и в них домов, а нередко и в одном доме несколько их вмещается, и одно семейство от разности не может вместе ни пить, ни есть из одной посуды»*. *«И так ежели с сим народом соединиться нам, то или они нас распродадут по одиночке, или переморят на улицах своих и распутьях: ибо никто из них не пустит в дом свой никого нашего прохожего, а паче с табаком, употребление которого почитается у них страшным грехом, смертным грехом, и единственным человеческим грехом во всем мире»*(12).

За намерение воссоединиться с Россией анонимный автор «Истории Русов» устами *анонимных же* казаков величает гетмана Хмельницкого *«зрадцею и предателем отечества»*, а для обоснования самостийнического постулата о том, что решение Переяславской Рады явилось фатальной исторической «ошибкой», наполняет свой пасквиль лживыми рассказами о якобы творимых Русскими в присоединенной Малороссии жестокостях

и грабежах, чему московская власть всемерно способствовала и даже поощряла «разорвавшие народ воинские команды, прохожие и квартировавшие, коих поступки с народом здешним умалены были мало чем от нашествия татарского и других неприятелей. Десяток солдат разгонял прежде целые деревни, а капральство их потрясло самые города и местечки». Нечастным «малороссиянам» и пожаловаться было некому: Русские начальники «были неприступны, как султаны азиатские, а привязки их и претензии мудренее всех узлов Гордианских. Все у них до последней булавки значило интерес Государев, и за него придирки и взыскания были бесконечные».

В виду этого «казаки запорожские ... крайне недовольны были соединением их с Россией, а паче обращением» со стороны Русских солдат, от коих терпели «частые и язвительные насмешки по поводу бритья своих голов. Солдаты оные, бывшие еще тогда в серых зипунах и лычанных лаптях, небритыми и в бородах, то есть, во всей мужичей образине, имели однако о себе непонятное высокомерие или какой-то гнусный обычай давать всем народам презрительные названия, как то полячишки, немчурки, татарщишки и т.д. По сему странному обычаю называли они казаков чубами и хохлами, а сии сердились за то до остервенения, заводили с ними ссоры частые и драки, а наконец, нажили непримиримую вражду и дышали всегдашним отвращением»(13).

Конечно, автор «Истории Русов» не законченный идиот, чтобы рассчитывать на то, что байкой о каких-то там «чубах», он сможет убедить читателя в наличии непримиримой вражды между двумя воссоединившимися частями Русского Народа и поэтому измышляет более весомые «аргументы», сочинив целый «ужастик» о якобы имевших место «москальских» зверствах, жестокостях и беззакониях, нескончаемой чередой издевательств, оскорблений и повального грабежа, обрушившихся на население Малороссии после присоединения к России. Живописуя многочисленные расправы и казни, никогда не существовавшие в реальности, автор именно ими объясняет и оправдывает частые измены гетманов и Войска Запорожского, их сотрудничество с заклятыми врагами Русского Народа: турками, татарами, поляками, шведами.

В черед этих измен - отступничество Мазепы занимает центральное место и его-то прежде всего автор стремится обелить. Дабы показать, что население Малороссии вполне разделяло взгляды гетмана-иуды, сочиненную от имени Мазепы прокламацию автор инсценирует никогда не бывшим собранием всего малороссийского войска «со многими чиновниками воинскими и гражданскими», на котором якобы эта прокламация обсуждалась. И хотя предложение Мазепы «отстать от Царя и царства христианского и предать себя в волю монарха лютеранского» было с ходу отвергнуто, все согласились в том, «что нужна перемена их состоянию и несносно презрение в земле своей от народа, ни чем их не лучшего, но нахального и готового на все обиды, грабления и язвительные укоризны; но чем тому пособить и за что взяться, о сем придумать не могли».

За это нежелание поддержать мазепинское предательство автор и насыляет силой своего воображения жестокою кару на малороссийское население, сочинив леденящий кровь триллер о повальном терроре, обрушившемся на Малороссию сразу же после бегства гетмана к шведскому королю. Сравнить этот террор можно разве что со зверствами Тамерлана или Батыевым погромом. Князь Меншиков, например, после взятия гетманской резиденции Батурина и жестокой расправы над гарнизоном, «ударил на граждан безоружных и в домах их бывших, кои не мало в умысле мазепинском не участвовали, выбил всех их до единого, не щадя ни пола, ни возраста, ни самых сущих младенцев. За сим продолжался грабеж города от войска, а их начальники и палачи занимались, между тем, казней перевязанных сердючких старшин и гражданских урядников. Самая обыкновенная казнь их была живых четвертовать, колесовать и на кол сажать».

Не менее эффектно выписано и завершение «батуринского погрома»: город сожжен дотла, «тела избивенных христиан и младенцев брошены на улицах и стогнах града ... на съедение птицам небесным и зверям земным», а Меншиков, «обремененный бесчисленными богатствами и сокровищами городскими и национальными», двинулся дальше: «жечь и разорять все, ему встречавшееся, обращая жилища народные в пустыню». Равной участи подвержена была большая часть Малороссии. Разъезжавшие по ней «партии воинства Царского сожигали и грабили все селения без изъятия, и по праву войны, почти неслыханному, Малороссия долго еще курилась после пожирившего ее пламени».

Но дело тем не кончилось. По указанию Петра произведен дополнительный розыск и «премногие чиновники и знатные казаки, подозреваемые в усердии к Мазепе ... преданы различным казням в местечке Лебедине ... Вины их изыскивались от признания их самих, и тому надежным средством служило препохвальное тогда таинство – пытка», производимая «степенями и по порядку, - батожьем, кнутом и шиною, т.е. разжженным железом, водимым с тихостью или медленностью по телам человеческим, которые от того кипели, шкварились и воздымались». Так было умерщвлено и казнено до 900 человек, хотя «число сие может быть увеличено».

Пролив подобающую порцию крокодиловых слез над «жертвами» своей же буйной фантазии, автор завершает эту страшную сказку выпендренной сентенцией: нет оправдания тем, «кои были орудиями и участниками лебединских тиранств и зверских лютоостей, ужасающих само воображение человеческое»...

Примечательно, однако, то, что откровенно выражаемая ненависть к Русским органично сочетается у автора с высокомерным презрением и такой же глупой ненавистью к тому самому «малороссийскому народу», с которым он себя как-будто ассоциирует.

В его изображении нет народа более глупого и дремучего, чем «малороссияне», причем глупость их в авторской интерпретации доходит до полного идиотизма. Своих «приятелей, союзников и благодетелей» шведов они ненавидят с чисто дикарской непримиримостью и бесчеловечно истребляют по совершенно ничтожным причинам: во время русско-шведской войны «народ здешний уподоблялся ... диким американцам или своенравным азиатцам. Он, выходя из засек своих и убежищ, удивлялся кротости (!!) шведов, но за то, что они говорили между собою не по-русски и ни мало не крестились, почитал их нехристями и неверными, а увидевши их ядущих по пятницам молоко и мясо, счел и заключил безбожными басурманами и убивал везде, где только малыми партиями и по одиночке найти мог, а иногда забирал их в плен и представлял к Государю, за что давали ему жалование, сначала деньгами по несколько рублей, а напоследок по чарке горелки, с приветствием: «Спасибо, хохленок!».

Чувство собственного достоинства настолько атрофировано у «малороссиян», что они готовы за рюмку водки истреблять своих истинных друзей. В тоже время совершенно игнорируя грабеж и издевательства со стороны извечных врагов – «московцев». Более того, полное разорение Малороссии Русскими войсками они, в силу каких-то загадочных особенностей психики, склонны приписывать ... все тем же несчастным «кротким» шведам: «Народ, претерпевший бездну зол неизмеримую ... приписывал злополучие свое одним шведам, ненавистным ему за одни середы и пятницы, в которые они ели, купленные у сего же народа молоко и мясо»(14). Одним словом: дикари. Злобные, глупые, суеверные и невежественные.

* * *

Эта ненависть к Русским, даже той их части, интересы которой автор как-будто берет за себя, далеко не случайна, ибо, как подлинно украинское произведение «История Русов» насыщено польским духом, польским умонастроением, польской ментальностью, польскими политическими устремлениями, причем устремлениями именно второй половины XVIII в. (когда и писалась «История Русов»), времени польских разделов и ответных реваншистских мечтаниях о «Великой Польше» от Балтийского до Черного моря.

Зависимость «Истории Русов» от этого духовного процесса очевидна. Полонизованное сознание ее автора спонтанно разряжается соответствующими оценками и выводами: на прошлое Малороссии, ее насущные потребности, национальные приоритеты, он смотрит глазами ПОЛЯКА. Поэтому в полном соответствии с польской традицией название «русские» сохраняет только за жителями Малороссии, присваивая остальным имя «московцев», а России – «Московия». В соответствии с польской же традицией излагает миф о счастливом житие Русских под владычеством поляков, о якобы имевшихся у них «вольностях, правах и привилегиях», утраченных как раз в результате воссоединения Малороссии с остальной Россией.

Вопрос о «привилегиях», сказочном «золотом веке», прерванном 1654 годом, едва ли не самый важный для «Истории Русов», важный до такой степени, что ее творец, вообще не брезгающий самым бесстыдным обманом, при изложении этого пункта превосходит по части сочинения небылиц самого себя, преподнося под видом общеизвестных исторических фактов совершенно фантастические сюжеты. Например, о том, что через династический брак польской королевы Ядвиги и литовского князя Ягайла (1386) вместе с Польшей и Литвой объединилась и Малороссия «под древним названием Руси». Объединилась в качестве самостоятельного государственного субъекта на трактатах и условиях, суть которых заключалась «в сих достопамятных словах: «Принимаем и соединяем, яко равных к равным и вольных к вольным». Автор даже придумывает напыщенное название вымышленному им собранию «вольностей и привилегий малороссиян» – Пакт Конвента и обрамляет его соответствующей исторической легендой: «сие постановление от времени до времени каждым королем при коронации подтверждено было».

Короли же польские любви не чаяли в народе Русском. Стефан Баторий (1576-1586), например, «во всех отношениях к Русскому воинству и народу был такой патриот, каковым почитался у римлян император Тут, т.е. друг и отец человечества». Не меньшим другом Русских был и Владислав IV (1632-1648), «имевший всегда справедливые и патриотические мысли о народе Русском». Он и умер-то от огорчения, что польские паны не пожелали удовлетворить справедливых требований восставших казаков.

Автор не жалеет красок для описания «союзных и братерских» отношений Русских с поляками в «соединенной нации». Его ополяченное сознание продуцирует пасторальные картинки их гармонического и любовного сожительства в едином государстве, не омрачаемого ни враждебностью, ни религиозной нетерпимостью, ни социальными и этническими конфликтами, ведь народ Русский соединился с поляками «яко союзный и единоплеменный», соединился «на одинаковых и равных с ними правах и преимуществах, договорами и пактами торжественно утвержденных». И поэтому Русские не за страх, а за совесть стояли «за славу и целостность общей нации польской» и «интересы ее».

Столь же лубочно обрисовано положение Православной Церкви: «и религия Русская греческого или иерусалимского исповедания уравнена с Римскою католическою на одинаковые права и преимущества». Но автору мало простого утверждения столь вопиющей лжи! Без всякого смущения он дополняет ее совершенно маниловской картинкой «чистого согласия» «обеих главных религий, Римской и Русской. Когда отлучался надолго епископ Римский, то поручал паству или правление своей епархией епископу Русскому; когда же, напротив, отлучался епископ Русский, то так же поручал епархию свою в правление Римскому епископу, и все было у них в послушании и любви, прямо христианской».

Картины идиллического двухвекового русско-польского существования столь умирительны, трогательны и искренни, что вполне вероятно выглядело бы предположение о принадлежности их поляку, а не Русскому, но грандиозный факт кровавой, истребительной русско-польской войны 1648-1654 гг. усложняет картину. При полном сохранении прежней лояльности к полякам и Речи Посполитой в авторе как-будто просыпается и Русское чувство, хотя и в убогом, урезанном виде: его историческая память явно не в состоянии преодолеть уже привычного холопского преклонения перед всем польским...

Источник Малороссийской войны «История Русов» видит в недоразумении (всего-то!) церковной унии, разрушившей «священную оную народов еднотью». Именно с 1596 г., по ее версии, идиллическое русско-польское сообщество распалось и «началась известная оная эпоха ужаса и губительства для обоих народов, Польского и Русского». «История Русов» дает даже хронологическую точку отсчета этой вселенской трагедии. Выдуманную, конечно, но с претензией на историческую достоверность.

С этой целью ее анонимный автор возводит в гетманское достоинство Северина Наливайко, атамана одной из казачьих шаек, промышленявших грабежом панских поместий, и отправляет его во главе посольства в Варшаву (1597) для переговоров с королем о подтверждении пресловутых «извечных вольностей» казаков. Коварные «паны, однако, схватили гетмана» и казачьих «депутатов» и казнили их. Эта-то казнь и открыла польский террор против Русского Народа: «По истреблении гетмана Наливайка ... вышел от сейма или от вельмож, им управлявших, таков же варварский приговор и на весь народ Русский». Поляки, два столетия не чаявшие души в Русских, лобызавшиеся и родичавшиеся с ними, как с «единоплеменными братьями», вдруг совсем озверели и автор не жалеет эпитетов при описании их «жестокости», «коварства» и «вероломства». Бывшие «союзники» в течение нескольких веков созидавшие «единую польскую нацию» с завидной методичностью принимаются истреблять друг друга ...

В этой борьбе автор как-будто на стороне Русских, но победа их вызывает у него явное сожаление. Поляк вновь берет в нем верх и при описании истории Малороссии после освобождения от польской оккупации он снова на стороне Польши против России. В этих трудно объяснимых переходах с польской стороны на Русскую – и наоборот, ясно сказывается мутированность авторского сознания, его раздвоенность между взаимоисключающими этническими доминантами: польской и Русской, католической и православной, западной и восточной. Автор «Истории Русов» еще помнит, что он – Русский (оттого и отвергает с возмущением «Украину» и «украинцев»), но на мир смотрит и оценивает его уже с позиций антирусских, так как сознание его – продукт трехстолетнего ополячивания и окатоличивания Русских, превращения некоторой, наиболее слабой части их в этнических мутантов, коим поляками же позднее будет присвоено и новое название – «украинцы».

Цель и задачи колонизации Русских сами же ее реализаторы выразили с предельным цинизмом: «Между душой русина и душою москаля основного различия нет ... *Иную душу* (здесь и далее курсив мой. –С.Р.) влить в русина – вот главная задача для нас, поляков!.. Та душа будет с *Запада*. Пускай русин соединяется своей душою с Западом, формой – с Востоком. Тогда возвратится Россия в свои природные границы – и при Днепре, Доне и Черном море будет что-то иное ... А если бы оно и не сбылось, то лучше *Малая Русь самостоятельная* (!), нежели Русь российская»(16).

Душа автора «Истории Русов» воплощает в себе успешное решение этой иезуитской задачи: его ментальность, сознание, мироощущение уже «иные», не-русские, хотя сам он того не сознает, по инерции называя себя Русским. Но духовная инаковость, утрата Русского сознания и мирозерцания, смещение точки зрения в сторону и пользу Запада сквозят в каждой авторской мысли, его основополагающих оценках и выводах.

Достаточно показательным в этом плане восприятие «Историей Русов» того периода в истории Малороссии, который получил название «Руины» и увенчался циничным и подлым предательством гетмана Мазепы. Как истинно украинское произведение «История Русов» в принципе не признает *изменой* бесконечные переходы *«малороссиян»* на сторону своих исконных врагов – турков, татар, поляков – и сотрудничество с ними. Даже полное разорение Малороссии, истребление и угон в рабство ее населения татарами, наводимыми всевозможными тетерями, дороженками, петриками, орликами и прочими доморощенными «спасителями отечества», в глазах ее автора – только сложный поиск способов обретения краем подлинной «независимости», т.е. вождя освобождения от «московского ига». Определения «предатель» после Хмельницкого удостоился лишь Выговский, да и то лишь потому, что автор зачислил его в «поляки». Все остальные, при констатации за ними определенных «недостатков», в целом настоящие «лыцари», искренне любящие родину и желающие ее народу только добра. Ну и что, что в результате вакханалии гетманских измен, ничтожной борьбы за власть и привилегии казачьей старшины, ее открытого коллаборационизма Малороссия была залита кровью и превращена в безжизненную пустыню, прямые виновники этого зла, по мысли автора, все равно – «достойнейшие люди», так как в избытке обладают самым ценным в его глазах качеством – яркой и непримиримой ненавистью к Русским, то бишь «москвитам». Именно этим они духовно близки ему и за это именно он готов простить им любые преступления и измены. Соответствующий карт-бланш получает, конечно, и наиболее знаменитый представитель этого племени предателей – Иван Мазепа.

«История Русов» еще не решается открыто оспаривать *народную оценку* гетмана-предателя и выставить его измену «бескорыстным подвигом» во имя отчизны. Она даже как-будто и не одобряет его деятельности, но переход на сторону врага сводит к смехотворной причине: Царской *оплеухе*, полученной якобы гетманом на пиру у князя Меншикова. Личная обида на Петра приводит Мазепу в стан неприятеля. Причем тут «измена» – обиделся старик! Однако в специально *сочиненной* для него речи, автор, напротив, выставляет Мазепу как подлинного «национального героя», думающего не о себе, а о судьбе родины в роковые для нее минуты. Сам гетманский выбор в пользу шведов, коих он, по подсказке автора, предлагает почитать *«своими приятелями, союзниками, благодетелями и как бы от Бога ниспосланными для освобождения нас от рабства»*, преподносится как в высшей степени «мудрое» и правильное решение. Проклятия измученного, ограбленного народа по адресу новоявленных «освободителей» «История Русов» признает, но во внимание не принимает, ведь Русский Народ глуп, дик и суеверен: куда ему разбираться в высших тонкостях *«европейской политики»*, утвердившей Малороссию самостоятельной и независимой от остальной России. Недоступны ему и гениальные замыслы Мазепы.

С целью более контрастного очерчивания дремучести *«народа здешнего»*, принявшегося подобно *«диким азиатцам»* истреблять культурных, цивилизованных шведов, автор набрасывает трогательную пастораль их похода в Русские пределы.

«Вступление шведов в Малороссию ни мало не похоже было на нашествие неприятельское, и ничего оно в себе враждебного не имело, а проходили они селения обывательские и пашины их, как друзья и скромные путешественники (!), не касаясь ни чьей собственности и не делая вовсе всех тех озорничеств, своевольтв и всех родов бесчинств, каковы своими войсками обыкновенно в деревнях делаются под титулом: «Я слуга Царский! Я служу Богу и Государю за весь мир христианский! Куры и гуси, молодилы и девки, нам принадлежат по праву воина и приказу его благородия!» Шведы, напротив, ничего у обывателей не вымогали и насильно не брали, но где их находили, покупали у них добровольным торгом и за наличные деньги. Каждый швед выучен был от начальства своего говорить по-русски сии слова к народу: «Не бойтесь! Мы ваши, а вы наши!»...»

Читая это слащавое и совершенно фантастическое описание *неприятельского вторжения*, с трудом веришь, что принадлежит оно не шведу, а представителю того народа, с которым те воевали и который хотели поработить. Тем более, что это «чудесное превращение» приключилось с ними именно (и только!) в малороссийских пределах. Годом ранее те же шведы *«расхаживали по Польше и делали свои добычи, грабя монастыри и церкви, а паче Русские и униатские, которые удерживали еще вид Русских: они вместе с другими сокровищами церковными, обдирали иконы, отнимали потиры и всякую утварь, не оставляя ничего, что только имело цену»*(17). Одним словом, вели себя как нормальные обычные оккупанты. И вдруг, вступив в Малороссию, странным образом преображаются в *«скромных путешественников»*, да еще и *«друзей»* тех самых Русских, которых в Польше грабили без всякого зазрения совести. Что за наваждение? Не чары ли автора «Истории Русов», при измышлении этой картины возомнившего себя добрым волшебником так подействовали на его виртуальных шведов?..

Доброта, впрочем, здесь ни причем. В отношении авторских «шведов» к Русским, он несознательно воспроизводит свое собственное к ним отношение: иллюзорная надуманная «любовь» чередуется с реально осязаемой *ненавистью*. Таково однако сознание автора «Истории Русов», его мировосприятие: любовь и ненависть, правда и ложь, реальность и вымысел, «свое» и «чужое», «друзья» и «враги» меняются местами, обретают противоположный изначальному смысл, дwoятся, сливаются, становясь зыбкими и едва уловимыми, загадочными и малопонятными.

Временами автор как-будто не отдает отчета в том, что он описывает, изображая одни и те же явления с прямо противоположных, взаимоисключающих точек зрения, все их преподнося в качестве истинных. Его взгляды представляют собой причудливую мешанину разнородных понятий и представлений, никак не связанных между собой, распадающихся на отдельные изолированные фрагменты, на основании которых просто невозможно построение какого-либо целостного мировоззрения. И тем не менее речь идет именно о «шедевре», образцовом украинском произведении, и, как мы уже заметили выше, наименование *шедевр* приложимо к «Истории Русов» лишь в сочетании с определением «украинский», ибо автор ее (представления не имеющий об «Украине» и «украинцах») сумел предельно ясно выразить *идейную суть* того явления, которое ныне известно под именем украинства или самостоятельности. Эти легшие в основу «Истории Русов» и с тех пор сохраняющиеся *неизменными* базовые идеологические принципы украинского самостоятельности можно сформировать следующим образом:

1. Сознательное использование ЛЖИ в качестве главного метода построения теоретической части украинской доктрины, ее совершенствования, распространения и воплощения в жизнь; лжи

откровенной и циничной, не ограничиваемой ни нравственными соображениями, ни требованиями внешней пристойности; лжи, даже не пытающейся мимикрировать под некое подобие правды.

2. Ярко выраженная полонизованность сознания и мышления; их зависимость от польской этнической доминанты, польской ментальности, польских умонастроений, польских политических устремлений. Рабское преклонение перед Западом и всем иностранным.

3. Жгучая, непримиримая **НЕНАВИСТЬ К РОССИИ, РУССКОМУ НАРОДУ** и всему, что выражает его духовную суть и историческое призвание; ненависть ничем не мотивированная, ни в каких объяснениях не нуждающаяся, существующая в форме бессознательного рефлекса, которому подчинены и которым определяются фундаментальные основы украинского мирозерцания и мировоззрения, а также устоявшиеся поведенческие стереотипы.

4. **АПОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА** и вероотступничества; религиозный релятивизм; принципиальное оправдание и поощрение всякого коллаборационизма, сотрудничество (даже во вред себе) с любой политической силой, любым народом, любым государством, если они враждебны России и Русским.

5. **ИДЕАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО**; сознательное культивирование мифа об утерянном «украинцами» «золотом веке», их сказочном былом процветании и необъятных «вольностях», правах и привилегиях; сочинение пышной украинской родословной с дутыми достижениями и свершениями мирового масштаба.

6. Высокомерно-презрительное отношение к своему народу; стойкое представление о врожденной его глупости, трусости, раболепии, дремучести и полной безнациональности.

7. Душевная и интеллектуальная закрытость; тщательная маскировка своих подлинных мыслей и устремлений; анонимность, исповедание психологии «заговора и подполья»; приспособленчество и житейский карьеризм.

Все, созданное самостийниками в течение двух столетий с момента написания «Истории Русов», явилось *простым воспроизведением* в той или иной форме выработанных ею идеологических принципов и оценка ее в качестве «*катехизиса самостийничества*» (И. Ульянов) абсолютна верна.

* * *

Исследователи датируют время создания «Истории Русов» концом XVIII в., а автора предполагают в Григории Полетике (род. В 1725 г.), который, принадлежа к семье одного из казачьих старшин, мог получить информацию о гетманстве Мазепы и предшествовавших ему событиях, как говорится, из первых рук. Кроме того, Г. Полетика не мало времени уделял защите прав своего сословия на владение малороссийскими землями и крестьянами. Его перу принадлежат две записки на эту тему.

Сын его, Василий, подобно отцу, тоже активно занимался этим вопросом и составил «Записку о начале, происхождении и достоинстве малороссийского дворянства». Высказывается мнение, что именно он, а не его отец – истинный автор «Истории Русов», отразивший драму «той части потомков Кошек, Подков, Гамалиев, которая успела добиться всего, кроме прав благородного сословия»(18). А то, что дискриминация выходцев из Малороссии с этой стороны имела место, сомнению не подлежит. Так, на первых порах детей казачьей старшины недопускали в Шляхетский кадетский корпус, открытый в 1731 г., «поелику-де в Малой России нет дворян».

Действительно, еще в 60-е годы XVIII в. южное дворянство в массе своей не могло предъявить никаких документов в подтверждение «благородного» происхождения, невнятно оправдываясь гибелью семейных архивов во время смут и войн. Правда, после указов 1782 и 1783 г., уравнивавших крестьян и помещиков Малороссии с великорусскими, до ста тысяч малороссийских дворян обзавелись превосходными документами и пышными родословными, но наспех сфабрикованные в Бердичеве, они нередко становились источником скандалов. Сведения эти дошли до Герольдии, она стала придирчива и затруднила доступ в дворянство тем, кто еще не успел туда попасть. Особые строгости начались в 1790 г. В этот период, возможно, и родился общий замысел «Истории Русов», один из важнейших аспектов ее изложения.

Еще одна версия относит время ее написания в 1810 г. и связывает с тогдашними конституционными мечтаниями Императора Александра I. Во всяком случае именно в этот период в среде малороссийского дворянства гуляли толки о проекте восстановления малороссийского казачества с вожденными атрибутами былой самостийности. Известно даже, что генерал-губернатор Малороссии кн. Репнин, утвержденный в этой должности в 1816 г., представлял Императорам Александру I и Николаю I меморандумы на эту тему.

Слухи так и остались слухами, но толчок к распространению *мифа*, о якобы имевшихся в прошлом «вольностях и привилегиях» малороссийского населения, был дан. Еще один дополнительный стимул к тиражированию именно в этот период «История Русов» обрела в масонско-революционной среде, которую она привлекла своей последовательной русофобией, политическим сепаратизмом и легендами о былых «вольностях» (вспомнить хотя бы «думы» Рылеева «Исповедь Наливайко», «Войнаровский» и др.). В качестве «революционного» произведения «История Русов» и получила хождение в рукописных списках до 1825 г.

Полная неразработанность истории Малой России периода польско-литовской оккупации, привлекала к ней внимание и серьезных людей. Ее читали Пушкин, Гоголь. В 1836 г. Пушкин в своем «Современнике» даже опубликовал несколько ее фрагментов. А в 1846 г. «История Русов» была отпечатана в типографии Московского университета с обозначением в качестве автора архиепископа Белорусского Георгия Конисского и на некоторое время обрела статус «исторического» произведения.

Едва ли не первая научная критика ее была предпринята в 1870 г. харьковским профессором Г. Карповым, назвавшим шедевр украинской историософии «политическим памфлетом» и решительно

предостерегавшим доверять хотя бы одному приведенному в ней факту(19). На это, впрочем, мало кто обратил тогда внимания...

* * *

Шли годы. Развитие Русской исторической науки в XIX в., казалось бы, должно привести к полному забвению «Истории Русов», как собрания фантастических небылиц и скверных анекдотов, но не тут-то было: отдельные представители академической науки усиленно принялись придавать вид «достоверности» этому грязному пасквилю на Русский народ. Особенно преуспел в этом направлении *Н.И. Костомаров*. (1817-1885).

Отмечая непосредственную связь «Истории Русов» с научными трудами изобретателя «двух народностей», И.И. Ульянов, тем не менее счел возможным признать, что тот «медленно освобождался от духовного плена этого произведения»(20). Как бы в подтверждение данной мысли сам Костомаров в письме редакции «Вестника Европы» (август 1882) характеризует «Историю Русов» как «мутный источник» и признает, что в ней «много неверности и потому она ... распространяла ложные воззрения на прошлое Малороссии». Однако самый поверхностный анализ его монографий, в том числе и самых последних, ясно обнаруживает массу *буквальных заимствований* как раз из этого «мутного источника».

Мы помним дикое вранье «украинского шедевра» о якобы состоявшихся расправах и казнях в Батурине и Лебедине. Профессор Костомаров, конечно, знает, что батуринско-лебединская эпопея – скверная сказка, страшилка, которой разве что малых детей пугать, но не взрослых дядей, тем более *специализирующихся на малороссийской истории* и уже в силу этого знающих: все это – чистейшая ложь. Поэтому в своих работах он и не упоминает ни батуринского побоища, ни замученных в Лебедине тысяч. И тем не менее, теряя всякую научную пристойность, живописует «зверства москалей» не менее красочно: «Великорусские офицеры обращались грубо с казаками, били их палками, обрубали им уши и чинили над ними всяческое поругание. Бедные казаки ... находились в постоянном страхе: великорусские люди в то время беспрестанно сновали через малороссийский край то с рекрутами, то с запасами, насиловали оставшихся дома казацких жен и дочерей, забирали и *истребляли* (а это-то зачем?! – С.Р.) лошадей и домашний скот, и самих даже старшин наделяли побоями».

Понятно, что подтвердить *документально* свои басни о творимых над малороссами расправах Костомаров не мог, а сослаться на «мутный источник» не позволяло профессорское достоинство. Поэтому свои лживые домыслы он преподносил в безымянно-гипотетической форме невнятных и маловразумительных «слухов», «известий», «молвы». Так, «*говорили* (кто? когда? где? - С.Р.) будто у москалей есть намерение выселять людей из Гетманщины на слободы», что, в свою очередь, порождало «*слухи* о сборе запорожцев на войну против москалей», которые, «разносясь по Гетманщине, находили в народе сочувствие». Или: «Пошли по всей Украине *вести*, что ... *шведы* не делают жителям ничего дурного, а, напротив, *великорусские войска*, пришедшие будто защищать край *жгут селения, грабят, разоряют жителей*, насильно загоняют их в укрепления, понуждают к непривычным работам, бесчестят и ругаются над ними».

Снова мы наталкиваемся на буквальное заимствование из «Истории Русов», для автора которой шведы «*приятели, союзники и благодетели*», а их нашествие «*ничего в себе враждебного не имело*». Сочувствие Костомарова тоже на стороне этих милых «*скромных путешественников*», и он до глубины души возмущен тем приемом, который оказали им Русские: «Современные шведские известия сообщают возмутительные черты обращения русских с неприятелем во все течение Северной войны. Они варварски уродовали попавшихся в руки шведов, не щадили ни безоружных женщин (?), ни стариков (?), ни даже *невинных детей* (!!), а тех, которых почему-нибудь оставляли в живых, уводили с собою в рабство. Шведы жаловались, что их пленников содержали русские самым жестоким и унижительным образом, а в случае кончины их бросали их тела на съедение собакам и хищным животным»(21). Излишне добавлять, что «шведские известия», на которые ссылается Костомаров, столь же *анонимны*, как и приведенные выше «вести со всей Украины». А уж откуда в армии Карла XII взялись «женщины, старики и даже *невинные дети*» одному ему только и известно!..

Впрочем, факты – упрямая вещь и украинствующему профессору постоянно приходилось накладывать узду на свою не в меру буйную фантазию, ведь занявшись производством на свет Божий «исторических монографий», он принужден был считаться с требованиями жанра и приправлять свою безудержную ложь хоть какой-то толикой правды. Конечно, «правдивость» эта носила чисто условный характер и сводилась к тому, что при воспроизведении внешней канвы событий Костомаров как-будто следовал источникам и описывал их в соответствии с реальным ходом дел, но чтобы и эту фактологическую правду читатель воспринимал нужным образом, обильно сдабривал ее авторскими толкованиями, интерпретируя с самостийнической точки зрения.

Весьма показательна в этом плане его оценка мазепинской авантюры. Лживо утверждая, что малороссийское население «не питало привязанности к Русской державе и соединению с москалями», он объясняет отсутствие массовой поддержки гетманской измены тем, что народу «из двух зол надо было выбирать меньшее (вспомним «Историю Русов»: «*из видимых зол, нас обышедших, избрать меньшее*»). Как бы ни тяжело было ему под гнетом московских властей, но он по опыту знал, что гнет польских панов стал бы для него тяжелее».

Таким образом, само понятие «измены» при оценке действий Мазепы теряло смысл: гетман просто допустил *ошибку* в весьма сложных исторических условиях, но сами действия гетмана были спровоцированы «московским гнетом». Так что именно «Москва» - *истинный виновник* происшедшего.

А чтобы мысль эта прочнее засела в читательском сознании, сочинитель «двух русских народностей» *создает миф* о непримиримом, извечном их антагонизме. Создает обычной для него методой циничной, продуманной лжи, привлекая в качестве «источника» все те же одному ему известные «слухи», «вести» и «молву»: «Немало сохранилось *известий* того времени о столкновениях, происходивших в разных местах между малороссийскими жителями и великороссийскими царскими служилыми», «взаимные ссоры нередко кончались кровавою распрavoю». Вследствие этого «со всех сторон сыпались жалобы на дурное обращение великорусов с малороссиянами», бесконечно росло «раздражение малороссиян против великороссиян» и «во всем малороссийском крае раздавались резкие и враждебные крики против «московского панования» ...

Иезуитски скрытно Костомаров подталкивает читателя к нужному выводу: «кровавые расправы», «раздражение», «враждебные крики» должны, в конце концов, завершиться закономерным итогом – *восстанием* «угнетенных» против «угнетателей»! Но в этой кульминационной точке творцу «новой реальности» приходилось останавливаться: единственно достойный финал «вражды», разделявшей «две русские народности», или даже отдаленные намеки на таковой, в его распоряжении отсутствовали: мазепинская «эпопея» на него явно не тянула по ничтожности своих участников. А после нее самостийникам и вспомнить было нечего. Малороссийская история в своем самостийническом варианте имела существеннейший пробел. Дело приходилось откладывать на будущее: «Факты, возбуждавшие в народе нерасположение к москалям, не были еще ни столько многочисленны, ни столько сами по себе сильны, чтобы образовать в народе такую вражду, какая могла бы сплотить его ко *всеобщему восстанию* (!)»(22). (Вот так: ни больше, ни меньше!).

Но надежда, как говорится, умирает последней: авось, и наступит тот долгожданный день, когда вся Малороссия поднимется в едином порыве всеобщего антирусского мятежа ... Скорее всего, именно об этом мечтал старый и больной профессор, завершая свою последнюю историческую монографию. «Мазепа».

* * *

Характеризуя взгляды Костомарова, И.И. Ульянов полагал, что тот в качестве «украинца» проделал определенную эволюцию, избавившись от самостийнического радикализма, если и не полностью, то по крайней мере в некоторых основных пунктах. «Окончательно порвать с украинизмом, которому они посвятили всю жизнь, ни Кулиш, ни Костомаров не нашли в себе сил, но во всей их поздней деятельности чувствуется стремление исправить грехи молодости, направить поднятое ими движение в русло пристойности и благоразумия». «Вытаскивая из своего ученого мышления одну за другой занозы, вонзившиеся туда в молодости, Костомаров незаметно для себя ошипал все свое национально-украинское оперение. Оставшись украинцем до самой смерти, он тем не менее многое подверг очень строгой ревизии... Под старость он перестает приписывать малороссам несуществовавшую у них враждебность к единому российскому государству, перестает возбуждать и натравливать их на него. Политический национализм представляется ему отныне делом антинародным, разрушающим и коверкающим духовный облик народа»(23).

И.И. Ульянов, безусловно, ошибался.

Цитированная нами выше последняя костомаровская монография «Мазепа» (1882) убедительно доказывает: никаких положительных сдвигов во взглядах «украинца» Костомарова не произошло. И в конце жизни все его оценки и выводы вдохновлялись антирусским пафосом «мутного источника», идеологические принципы которого он последовательно внедрял под видом «чистой науки» в души и умы современников.

Не расстался он и со своим «национально-украинским оперением»: работа о Мазепе – кульминационный момент в обосновании им политической доктрины самостийничества, доказательства существования отдельного «украинского народа», не имеющего ничего общего с Русскими.

С этой точки зрения она – достойный венец академической деятельности Костомарова, который в качестве ученого все свои усилия сосредоточил на *украинизации* малороссийской истории и для достижения поставленной цели не брезговал любыми средствами, в том числе и самыми грязными.

Одним из главных приемов, используемых Костомаровым в этих целях, являлась умышленная терминологическая путаница, когда одни и те же явления одновременно описывались и как «русские», и как «украинские». *Документально зафиксированная* этническая принадлежность населения Малороссии к Русскому Народу историком *открыто* сомнению не подвергалась, но умышленно размывалась использованием в отношении его множества наименований. Так, уже на первых страницах книги о Малороссийской войне (1648-1654), он предупреждает, что речь в ней пойдет о народе, называемом «малоруссами, украинцами, черкасами, хохлами, русинами и просто русскими»(24).

Профессор Костомаров, конечно, знал, что из приведенного им перечня наименований в качестве *названия этноса* право на существование имело лишь одно – «*просто русские*». Остальные никогда не имели *этнического значения* и давно вышли из употребления, это – или уничижительные клички, или временные прозвища, вызванные к жизни случайными, преходящими обстоятельствами, с исчезновением которых они также исчезали. Но самостийника Костомарова «просто русские» не устраивают, ему милее *польский ярлык* «украинцы» и он фанатично пристегивает его к Русскому населению Малороссии: «*украинцы* явились на место жительства»; «*украинцы* выезжали с пушками и ружьями»; Хмельницкий опасался, чтобы «все *украинцы* не перебрались на новоселье». Вторжение поляков в Малороссию (1652) и снова авторский голос, назойливо вдалбливающий: «*украинцы* узнают об истреблении соседнего местечка»; «*украинцы* ... не могли спасти своих имуществ»(25); «король ... немало причинил зла *украинцам*»; «*украинцы*, сбитые с толку ... сами не знали, чего им держаться»; их делят между собой москали и ляхи, «не спрашивая, желает или не желает того *украинский народ*: ему, этому народу, не только не дают повода лелеять мысль о державной самобытности своего отечества, но даже не позволяют считать себя *отличным народом*»(26).

Так от произведения к произведению автором планомерно *сокращался* Русский элемент, а украинский *искусственно раздувался* и в течение какого-нибудь полувека, от Богдана Хмельницкого до Петра I, население Малой России в костомаровских монографиях окончательно превратилось из Русских в «украинцев», а сама она – в «Украину».

Конечно, понуждаемый необходимостью имитировать «научность» и «объективность», Костомаров должен был изредка *цитировать документы*, а в них черным по белому писалось, что жители Малороссии – *Русские*, а не какие-то там польские «украинцы», Он и цитировал, но каждую цитату густо обставлял самостийнической терминологией, призванной, вопреки очевидности, убедить читателя; что речь идет все же не о Русском, а «украинском» народе. Выходило, как в кривом зеркале: в *документах* – Русские, в авторском тексте – «украинцы».

Чтобы как-то сгладить это бьющее в глаза противоречие, Костомаров непосредственное цитирование источников зачастую подменял их *пересказом* и тут уже без всякого стеснения выбрасывал столь ненавистные ему понятия «русский», «российский» применительно к Малороссии.

То же и с терминами «украинский», «Украина». В документах той эпохи они, действительно, встречаются, но в строго *топографическом* значении, в качестве четко очерченной польским правительством *административной территории* Киевского, Брацлавского, Подольского воеводств, пограничной со Степью, оттого и «укра ина» (т.е. окраина). Населяют ее отнюдь не «украинцы», а поляки и Русские, поэтому, например, гетман Брюховецкий в своем универсале (1664) и писал, что движется на правую сторону Днепра с целью «освободить *русский народ* в Украине от ярма иноверных ляхов».

Костомаров, конечно, знал, что термины «украинский», «Украина» обозначают лишь приграничную *территорию*, а не *национальность* проживающего на ней населения, и, тем не менее, придавал им этнический характер, сознательно совершая *фальсификацию*, которой и обосновывал лживую доктрину существования отдельного «украинского народа».

Этой же цели служит в «Мазепе» изображение Малороссии не как *части России*, страны, ведущей войну со Швецией, а некоей отдельной этно-территориальной единицы, лишь волею случая превратившейся в театр боевых действий двух посторонних государств. В развернувшейся схватке «Москвы»(?) и Швеции «малороссияне» – лишь сторонние наблюдатели, безвольный объект манипуляции противников: «И та и другая сторона хотели оправдать себя перед этим народом и взвалить вины на противную сторону». Русским удалось это лучше, они сильнее «сумели подействовать на дух народа, особенно уверивши народ, что в делах, найденных у Мазепы ... оказался договор бывшего гетмана со Станиславом, по которому гетман отдавал Украину Польше».

Впрочем, не малое время чаша весов (авторскими усилиями) колебалась и далеко не сразу «малороссияне» приняли сторону «Москвы», Оттого и был уверен Карл XII, что «со вступлением своего войска в Украину увидит на своей стороне весь украинский народ».

Нет, Костомаров вовсе не собирался избавляться от духовного плена «Истории Русов». Напротив, всю свою академическую деятельность он посвятил подведению «научной базы» под ее лживые, фантастические рассказы, ибо центральный пункт костомаровского мировосприятия абсолютно тот же, что и у анонимного автора «катехизиса самостийничества» – яркая, непримиримая *ненависть* к России, Русскому Народу и всему, что выражает его духовную суть и историческое призвание. Именно эта ненависть преображает в его творениях имя Русского Народа в оскорбительную и презрительную кличку – «москаля». Благодаря ей исчезает и название страны: на месте РОССИИ является «Московщина», «Москва», хотя ни разу Польша не названа «Варшавой», Швеция – «Стокгольмом», Франция – «Парижем». Разницу между названием страны и ее столицы знает даже школьник, уж тем более сознавал ее профессор истории, но применительно к России с бредовой навязчивостью оперировал одним-единственным словом – «Москва». Это она «*Москва ... произвела в Украине смуту*» и несчастным гетманам пришлось «вывертываться между *Москвою*, Польшей и Крымом», совершая бесчисленные измены и клятвопреступления. Недовольство подданством «Москве» ни днем, ни ночью не покидает костомаровских «малороссиян», ведь «*Москва* на них налагает новые подати», «*Москва* хочет мириться с Польшею»(27) и т.д. и т.д. Одним словом, «Москва» – символ злого рока, преследующего «малороссиян» с момента их явления в мир Божий, источник всех бед и несчастий и оттого – объект не утихающей, вековечной ненависти, страха и отвращения ...

«Москва», «Московщина» и производное «москаля» для Костомарова, как и всякого самостийника, не только устрашающий жупел, это еще и своеобразный *шифр*, кодирующий до времени имя главного и единственного врага – Русской Нации. В силу исторических условий XIX века «украинцам» приходилось маскировать свою ненависть к России и Русским, поэтому они и оперировали эвфемизмами, вроде «Московии» и «москалей» (а многие и сегодня все еще их используют). Русские, в том числе населяющие Малороссию, простодушно посмеивались над этими странными, неудобоваримыми понятиями, неизвестно что и кого обозначающими, а адептам украинской доктрины они позволяли не только свободно тиражировать в *России*, буквально на виду у всех, свои антирусские взгляды, но и повсеместно их распространять, особенно среди малорусского населения, отравляя его сознание ядом этнического нигилизма и исторического беспамятства.

Кроме того, трюк с «Москвой» и «москалями» давал возможность хоть как-то *оправдать* отказ от собственного национального имени, да при этом еще и обвинять Русских, в том что они его присвоили. И здесь Костомаров строго исполнял не умирающий завет «Истории Русов»: «прежде были мы то, что теперь московцы: правительство, первенство и самое название Руси от нас к ним перешли»!.. (В. Шульгин в свое время дал исчерпывающее опровержение этой байки об украденном «москалями» Русском имени «украинцев». Аргументы самостийников по данной проблеме он свел к двум утверждающим:

«1. Население, живущее ныне от Карпат до Кавказа, с глубокой древности и до наших дней называет себя русскими, а потому оно и есть подлинный русский народ.

2. Смешанная раса, заселяющая ныне территорию от Польши до Владивостока, в древности не называла себя Русью; она приняла наименование «русский народ» первоначально от русской династии, переселившейся в Москву из Киева, а позднее – и от исконно русского народа, вошедшего в состав Московского государства по почину Богдана Хмельницкого в 1654 году. По этой причине люди этой смешанной расы неправильно называют себя русскими. Им больше приличествовало бы наименование *московитов*, как их в течение долгого времени и называли».

Отсюда следует «неопровержимый вывод: есть только одна земля на свете, которая имеет право называть себя Русью: эта то земля, про которую сейчас говорят «Украина».

Есть только один народ, который подлинно русский: это народ «украинский». А следовательно, есть только один язык, который есть настоящий русский: язык украинский».

Здесь, правда, возникает вопрос: «Отчего же, исходя из всего выше сказанного, украинцы не называют себя русскими?». Украинский ответ до идиотизма прост: «Проклятые москали украли наше древнее русское имя! Потому-то пришлось нам искать другого имени, и мы, благодаря Господу, нашли: отныне будем украинцами».

В. Шульгин по поводу такой «железной логики» остроумно замечает: «Как хотите, господа, а ей же ей эта причина странная. Я, допустим, ношу имя Иванова, И вот нашелся какой-то Петров, который тоже объявил себя Ивановым. Неужели это достаточная причина, чтобы я, Иванов, стал называть себя Сидоровым? Где же тут логика?». И «что мне поможет, если я ... этому зловредному похитителю моего имени подарю то, что он сделал, а сам, смиреннее овцы, пойду и назовусь каким-то Сидоровым? Ей-же Богу, эта благонравность и смирение совершенно непонятны. А тем более, непонятны, что украинствующие (курсив В. Шульгина) – все время твердят, будто они борются за свой народ. Как же борются, когда самое, что есть у народа ценное, его историческое имя, взяли и отдали Чуди, Веси, Мордве и Черемисам.

Для здравомыслящего человека такой способ действия, хотя бы под влиянием самой горькой обиды, совершенно непонятен. В особенности же все это непонятно, когда сообразишь, что Чудь, Весь, Меря и Черемисы (под именем москалей) начали красть наше русское имя еще при Иване Калите, то есть в XIV веке ... И вот, слава Тебе Господи, прошло ни много, ни мало четыре с половиной века с лишком, никто на это «именное» воровство не обижался. И только тогда, когда стукнуло 469 лет, наконец кто-то обиделся. Кто же это? Все не мы, а поляки! Поляки обиделись, и вполне естественно, на императрицу Екатерину II. В ответ на разделы Польши, и это тоже совершенно естественно, поляки, в свою очередь, надумали раздел России. Для этого они и изобрели до той поры не существовавший «украинский народ»(28). Вряд ли к этому можно что-либо добавить.) В отношении же профессора Костомарова, своими учеными трудами популяризовавшего подобную белиберду, нужно сказать следующее.

В своей «Автобиографии», подводя итог почти сорокалетней научной деятельности, он писал: «Истинная любовь историка к своему отечеству может проявляться только в строгом уважении к правде»(29). Прилагая это утверждение к его собственному творчеству, можно сделать однозначный вывод: костомаровское отношение к своему отечеству двигалось ненавистью, ибо ПРАВДЫ как раз и не было в его научных трудах, составивших огромный по объему и количеству перечень исторических монографий и статей. Став на какое-то время едва ли не главным авторитетом в области изучения прошлого Малороссии, он по иезуитски скрытно коверкал ее историю, интерпретируя происходившие в ней события, как последовательное развитие местного политического сепаратизма, осуществление «вековой тяги» к отдельности и изоляции от остальной России.

Ведь знал он, к примеру, что термины «Украина», «украинский» и наконец «украинцы» в приложении к Малой Руси и ее населению – польского происхождения; что именно поляки в своих собственных видах в XVIII веке изменили смысл этих терминов с топографического на этнический, изобретя отдельный «украинский народ», хотя сами же в продолжении трех столетий господства над ним называли его не иначе как «народом русским».

Все это профессор Костомаров знал и, тем не менее, числя себя в «малороссийских патриотах», в своих исторических монографиях сознательно проводил польскую линию на денационализацию Русских, превращение той их части, что проживала в Малороссии, в иной «украинский народ», антипод народу Русскому. Между тем, проведя юность и молодость среди малороссийского населения, он воочию мог убедиться: никогда не называло оно себя «украинцами», даже «малороссами» не называло, а только исконным предковским именем -Русский, Русские.

Знал все это Костомаров. Да и сам был чистокровным Русским, но перейдя по политическим мотивам в «украинцы» на всю жизнь сохранил преданность идее отторжения Малой Руси от России, проведя воистину титаническую работу для ее повсеместного распространения и внедрения в Русскую историческую науку, убедительно показав, что уровень мышления маститого профессора, работавшего в лучших библиотеках мира и имевшего доступ ко всем документальным свидетельствам непосредственных участников и очевидцев описываемых им событий, совершенно идентичен уровню мышления невежественного автора «Истории Русов», состряпавшего свой памфлет из лживых слухов, сплетен и бездоказательных домыслов.

Пример Н.И. Костомаров убедительно демонстрирует нам одну простую истину: общая сумма объективных исторических данных в случае, когда за историю берется «украинец», не имеет абсолютно никакого значения: результат всегда один и тот же – ложь и ничего, кроме лжи!

Именно эта тотальная ложь и является главным и единственным методом построения доктрины самостийничества, ее усовершенствования, распространения и воплощения в жизнь. Накал и насыщенность этой ЛЖИ таковы, что вся украинская идеология в какой бы ипостаси она себя не являла, есть ничто иное как полное и неизлечимое интеллектуальное безумие. Недаром же все, кто непосредственно сталкивался с «украинцами» и долгие годы с ними общался, единодушно отмечают всем им присущие симптомы явного психического расстройства, которые выражают себя в таких патологических признаках, как наличие навязчивого бреда и аффектных аномалий, в медицине обычно определяемых термином «шизофрения». Вот свидетельство потомственного галичанина, прекрасного знатока истории Червоной Руси доктора Яворского:

«Чтобы обосновать свои фантастические теории, даже только для оправдания своих личных взглядов, сепаратисты неизбежно должны унижаться до явных искажений и даже прямой фальсификации подлинной истории. Но такая мнимая база не может скрыть зияющей под ней научной пустоты. Поэтому у всех сепаратистов всегда наличествует сознание неуверенности и даже виновности. Это особенно характерно для тех из них, которые знают, что врут, но по низменным расчетам ... не находят в себе нужного мужества, чтобы честно признать свою ошибку. Другие, безнадежно обманутые и ослепленные соответствующей пропагандой, остаются фанатически уверенными в правильности своих национальных взглядов и так им преданными, что не могут спокойно ни слушать, ни даже понимать никаких возражений. Но в обоих случаях внимательные наблюдатели уже отметили, что для всех сепаратистов характерно чувство неполноценности. Если к этому присоединяется патологическая ненависть к родному общенациональному окружению ... как это

проявляется по отношению ко всему русскому народу в некоторых кругах украинских сепаратистов ... то такое явление следует отнести к болезненным состояниям, определяемым обычно общим термином шизофрения»(30).

* * *

Быть «украинцем» – тяжелая доля. Это звание налагает на своего носителя неподъемное бремя, требуя не просто *особого склада ума*, но и длительных его тренировок для овладения целым набором весьма специфических интеллектуальных приемов, из которых первый и основной *сознательно преодолевать сознание и при этом не сознавать, что занимаешься САМОГИПНОЗОМ*.

Без доведения себя до гипнотического транса «украинец» просто не в силах совладать с той важной «исторической миссией», которую сам на себя возложил, ведь *надо верить* в то, что верить невозможно; уметь *объяснить необъяснимое*; аргументировано обосновать заведомую ложь и правдоподобно опровергать правду. Даже если ты «украинец» в пятом колене без *самогипноза* при этом не обойтись. Поэтому каждый искренний («щирый») «украинец» должен владеть указанным приемом в совершенстве, иначе он никогда не сможет по-настоящему проникнуться бредовыми идеями украинства, в принципе недоступных обычному человеческому уму.

В самом деле, как можно, будучи в *здоровом рассудке*, верить в то, что Русские Киевской Руси – «украинцы» и одновременно, что «украинцы» – не Русские. Рядовому смертному это не под силу, а «украинец» *верит* и даже знает, что это именно так.

А пресловутый миф об утерянных «вольностях и привилегиях»? Нет ведь ни одного (!) *документального* свидетельства, хотя бы косвенно подтверждающего наличие таковых в какую-либо из эпох малороссийской истории. Тем не менее абсолютно *все* адепты самостийничества воспринимали (и продолжают воспринимать!) эту нелепую выдумку в качестве *реально существовавшего* явления, с пафосом воспевая дутые украинские «вольности» во всех своих произведениях – от сугубо беллетристических до историко-академических.

Хрестоматийной иллюстрацией этой основанной на самовнушении веры в исторический фантом может служить фундаментальный труд Д.И. Яворницкого (1855-1940) «История запорожских козаков». В самом начале завершающего III тома, подводя итоги политического развития Малороссии к исходу XVII столетия, автор безапелляционно утверждает, что в ней «наиболее проявляется стремление к *удержанию вековых прав и вольностей*». Особенно жаждет «сохранить свои права, свои вековые вольности запорожское козачество» (31).

Логично предположить, что в первых двух томах содержатся многочисленные, документально обоснованные ссылки, раскрывающие перечень, характер, время действия всех этих «вековых прав и вольностей». Ничуть не бывало! Единственное «доказательство» в пользу их существования занимает всего несколько строк. Посвящены они образованию польско-литовского государства (1569): «По этой унии к Польше, вместе с Литвой, была присоединена и Украина *на правах свободной страны со свободным населением*: «яко вольные до вольных и ровные до ровных люди». Так сказано было на бумаге»(32). На какой? Д.И. Яворницкий «забывает» уточнить. Стыдливо умалчивает и об источнике заковыченной фразы о «вольных и равных». Еще бы: ведь это та самая «История Русов», которую серьезному ученому даже читать неприлично, не то что ссылаться (а Яворницкому, вместе с его собратом по ремеслу Грушевским, в ознаменование «научных заслуг» уже в Советское время было присвоено почетное звание «академика»). Негоже ученому в своих научных построениях опираться на лживый пасквиль. Что ж, нет нужды, ведь для академика Яворницкого *реальность* существования украинских «вольностей» не есть следствие каких-либо рациональных посылок, а результат чистого *самогипноза*. Конкретный же механизм «сознательного преодоления сознания» сим ученым мужем можно проследить на следующем примере.

Во II томе своего сочинения он подробно разбирает универсал Хмельницкого, посвященный как раз теме «вольностей». Этот универсал, выпущенный 5 января 1655 г. в свою очередь ссылается на «грамоту» польского короля Стефана Батория (от *20 августа 1576*), якобы предоставившую запорожским казакам самые широкие права и привилегии, в частности, передачей в вечное пользование *г. Терехтемирова* с монастырем и перевозом, в придачу к уже имевшемуся «старинному запорожскому городу Чигирину», со всеми прилегающими землями и находящимися на них местечками, селами, поместьями, рыбными и иными угодьями. Кроме того, «старинный же запорожский» город Самар с перевозом и территориями «до самой реки Днепр, где за гетмана козацкого Преслава Ланцкорунского казаки запорожские свои зимовники имели». И все это, как и многое-многое другое «его королевская милость той грамотой своею казакам запорожским укрепил и утвердил»(33).

Приведя дословный текст универсала Хмельницкого Д.И. Яворницкий тут же показывает, что все перечисленные в нем казачьи «привилегии» – чистойшей воды *блеф*, обыкновенная историческая *мистификация*. Упомянутый в нем «старинный город Чигирин», якобы *задолго до 1576 года* находившийся в полной собственности запорожцев, на самом деле был основан только в *1589 г.*, спустя *три года* после смерти Стефана Батория. Не мог он пожаловать и города Самары, *не существовавшего* не только в это время, но и гораздо позже. И Преслав Ланцкорунский *никогда не являлся* «казачьим гетманом». Этот литовский вельможа, будучи хмельницким старостой, в начале XVI в. действительно занимался обороной южных рубежей Великого княжества Литовского от татар и турок, но к «запорожскому лыцарству» отношения не имел, да и иметь не мог по той простой причине, что само оно находилось еще в зародышевом состоянии, а уж «гетманов» вплоть до Богдана Хмельницкого и подавно не имело. Так, что все «вековые вольности», с таким тщанием перечисленные в универсале – обычная дезинформация, понадобившаяся Хмельницкому всего лишь для вымогательств у Русского правительства привилегий казачьей старшине.

Д.И. Яворницкий это, конечно, знает, как и то, что «грамота» Стефана Батория на пожалование запорожцам «означенных земель и городов» – явление *виртуальное* и *не упоминается* ни в одном из источников данной эпохи. До нас ее текст дошел лишь через универсал Хмельницкого, лживость которого сам же Яворницкий столь очевидно показал. И тем не менее, в силу врожденных изъянов украинского мышления, он усердно демонстрирует, что не только *знает*, но и *верит* в реальность существования «вековых прав,

вольностей и привилегий» запорожцев и малороссов под польским ярмом, а потому на протяжении всех трех томов своей объемной «Истории» рассуждает о них как вполне *установленном историческом факте*.

Вот это и называется: *сознательно преодолевать сознание и при этом не сознавать, что занимаешься самогипнозом*.

* * *

Понятно, что постоянно прибегая к самогипнозу легко убедить *себя*, но главная цель «украинца» – убедить *других*. Для этого используется иной способ «интеллектуального творчества», суть которого кратко можно выразить так: ЗНАТЬ, НЕ ЗНАЯ.

Прием это важен прежде всего для построения «украинской историографии», которая, несмотря на обилие трудов и авторов, до сих пор не может обрести статус серьезной научной дисциплины из-за банального препятствия – наличия огромного числа *подлинных* исторических документов как раз тех эпох, куда она произвольно внедрила «украинцев», вопреки совершенно очевидным свидетельствам первоисточников, *ни разу* их не упоминающих ни в Киевской Руси, ни в Великом княжестве Литовском, ни в Речи Посполитой, ни в Малороссии, – итак вплоть до XIX века, когда первые из них робко заявили о себе в мизерных по численности антиправительственных кружках. (Этот вопиющий «пробел» исторических документов ставит перед украинским историком как-будто неразрешимую проблему и лишь благодаря наличию в его «научном арсенале» выше поименованного метода, он успешно ее преодолевает, легко изменяя прошлое в нужном для себя направлении. Конкретные технологии данной операции блестяще описаны в романе Дж. Оруэлла «1984», где правящая Партия стояла перед той же проблемой – необходимостью постоянной *переделки прошлого*, для чего и выработала целый арсенал средств его фильтрации и подчистки. Все виды литературы и подлинных свидетельств ушедших времен: газеты, книги, журналы, брошюры, плакаты, листовки, фильмы, фонограммы, карикатуры, фотографии, ежедневно и ежечасно видоизменялись в соответствии с *нуждами текущего момента*. Прошлое подгонялось под настоящее и документально можно было подтвердить все, что угодно. История, как старый пергамент, выскабливалась начисто и писалась заново – столько раз, сколько нужно. И не было никакого способа доказать потом подделку.

Над этим работал огромный отдел Министерства правды (миниправа), снабженный специальными типографиями, теле- и фотостудиями, десятками тысяч вышколенных сотрудников, артистами, гримерами, подражателями любых голосов. Это-то миниправ и определял какую часть прошлого надо сохранить, какую фальсифицировать, какую уничтожить без остатка.

Конечно, «украинцам» пока еще далеко до столь отлаженной системы интеллектуального надувательства: «дэржава» толком не устоялась, раздираема противоречиями, да и правящая в Малороссии украинская партия не настолько упрочила свою власть, чтобы превратить подвластное ей население в нерассуждающее быдло, которому можно навязать любой бред. Сказывается также нехватка квалифицированных кадров, технологическая отсталость, природное скудоумие украинских «академиков» и «профессоров». В общем, создание самостийнического аналога министерства правды – еще впереди. Пока же работа ведется по старинке, на базе уже сложившейся традиции исторических фальсификаций, когда приходится *знать, не зная*.) Выше мы описали как пользовался этим приемом Н.И. Костомаров. За истекшие сто лет украинская историография существенно его усовершенствовала, прежде всего в сторону еще большего цинизма и бесстыдства и стала пользоваться им уже совершенно открыто.

Вот передо мной один из последних украинских бестселлеров, книга «историка и политолога» Ореста Субтельного: «Украина. История». Вышедшая в Канаде в 1988 г., в «самостийной» она выдержала три (!) издания в переводе на украинский, а затем еще и на Русский (для тех, как сказано в аннотации, «кто недостаточно активно владеет украинским языком», но жаждет «глубже проникнуться чувством украинского национального самосознания»).

Читать этот толстенный (736 стр.) фолиант «многовековой истории Украины» все-равно что смотреть телепередачу «Вокруг смеха». С типично украинской «ученостью» автор весь материал подает таким образом, что трудно понять: *шутит* он или *издевается* над читателем, ибо при освещении любой проблемы умудряется одновременно все по ней знать и при этом беспрерывно забывать, что он это только что знал.

Вот, например, образчик его «научных изысканий» по истории Червоной Руси: «На протяжении ста лет после падения Киева (разоренного татарами в 1240 г. – С.Р.) Галицко-Волынское княжество служило опорой *украинской государственности*». (Априори примем на веру определение «украинский»). «Жители этих земель – *украинцы*». (Поверим и в это, следуя авторской логике: «украинский» - «Украина» – «украинцы»...). Но что это? В украинской теме вдруг резкий диссонанс: «их тогда называли *русины*». (Стоп! Почему «русины», а не «украинцы»? Что вообще означает термин «русины»?...). Наш «политолог», как в рот воды набрал, и ничто же сумняшеся бубнит дальше: Польша оккупировала в 1366 г. Галицию: «польские завоевания в *Украине* были огромны» – и тут же очередной ляпсус: «Казимир (польский король. –С.Р.) называл Галичину не иначе как «королевством *Русским*». (Да? А почему не «украинским»?». «Официальное хождение ... имел и «*русский язык*», равно как и своя «*русская монета*»... К середине XV в. Галичина была превращена в ... *Русское воеводство*». (Господи! Да куда же подевались «Украина» и «украинцы» только что «открытые» О. Субтельным на данной территории как раз в эту эпоху? И почему поляки все «*украинское*» злобно переименовывают в «*русское*»?.. Надо же как-то объяснить читателю этот странный парадокс? Ни-ни. Наш юморист молчит и как ни в чем не бывало продолжает дальше тешить публику своими фантастическими байками).

Одновременно с поляками «вступили в *украинские земли*» и литовцы. Так состоялось «присоединение *Украины* к Литве». (Снова наблюдаем знакомый смысловой ряд: «украинский» – «Украина» – «украинцы»...). Однако и литовцы проявляют такое же упрямое неприятие всего «украинского», представляя «свои завоевания как миссию «по собиранию *земли Русской*». Более того, словно издеваясь над украинскими потугами О. Субтельного, официальным языком образовавшегося Великого княжества Литовского объявляют опять же ...

«русский»! Здесь уже нервы нашего «историка и политолога» не выдерживают и он с возмущением поясняет в скобках «*т.е. украинско-белорусский*».

Двигаемся дальше по сконструированной им «многовековой истории Украины». И в XIX в. в ней абсолютно ничего не меняется: все та же загадочная мимикрия «украинцев» под «русских» при отсутствии каких-либо объяснений этого странного феномена со стороны автора.

19 апреля 1848г. львовское духовенство обращается к австрийскому императору Фердинанду I с петицией. Вначале составители ее расписывают «былую славу средневекового Галицкого княжества, последующее порабощение его поляками, особо подчеркивая тот факт, что население края «принадлежит к великой *русской нации* ... и все говорят на одном языке». Естественно предположить, что этот «один язык» – Русский, раз уж речь идет о представителях «*русской нации*». Ничуть не бывало! Их требования в изложении О. Субтельного таковы: «*ввести украинский язык в школах и административных учреждениях, обеспечить украинцам доступ к административным должностям*» и т.д. и т.п., все сплошь и рядом «украинское». А через две недели «во Львове была образована «Головная Руська «Рада» – первая украинская политическая организация»...

Два десятилетия спустя – та же картина. О. Субтельный цитирует львовскую газету «Слово»: «Мы не можем далее отделять себя китайской стеной от наших братьев и отвергать языковые, литературные, религиозные и этнические связи, соединяющие нас со всем *русским миром*. Мы больше не русины 1848 г., мы *настоящие русские*». Инициаторы обращения создают в 1870 г. «политическую организацию – *Русскую Раду*, которая, по их заявлению, была прямой продолжательницей «Головної Руської Ради» 1848 г. и претендовала на роль единственного представителя всех *украинцев* Галичины»...

Что можно понять во всей этой белиберде, когда один и тот же народ является нашим взором то в образе Русских, то их непримиримых конкурентов – «украинцев»? По-моему только одно: если бы в мозгах украинского «политолога» присутствовала хотя бы самая элементарная логика, он неминуемо должен был бы разъяснить столь *вопиющее противоречие* между им же самим цитируемыми источниками и им же самим сочиненной «концепцией». И не делает он этого лишь потому, что знает: «История» его адресована столь же украинизированному читателю, готовому во имя самостийной «нэньки» кастрировать свои мыслительные способности до такой степени, что они услужливо готовы ЗНАТЬ, НЕ ЗНАЯ.

Именно этим циничным расчетом на то, что «свои» *правильно истолкуют* любую авторскую несурязицу, можно объяснить рождение таких, например, перлов: «трагичной была судьба галицких украинцев, оказавшихся под российской оккупацией (речь идет о 1915 г. – С.Р.). Царское правительство сразу же недвусмысленно дало понять, что оно вовсе не считает Восточную Галицию новым или тем более временным приобретением. Наоборот, эта территория упоминалась теперь не иначе как «*древняя русская земля*», которая наконец «навекі воссоединилась с матушкой-Россией». Развернулась хлопотливая деятельность по материализации *мифа о «русском характере Галичины»*(34).

Развязно-ехидный тон автора особо должен подчеркнуть «нелепость» подобных притязаний. Однако, разве в цитируемых им самим *документах* говорится не *о том же самом*? Что с древнейших времен Галиция является «русской землей», а население ее – «русскими». Ведь вот же и в *1870 году* оно *самоопределяет* себя, свой язык и создаваемые организации не иначе, как *Русские!* А не «украинские», как того хотелось бы О. Субтельному. Над кем же и чем иронизирует автор? Не над собой ли? Или его дурацкое хихиканье – следствие нервного перенапряжения? Ведь придуманная им «концепция» столь мудрёна, что он и сам уже путается где в ней правда, а где – ложь.

Но таков удел каждого «украинца». Его восприятие реальности основано на двоемыслии – *патологической способности одновременно держаться двух противоположных точек зрения, понимая, что одна исключает другую и все-таки быть убежденным в обеих*.

* * *

По определению Дж. Оруэлла, ДВОЕМЫСЛИЕ – это грандиозная система умственного надувательства. Двоемыслие – это *управляемое безумие*, тем не менее этот процесс должен быть *сознательным*, иначе его не осуществить успешно, но одновременно и *бессознательным*, иначе возникает ощущение лжи, а, значит, и вины.

ДВОЕМЫСЛИЕ – становой хребет не только украинской идеологии, но и практики, осуществляемой по ее рецептам. Говорить заведомую ложь – и одновременно в нее верить. Забыть любой факт, ставший неудобным – и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился. Отрицать существование объективной реальности – и учитывать реальность, которую отрицаешь. Все эти методы использовались для создания украинской доктрины, а сегодня – построения самостийной «дэръжавы». Только благодаря двоемыслию «украинцам» удалось *изменить прошлое*, по крайней мере в своем воображении, и, основываясь на этом *воображаемом* прошлом, приступить к строительству собственного «суверэнного» бандустана.

Тот же О. Субтельный демонстрирует нам виртуозное владение этим воистину непобедимым оружием украинского интеллекта, что придает его пухлому труду все признаки законченного «классического» творения. Но прежде чем обратиться к конкретным случаям применения данного приема, зададимся таким отвлеченным вопросом: может ли некая группа людей признавать свое положение в *политическом отношении* «несравненно лучшим», чем у другой группы, если возможности ее выразить «любые политические устремления» на практике сведены к нулю, т.е. проще говоря, *отсутствуют*? Конечно, нет! – воскликнет догадливый читатель. И будет безусловно прав. Нуль он и есть нуль: полное отсутствие прав заведомо исключает какие-либо сравнение с бесправностью других (просто нечего сравнивать!), а уж тем более бахвалиться «несравненно лучшим положением». Но это так по нормальной человеческой логике, а мы имеем дело с «украинцем», рассудок которого обладает уникальной способностью держаться одновременно двух противоположных точек зрения в полном сознании того, что одна исключает другую и при этом – быть убежденным сразу в обоих.

Наш «политолог», к примеру, рассуждая об украинской жизни в период между двумя мировыми войнами и сравнивая ее в Польше и СССР, безапелляционно утверждает: «Несмотря на свой статус *граждан второго сорта*, украинцы в Польше в *политическом отношении* занимали несравненно лучшее положение, чем их братья в СССР». Здесь же обрисовываются наиболее рельефные черты этого «лучшего положения»: польское правительство «отказывалось признать *любые (!!) политические устремления* западных украинцев», будучи убежденным, «что украинцы слишком отстали для самоуправления, что они вообще являются ничем иным, как «немецкой *выдумкой*» (забавно, не правда ли, слышать от *поляков* обвинение немцев в том, что они *выдумали «украинцев»*. – С.Р.)). В полном согласии с данной теорией «в 1924 г. был принят закон, запрещающий употребление украинского языка в государственных учреждениях». При этом «украинцев исключали из Львовского университета, закрывались украинские кафедры», а «большинство украинских школ были преобразованы в двуязычные учебные заведения, где преобладал польский язык». К 1931 г. «одна польская гимназия приходилась на 16 тыс. человек, а одна украинская – на 230 тыс.». Если все это – признаки «*несравненно лучшего положения*», то трудно даже вообразить, что же творилось в это время с «украинцами» в СССР. Читаем О. Субтельного:

Украина «стала четко определенным национальным территориальным целым, с собственным административным центром и аппаратом». Таким образом, «украинцы наконец-то обрели территориально-административные рамки, соответствующие их национальному естеству». К этому следует добавить, что в угоду самостийникам захватившие Россию коммунисты одним махом записали в «украинцы» 30 млн. Русских людей, *юридически закрепив* это в качестве их «*национальности*!» О чем скромно умалчивает О. Субтельный, хотя и признает, что «1920-е годы стали периодом ... возрождения национального самосознания, духовного подъема, настоящим *золотым веком украинцев(!)*, периодом *невиданного подъема (!)* украинской культуры». К 1929 г. «свыше 80% общеобразовательных школ, 55% школ ФЗО и 30% вузов вели обучение на украинском языке. Свыше 97% (!!!) детей-украинцев обучалось на родном языке». К 1931 г. «90% газет и 85% журналов выходили на украинском» А к 1940 г. «Украина (которая по уровню производства приблизительно сравнилась с Францией) стала одной из *наиболее развитых промышленных стран Европы*». (Конечно, в 30-е годы тов. Сталин несколько притормозил триумфальное шествие «украинизации» (а еще были голод, коллективизация, репрессии), но украинские заводы, фабрики, школы, издательства, академии, университеты, административный аппарат и венчающая все это «Украинская ССР» остались в неприкосновенности и, между прочим, сегодня именно в ее *сталинских границах* «украинцы» правят бал, под руководством как раз тех «*национальных кадров*», которые и были выпестованы в столь ненавистной для них «Советской империи». Впрочем, О. Субтельный не подвергает сомнению головокружительных украинских достижений в предвоенном СССР, но и не отказывается от утверждения, что «украинцы в Польше занимали несравненно лучшее положение», чем их «советские братья». А все дело в том, что «при всех дискриминационных чертах своей политики Польша все же была *государством, основанным на конституционных принципах (?!)*. (По-видимому, превращение: «украинцев» в «граждан второго сорта» в глазах О. Субтельного несколько не уменьшает величественной красоты этих самых «принципов») и он охотно делится с читателем имеющейся информацией о конкретном их воплощении в жизнь именно по отношению к «украинцам»:

В сентябре 1930 г. «крупные подразделения кавалерии и полиции обрушились на украинские села, начав кампанию так называемой пачификации (умиротворения)». «Армейские части заняв около 800 сел, *громили* украинские клубы и читальни, отбирали имущество и продукты, *избивали всех*, кто пытался протестовать. Было *арестовано* около 2 тыс. украинцев, в основном гимназистов, студентов и молодых крестьян, почти треть из них попала в *тюрьму* на продолжительные сроки. Украинских кандидатов в депутаты сейма посадили под домашний арест, не дав им принять участие в проходивших в это время выборах, выборщиков-украинцев *запугиванием принуждали* голосовать за польских кандидатов».

Далее польское правительство «отменило самоуправление в селах и передало их под контроль польских чиновников. В 1934 г. в Березе Картузской был устроен *концентрационный лагерь*, где находилось около 2 тыс. политических заключенных, в основном украинцев». «Польская молодежь, организованная в полувоенные вооруженные формирования часто ... *терроризировала украинцев*. В 1938 г. наводившая на всех *ужас* пограничная жандармерия провела «*минипачификацию*» на украинских землях вдоль границы с СССР».

Итак, «погромы», «избиения», «тюрьмы», «террор», «концлагерь» и «всеобщий ужас» – как раз тот ряд понятий, который характеризует «государство, основанное на конституционных принципах», где «украинцам жилось несравненно лучше, чем их советским братьям». Поэтому О. Субтельный глубоко скорбит о том, что «развал Польши в начале войны (сентябрь 1939. –С.Р.) привел ко включению западно-украинских земель в сферу *куда более жесткого(?!)* режима», изоляции «от *европейских* политических и культурных *ценностей*»(35) (вероятно, все тех же «тюрем» «террора» «погромов» и «ужаса»)...

Читаешь и диву даешься: неужели выше приведенные фрагменты могут принадлежать перу *одного* человека, настолько они взаимоисключающи? И тем не менее это так, ведь мы имеем дело с «украинцем», сознание которого непоправимо *расколото* и просто не в состоянии соединять наблюдаемые факты в целостную органичную картину мира. Эта-то расколотость сознания и есть самый верный признак *шизофрении* (в переводе с латыни – шизо (или схозо)френия как раз и означает «расщепление (раскол) мозга (сознания)»). А *двоемыслие* «украинца», врожденная способность одновременно держаться двух противоположных точек зрения, есть лишь частный случай ее. Почему и чтение любого украинского произведения, к какой бы сфере знаний оно не относилось, превращается в тяжелый, изматывающий душу труд. Даже в тех случаях, когда написано оно на чистейшем Русском языке. Литература подобного рода действует на психику нормального человека самым угнетающим образом и, перевернув последнюю страницу, чувствуешь себя совершенно опустошенным. Такое состояние испытывает, наверное, психиатр после длительного сеанса общения со своим пациентом. И. Ильин в свое время точно заметил по поводу такого рода чтива:

«Ложь идет сплошной волной. Она преподносится тоном непререкаемого авторитета и наигранного лицемерного пафоса, свойственного скверным драматическим актерам. Читаешь и думаешь: лжет! И сам знает, что лжет; и даже не скрывает своего знания... «Да, лгу! А ты слушай и молчи! И попробуй только не согласиться! И повторяй мою ложь за мною! Да без оговорок, без колебаний! Уверенно! С чистосердечным

убеждением! Лги искренно! Обманывай вместе со мною с пафосом! Лицемерь с темпераментом, чтобы я, перволжец и обер-обманщик, имел основание сделать доверчивую физиономию!!!»...

Читаешь и чувствуешь, что начинается тихое головокружение, сопровождаемое отвращением к лжецу и тайным презрением к самому себе... - за молчание...

И вдруг - в этом потоке лжи и обмана, - тем же тоном, - выговариваются целые куски фактической правды... И эта правда выговаривается именно в составе лжи – для ее подкрепления и удостоверения. Знаешь, что это *правда* (здесь и далее курсив И. Ильина)... и начинаешь не верить и ей. Потому, что и она лжет. Она лжет тем, что произносится тем же тоном наглого апломба, с теми же лицемерными и аффектированными «жестами» (умственными, нравственными и стилистическими!). Она лжет и тем, что появляется окруженная ложью, в обманной картине и для-ради обмана ...

И вот, кто так лжет, тот *теряет* в самом себе *чувство правды*; а перед другими людьми и перед Богом – он теряет и *право на правду*. Сама правда его начинает лгать. И он сам чувствует это и сам себе не верит. И другие ему не верят»(36).

* * *

«Украинцу», конечно, подобного рода неверие не помеха. Его *управляемое безумием* мышление, выработало достаточно способов защиты от окружающей реальности и далеко не исчерпывается способностью к двоемыслию и самогипнозу. НЕЗНАНИЕ –СИЛА! – еще один руководящий принцип его мыслительной деятельности, позволяющий ему играючи преодолевать проблемы любой степени сложности. Конкретным воплощением в жизнь данного принципа и занимается так называемая «украинская историческая наука».

Вклад последней в формировании украинской ментальности невозможно переоценить. Психология, мировосприятие, иерархия общественных ценностей «украинца», его политические предпочтения, само поведение в быту базируются прежде всего на тех идеологических штампах, которые в течение последних полутора столетий настойчиво и методично внедряла в его сознание самостийническая историография.

Конечно, ее методика, приемы, основные направления исследований ничего общего с исторической наукой не имеют, ибо «История Украины» – не наука, а нечто среднее между партийной пропагандой и историкообразной мистификацией и в качестве таковой не признает объективной истины в принципе, а уровень своих «достижений» определяет заинтересованностью в ее существовании тех или иных зарубежных структур, да чисто арифметическим ростом поклонников ее бредовых постулатов в массе населения, произвольно включенной ею в «украинский народ».

В силу этого своего откровенно шарлатанского характера в ряду других национальных исторических школ она стоит особняком, никак с ними не связана и полностью изолирована от общего научного поля их разработок, дискуссий, информационных связей и обменов. Изгойство ее предопределено теми принципиальными установками, которыми изначально руководствовались самостийнические «историки» в своем подходе к прошлому и методике его изучения и толкования.

Для историка, как ученого, независимо от национальности, присуще убеждение, что прошлое невозможно изменить и что *точность* исторического знания – нечто самоценное и само собой разумеющееся. Украинский историк подходит к делу с прямо противоположной стороны: для него прошлое – это всего лишь вспомогательное средство для решения текущих политических задач. А для успешного их решения требуется, чтобы «украинец» вообще не знал своего исторического прошлого. Прежде всего того, что ПРЕДКИ ЕГО ЯВЛЯЛИСЬ РУССКИМИ, ибо на протяжении двух столетий знание этого сводило на нет «национальную свидомість» «украинцев», пока, наконец, они не постигли: только *полное забвение* данного прискорбного факта сделает их по-настоящему «самостийными и незалежными».

«Кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Кто управляет настоящим, тот управляет прошлым».

Этот общий для всякой исторической мистификации закон стал методологической основой самостийнической историографии задолго до того, как был сформулирован Дж. Оруэллом. Руководствуясь им украинский историк обращает прошлое в некую бесформенную массу, которую путем хитроумных манипуляций легко втиснуть в текущую «злобу дня», Вооруженный столь эффективным методом интеллектуального надувательства, вдохновляемый сознанием того, что творит это во имя вечно обиженной и обобранной «нэнки», он конструирует прошлое по своему произволению, объявляя не нравящиеся ему *факты* «выдумкой», а *собственные выдумки* – исторически достоверными «фактами». В результате этой операции прошлое, по своей природе неизменяемое, становится изменяемым, гибким, пластичным, «заказным», готовым принять любую форму, подтвердить любую историософскую концепцию, включая самую бредовую.

НЕЗНАНИЕ – СИЛА!, а поэтому прошлое следует *не изучать*, а творить, *сочинять*, так как история – всего лишь миф, выдумка, наукообразный вариант «сказки для взрослых». Ее предназначение сугубо прикладное: содействовать пробуждению украинской «свидомости» (сознательности) – и не более того. А если в своих основных фактах она (история) этой задаче противоречит, ее необходимо «исправлять» и «подчищать» на свой украинский лад. Поэтому для самостийника главное не изучение прошлого, а его переделка. Она-то и есть объект украинской историографии, все свои усилия сосредоточившей на том, чтобы доказать недоказуемое, опровергнуть очевидное, превратить миф в реальность, а реальность – в миф.

* * *

Все труды украинских историков, в том числе и наиболее «выдающихся», исследуют события давным-давно исследованные. Оригинального в них – только интерпретация, цель которой привести общеизвестные факты в соответствие с априори заданной схемой «тысячелетней истории украинского народа».

Задача, понятно, не из легких, но благодаря специфическим приемам, разработанным украинскими историками, упрощается до предела, сводясь к беззастенчивому внедрению в далекое прошлое изобретенной самостийниками терминологии: «украинцы», «москали», «украинское возрождение», «украинская держава», «украинские завоевания», - эти и ряд других обозначений *никогда не существовавших явлений* призваны создать полную иллюзию самого активного участия «Украины» и «украинцев» в истории человечества. При этом тот или иной феномен постоянно отодвигается все дальше вглубь времен, достигая, наконец, самой седой древности, где рядом с египтянином, ассирийцем, ветхозаветным евреем, эллином и римлянином как ни в чем не бывало появляется ... «украинец». Фокус внедрения прост: на карту необъятной восточноевропейской равнины накладываются *современные границы* «самостийной и сувэрэнной» и любые исторические явления, имевшие место на данной территории, автоматически обретают статус «украинских». (Конечно, самостийникам трудно игнорировать тот *общеизвестный* в истории славянских народов *факт*, что термин «Украина», как топографическое обозначение некоей целостной территории, появился лишь в Новое время, в польских источниках XVI века, а от него те же поляки лишь в XIX в. произвели еще одно условное обозначение – «украинцы». Столь позднее рождение, да еще в иностранной купели, «страны» и «народа», подаваемых украинской историографией в качестве главных столпов мировой цивилизации, изначально обрекало ее «величайшие умы» на глубокие и неутрачиваемые угрызения совести, которые приходилось глушить все более возрастающими инъекциями лжи и исторических подтасовок. Именно поэтому изложение «Истории Украины» столь часто походит на неконтролируемый наркотический бред. Базарная нахрапистость, развязный вызывающий тон ее творцов, высокомерное игнорирование мировой исторической науки призваны скрыть неискоренимое чувство страха, обусловленного перманентно существующей угрозой позорного разоблачения выдумки о «тысячелетней украинской истории», мгновенного и бесповоротного разрушения того величественного и захватывающего воображение мифа о нации – вершителе мировых судеб, которым вот уже столетие тешит и укрепляет себя «украинец». За хамовитой и навязчивой риторикой самостийников таится внутренняя неуверенность, а порой и ясное сознание того, что провозглашаемые ими «истины», при ближайшем рассмотрении оказываются чистейшей воды *блефом*. От этой неуверенности и совершенно параноидальное наклеивание ярлыка «украинский» на любой исторический факт как бы далеко во времени и пространстве не отстоял он от сегодняшних «украинцев» и их «самостийной дэржавы»). «Тьмы веков» при этом самостийнику не помеха. Любой, самый слабый сигнал из их бездонных глубин для него – верная весточка от далеких и славных *украинских предков*. Даже если это – III тысячелетие до Рождества Христова.

Именно в это время в долинах Днестра, Буга, Прута и Днепра развилась древняя земледельческая культура, получившая в исторической науке наименование «трипольской». Вопрос об этнической принадлежности *трипольцев* украинская наука решает с ходу: конечно же, они – «украинцы»! События-то имели место на *украинской территории*, следовательно, речь идет об «украинцах», *являющихся «автохтонами* на своей земле не с VI века по Рождеству Христовом, а уже с *неолита(!)*»(37). Трипольцы и заложили основы этнографической культуры «украинского народа». Доказательства? Сколько угодно!.. Трипольцы пахали на *волах*? Пахали. Расписывали их упряжь *узорами*? Расписывали. Так ведь и «украинцы» делали *тоже самое* каких-нибудь сто лет назад! «Преемственность» очевидна.

Да и могло ли быть иначе. Только представим на мгновение: «В *тех же самых* климатических и ландшафтных условиях, на берегах *тех же самых* рек и на просторах *тех же самых* плато, на богатейшем черноземе, меж золотых полей пшеницы идут по дороге *волы*. Сизый дым поднимается вверх с хат, обмазанных глиной и расписанных полосами цветных *узоров*. Как в *трипольские времена*, так и *позднее*, женщина подмазывает глиной фундамент, расписывает красками хату и печь. И при входе в дом весит изображение вечного дерева, в сегодняшней интерпретации: *цветок в вазе*»(38).

Завороженный образом древней «украинской хаты» и древних же «украинских волов» – порождением собственной буйной фантазии, - украинский историк теряет ощущение времени, Века, культуры, народы сливаются в его восторженном воображении в грандиозную картину жовто-блакитных тонов; кружится голова, эйфорический туман заволакивает умственный взор и чудится ему, что и пять тысячелетий назад в «ридный нэньке» все было таким же узнаваемым и своим, близким, *украинским*: волы, хаты, узоры, плетни, парубки, девчата, шаровары, гопак, песни по вечерам... А разыгравшаяся фантазия влечет дальше и дальше. Пророчески прозревает он толщину времен и видит «Украину» уже подлинным столпом древнейшей мировой цивилизации, «страной одновременно сельской и городской, с широкими культурными связями с Придунайской областью, Закавказьем (Анау), Средиземноморьем (домикенская культура Греции), Малоазийскими странами, Месопотамией и, возможно, даже с Египтом»(39). Пораженный этим чудным видением «украинец» впадает в настоящий транс и в неудержимом творческом экстазе начинает любовно реконструировать интуитивно постигнутое далекое прошлое своей «страны».

Непостижимым образом украинские *земледельцы* Триполья преобразуются в не менее украинских *кочевников*. До времени оставлены мотыги и расписные хаты – «украинцы» садятся на коней и разносят славу о «нэньке» во все концы древней Ойкумены. Докатилась она и до легендарного Гомера, в «Одиссее» которого встречаем «первое из известных нам упоминаний об *Украине*»(40). Правда, поэт сделал это в завуалированной форме, обозначив ее «землей киммерийцев» (сказался недостаток географических знаний), но в глазах украинского историка данная промашка древнего классика – всего только следствие тогдашнего уровня знаний о мире и поэтому вполне простительный грех.

Пришпилив к «украинской истории» еще одно тысячелетие, он искусно направляет ее дальнейшее движение в новое русло, выдвигая на историческую сцену в коллективной роли «украинцев» очередных актеров. Теперь это – скифы. Для кого-то они – пришельцы из Азии (вспомним знаменитую строку: «Да, скифы мы, да, азиаты!...»), но для украинских «вчэных» – типичное «*туземно-украинское*» явление и все, с ними связанное, несет на себе печать украинского национального гения, с присущими ему уже в то время геополитической широтой и вселенским размахом деятельности: «*Украина* в первой половине последнего тысячелетия до Р.Х. была *империей*. Она *покорила* себе просторы до Оби; она *захватила* Ниневию и держала ее в своих руках»(41).

Пространства «украинской империи» необъятны, охватывая практически всю Евразию. Куда там древним грекам или даже знаменитым своими походами римлянам. На фоне «украинского империализма» их экспедиции – детские прогулки на соседнюю улицу и обратно...

Но не только грандиозными завоеваниями отметили себя древние «украинцы». Нет, не запустели живописные украинские хаты, все так же идут среди золотых полей пшеницы украинские волю, дружно взлетают мотыги украинских пахарей, трудами которых только и держится человечество: «Древний мир в эпоху перед Рождеством Христовым кормится *украинским хлебом*». Не будь хлебных поставок с «Украины» ни одна древняя цивилизация не только не смогла бы существовать, но и вряд ли бы зародилась.

Началось Великое переселение народов. «Украина как раз оказалась в центре этого хаотического и, казалось, бесконечного передвижения огромных человеческих масс»(42). Под ударом варваров пал «Вечный Рим», подлинный владыка древнего мира. Культурный расцвет сменяется упадком, а затем и глубочайшим регрессом во всех отраслях общественной жизни, тотальной материальной разрухой, резким сокращением населения и его полным одичанием. Европа в своем развитии отброшена на несколько веков назад. Античная цивилизация, одарившая мир непревзойденными свершениями человеческого духа, канула в вечность... А что же «Украина» – столп и кормилец этой цивилизации, ведь она – в самом центре разверзшейся глобальной катастрофы?..

«Нэнька» в полном порядке! В бушующем вокруг хаосе и разрухе «Украина» – единственный цветущий оазис, население ее быстро растет, достигая по подсчетам украинских «вчэных» «нескольких миллионов». Но самое главное, она консолидируется «в *тех самых* территориальных *границах*, которые со временем станут этнографическими границами украинского народа»(43).

Вот он – обобщающий итог. Красочное и «научно» обоснованное описание нескольких *тысячелетий*(!!) «истории Украины» призвано убедить просвещенное человечество в том, что украинство ведет свое происхождение не от какого-то там русофобствующего польского пана, а от очень древних и заслуженных предков и сегодняшняя «Украина» – не химерическое искусственное образование, а некая этнографическая целостность, сложившаяся в нынешнем виде, «в *тех самых* границах» пять тысячелетий назад!..

Конечно, убедить человечество в подобном *бреде* – трудно, но с точки зрения украинских историков данное препятствие не может служить основанием для отказа «украинцев» от столь почтенного исторического возраста. Только бы сами они верили сказкам, придуманным для их неискушенного детского сознания. Остальное – несущественно. А «фактов» украинская историография сфабрикует столько – сколько надо и сказка станет былью, в очередной раз подтвердив жизненность великого руководящего принципа украинства: НЕЗНАНИЕ – СИЛА!

* * *

Но если академическая украинская наука такова (а цитированные выше Петров, Субтельный, Щербакивский – как никак «профессора!»), то что говорить о кандидатах украинских наук или просто украинских публицистах, пишущих на исторические темы, – они пускаются во все тяжкие, неся такую околесицу, что ее и упоминать-то жутковато. На этом уровне уже безраздельно господствует наиболее «гибкий» из всех приемов украинского мышления: «ПРАВДА – ЭТО ЛОЖЬ. ЛОЖЬ – ЭТО ПРАВДА!». Факты как таковые теряют всякое значение, на их место водружаются чудовищные по своей бессмысленности выдумки. Гоголевский сумасшедший чиновник Поприщин в сравнении с данной публикой имел вполне здравый рассудок, разве что немного переоценил свои возможности. Массовый, популярный вариант «истории Украины» рассчитан не просто на профана, а на субъекта, не владеющего даже азами начального образования. И если профессорско-академические интерпретации прошлого идут на уровне фантастики и розыгрыша, то историческая публицистика уже ни чем не отличается от шизофренического бреда, явно свидетельствуя о психической неполноценности ее авторов.

Тем не менее, мы вынуждены будем коснуться и этой части украинской теоретической «мысли». Тотальный бред в упаковке «научности» – дело нешуточное, особенно сегодня, когда в Малороссии он возведен в ранг *государственной идеологии*, объект воздействия которой – десятки миллионов людей. «Самостийна Украина» всемерно поощряет и, несмотря на катастрофическое состояние экономики, щедро финансирует подобного рода «научные изыскания», а подконтрольные государству средства массовой информации, прежде всего телевидение, приносят фабрикуемую ими ложь в каждый дом, каждую семью, пропитывают ею все стороны общественного бытия: политику, искусство, школу, средние и высшие учебные заведения, частные разговоры, самое мышление граждан «нэзалэжной и сувэрэной», особенно мирозерцание *молодежи*, не знающей никакой другой «истории» (и поэтому совершенно беззащитной перед ее развязным и наглым шулерством), воспринимая бредово-фантастические измышления украинской историографии как истину в последней инстанции. А до каких пределов безумия доходит она на уровне своих газетных популяризаторов мы можем судить по ниже следующим образцам.

Статья Павла Черемиса «Кто и когда основал Иерусалим?»(44). Вы уже, конечно, догадались кто: «*выходцы с Украины*». Поэтому автора до глубины души возмущают попытки евреев, отметивших в 1996 г. трехтысячелетие основания города, присвоить себе «украинскую славу». Ведь на самом деле «этот приоритет принадлежит гетидам (гиксосам), древним выходцам с территории современной Украины». Именно они в 1800 году до Р.Х. основали столицу «земли обетованной». Таким образом, «Иерусалиму не 3000 лет, как обозначено «юбилеем», а 3796 лет»!

Вот так. И не следует думать, что П. Черемису все это пригрезилось в кошмарном сне или похмельном дурмане. В его распоряжении имеется ряд «неопровержимых доказательств». Во-первых, «в старинном финикийском(?) городе Кносос найден алебастровый камень, на котором выгравировано имя короля гиксосов – «Кгиян» - *киевлянин* (чувствуете, уже запахло украинской стариной. - С.Р.) или Киевец. Это *научно* свидетельствует о том, что «*гиксосы*» *происходят с Киевицины*(!!) и что уже тогда *существовал Киев*(!!!) как

столица и символ державной структуры, то есть не менее 4000 (!) лет назад (вот она, «ридна нэнька», самостийна и нэзалэжна «структура» доисторической эпохи! – С.Р.)».

Во-вторых, «украинцы» издавна обитали в Палестине (не удивляйся, читатель, это цветочки, а гениальное открытие – впереди! – С.Р.), в те далекие времена, когда в ней «не было жидов, а жили различные арийские племена. Сильнейшими из них были самаряне (вот оно, начинается! – С.Р.), которые имели в центре Палестины свою державу – Самарию (будьте наготове, ждать совсем недолго. – С.Р.). Сами они, вероятно, вышли 4500 лет тому назад из окрестностей реки Самары – левобережного притока южного Днепра (бесподобная логика, не правда ли? Сразу видно размышляет именно «украинец»: «украинский» - «Украина» – «украинец»; «Самаряне» – «Самария» – приток Днепра. – С.Р.), то есть были близкими земляками гиксосов (а те, как мы уже выяснили, потомственные киевляне. Всего лишь пара штрихов и Палестину не отличишь от Украины! – С.Р.)»...

Дальнейшее движение черемисовской «мысли» не менее оригинально: отправившиеся в Египет киевляне-гиксосы, повстречав в Палестине «украинцев»-самарян, разумеется, не могли не отпраздновать это дело и «на какое-то время задержались» здесь. Тогда-то они и «построили в 1800 г. до Р.Х. город, который назвали «Руса-лель» – Мать руссов (не синоним ли Киева – матери городов русских? – прим. П.Черемиса). (Ай, да Павло! Ай, да ... ну, все знают чей сын! – С.Р.). Позднее жида переименовали его в Иерусалим, но это название нам ничего не говорит»... Здесь, правда, может возникнуть вопрос: откуда на месте гиксосов-«украинцев» вдруг появились «руссы» с их матерью? Ответ тут как тут: так называли их ханаане (эх жаль, нет похожей речки на Украине, какой-нибудь Ханаанки, правого притока северной Орели, а то бы сонму «украинских земляков» прибыло! Впрочем, не будем терять надежды: мало ли чем осчастливит нас П.Черемис в недалеком будущем)...

Вот такую «научно обрисованную картину» (любит «украинец» «научность», любит!) дает «современная украинская национальная историография в содружестве с новейшими результатами археологических исследований» по поводу того, «кто и когда основал Иерусалим»...

* * *

Я несколько не сомневаюсь, что прочитав подобную галиматью, читатель непроизвольно воскликнет: не может быть!.. Не может быть, чтобы в наше просвещенное время хотя бы одно издание в мире, даже самое что ни на есть бульварное, решилось обнародовать такую абракадабру, не подпав немедленно под подозрение, что вся его редакция по неизвестным причинам внезапно сошла с ума. Наверное, подумает читатель, Родин все это сам выдумал и сильно преувеличил, чтобы выставить «украинцев» всеобщим посмешищем... Вполне здравый ход мысли. Я сам рассуждал в том же направлении при знакомстве с черемисовской статьей (что это всего лишь чей-то розыгрыш). А дочитав ее до конца еще долго не мог избавиться от ощущения, что напротив фамилии автора только по редакционному недосмотру отсутствует поясняющая надпись: «временно находится на излечении в психиатрической лечебнице», так как только наличие подобной сноски могло хоть как-то примирить меня с содержанием этого опуса... Но увы! увы! увы!.. Не только надписи не было, но и никаких иных разъяснений. А когда такого рода «теории», «открытия» и «научно обрисованные картины» хлынули со страниц украинских изданий сплошным мутным потоком, я понял: никаких разъяснений и не будет, так как не только пан Черемис свободно гуляет по «тэрэнам» самостийной, но и тысячи, десятки тысяч ему подобных «теоретиков» как ни в чем не бывало массово тиражируют плоды своего сумасшествия, а иные даже получают за это государственные награды! Так что какие уж тут выдумки...

Вот, к примеру, еще один видный «мыслитель», весьма популярный в украинских кругах, - С.Плачинда, автор сенсационного «открытия» о происхождении всех языков человечества от «древнеукраинского». Так этот «светоч ума» даже книги издает (см., например, его «Словарь древнеукраинской мифологии». – Киев: 1993) и, между прочим, тоже за государственный кошт. Именно он, еще в 1990 г. весьма «научно» обрисовал почему Швеция пользуется украинским желто-голубым флагом, Оказывается, «шведы, которые жили в большой дикости, выбрали Одына (знаменитого украинского вожака, как доподлинно установил С.Плачинда, отравившегося в III в. по Р.Х. с берегов Днепра в далекую Скандинавию. – С.Р.) своим вождем, а после смерти канонизировали его в главного своего языческого бога». Это-та генетическая память и «заставляет современных шведов жить под украинским жовто-блакытным флагом»(45).

Но всех черемисов и плачинд переплюнул кандидат исторических(!) наук Александр Дубина, решивший всех сразить наповал своими действительно эпохальными «открытиями». Помимо этого его статья «Так хто ж відкрив Америку», напечатанная в журнале «Українська культура», носит во многом программный характер, публично демонстрируя символ веры украинских «вчэных», подвизающихся на ниве изучения прошлого, и заслуживает в силу этого самого пристального внимания.

Уже первые ее абзацы ясно дают понять, что речь идет действительно об экстраординарных явлениях: «В последнее время украинская историческая наука сделал гигантский шаг вперед, который имеет всемирное значение (очнись, человечество, новая эра наступила! - С.Р.). Благодаря титаническому исследовательскому труду наших ведущих ученых, настойчивому поиску патриотов-энтузиастов, на основе бесспорных фактов(!) наконец-то была частично восстановлена историческая правда, которая заключается в том, что Украина является колыбелью мировой цивилизации, а мы, украинцы, - ее творцами»(46).

Далее, кратко изложив уже знакомую нам историю про древний украинский город Иерусалим, А.Дубина привлекает в помощь себе С.Плачинду: «Намеренно запутанную влиятельными антиукраинскими силами проблему расселения народов на земном шаре в старину блистательно разрешил наш славнейший писатель Сергей Плачинда: «Еще в трипольскую эпоху (IV тысячелетие до Р.Х.) волхвы создали демографическую концепцию, которая не позволяла перенаселять надднепрянский регион, где жили многодетные племена и семьи. Вследствие этого волхвы каждые три года устраивали жеребьевку, при помощи которой формировались молодые общины переселенцев на новые земли». Так под предводительством волхвов древнеукраинские племена и общины заселяли Индию, Месопотамию, Малую Азию, Палестину, Египет, Италию, о. Крит, Западную Европу. Волхвы способствовали полной колонизации Балкан».

Отдавая должное предшественникам, А.Дубина не намерен останавливаться на достигнутом, ибо полет плачиндовской фантазии при всей ее глубине, для него – пройденный этап и он не стесняется слегка пожурить товарища по ремеслу: «все-таки даже в этой гениальной концепции ощущается некоторая ограниченность: расселение украинцев лимитируется *лишь(!) евразийским континентом* (вот это аппетит! Теперь четко осознаешь, что только отсутствие технических средств доставки не позволило «древнеукраинским племенам» параллельно освоить и околоземное космическое пространство с последовательным заселением Луны, Марса, Венеры, Юпитера и прочих небесных тел Солнечной системы. Вероятно, это придется сделать нынешним поколениям «украинцев», ведь и сегодня «надднепрянский регион» перенаселен, а свободных территорий на Земле практически не осталось. Придется штурмовать космические высоты, а на роль «вохвов» претендентов хоть отбавляй: А.Дубина, с его великим размахом мысли – первый. – С.Р.)».

Наш кандидат, впрочем, ясно осознает причины, остановившие «славнейшего писателя» на полдороге: «они заключаются прежде всего в том, что на протяжении столетий разношерстные заезжие чужаки искусственно сдерживали развитие украинской политической мысли, прививали ей провинциальность и местечковость». И вот в XX веке прорвало! Вначале украинские профессора Петров, Субтельный, Щербаковский и К°, творчески переработав богатое наследие костомаровых-грушевских, в свою очередь вскормленных таким шедевром как «История Русов», придали истории «нэньки» воистину глобальный размах, включив в нее всю древнюю Ойкумену, а затем уже их смелые выученики: черемисы, гнаткевичи, плачинды, чепурко, кордубы и несть им числа, окончательно преодолели «местечковый провинциализм» и дошли, как говорится, «до ручки», т.е. принялись осваивать те континенты и территории, которые предшественники не удосужились объявить «украинскими». В числе этих новаторов А.Дубине, безусловно, принадлежит заслуженное первенство: «открытия» сыпятся из него, словно золотые моменты из утробы сказочного осла, неостановимым потоком:

«Сегодня уже хорошо известно об украинском присутствии в *Африке(!)*. В частности *доказано* украинское происхождение мамлюков, которые правили в Египте с 1250 по 1517 год».

Ну, это так, походя... Ведь Африка – лишь первоначальный пункт на пути к вожделенной, богатой *Америке*, так же таящей неисчислимы следы «украинского присутствия». В Чили, например, живет индейское племя *арауканов*, танцующих по праздникам с томагавками в руках. Минутного размышления хватает А. Дубине, чтобы сообразить: «арауканы» – всего лишь искажение слова «*аркан*», а ведь именно так называется старинный украинский танец, исполняемый мужчинами с топориками! Вот вам и объяснение повального увлечения индейцев томагавками – они просто подражали «украинцам», которые издавна среди них жили. А сине-желтый флаг Барбадоса? Да еще и с «тризубцем» на нем? – неужели после столь очевидных свидетельств кто-то может сомневаться в том, что именно *Украина* явилась пионером в освоении Американского континента!

Поэтому нашему кандидату украинских наук до слез обидно, что в 1992 году, празднуя 500-летний юбилей открытия Америки, мир ни единым словом не обмолвился о решающем вкладе в это дело «украинцев». (Попутно замечу, что «украинец» очень ревниво относится к чужим юбилеям и всегда раздражается по их поводу. То ли оттого, что в его серой, прозаической жизни катастрофически недостает «праздника», то ли потому, что у «самостийной нэньки», как водится, хронически «нэма коштив» для пышного и красочного празднования своих собственных «юбилеев», пусть даже сугубо местечковых, вроде явления на свет первого «украинского гвоздя» или любого подобного ему предмета с чисто украинской спецификой и колоритом, - одним словом, этот неутоленный голод на подлинно украинские «праздники» вызвал к жизни весьма интересное явление: где бы и кем не отмечался очередной юбилей, «украинец» поневоле раздражается и успокаивается лишь после того, как сумеет убедить себя: отмечаемое в Америке, России, Германии, Израиле торжество, на самом деле должно праздноваться на Украине, так как именно «украинцы» совершили то, что затем бесстыдно объявили «своим» янки, москали, немцы, жида.

Юбилей Иерусалима породил гениальное «открытие» Павла Черемиса. 500-летие открытия Америки – еще более гениальное «достижение» А. Дубины.). Ведь украинский кандидат абсолютно точно установил этническую принадлежность Христофора Колумба: *он – «украинец»!* Удивительно, как остальное человечество не додумалось до столь очевидной истины. Это же элементарно! «Колумб» – «Коломбо» - «Колом», а Колом – значит, родом из *Коломыи(!)*, *украинского* городка в Прикарпатье (ныне Ивано-Франковская область).

Раскрытая тайна имени первооткрывателя нового континента позволяет взглянуть на события полутысячелетней давности совершенно по-новому и восстановить их правдивую картину («научно обрисованную», как любят выражаться «украинцы»). В частности, абсолютно точно установить откуда в эскадре Христофора из Коломыи появился флагманский корабль «Санта-Мария», ведь до сих пор в стане исследователей ведутся споры на эту тему. Единственный человек, на земном шаре, раскрывший эту многовековую загадку, наш пан Дубина. Ему и слово:

«Шкипером на «Санта-Марии» ... был Хуан де ла Коса. Но ведь *все мы* (демократ наш Дубина, демократ. – С.Р.) хорошо знаем, что слово «*козак*» происходит от слова «*коса*»! А что касается имени «Хуан» – то оно не что иное, как испанская модификация нашего украинского «Ивана». Итак, имеем: ближайшим соратником *Коломыйца* (нет, как изящно и тонко мыслит «украинец»: «Колом» – «Коломыя» – «Коломыец» – «ридна нэнька»; «*коса*» – «Козак» – «Слава Украине!» – С.Р.) был *Иван Козак*». Теперь только дурак не сообразит, откуда в эскадре Христофора Колумба ...тьфу ты, Коломыйца, – «Санта-Мария»: ее снарядили и прислали в помощь украинскому земляку *запорожские козаки!* («Героям слава!»)...

Но фейерверк сногшибательных «открытий» украинского кандидата Дубины далеко не исчерпан: «Почему молодой украинец оказался в далекой западноевропейской стране и что он там делал?» – спрашивает он сам себя и тут же сам себе отвечает: «Христофор из Коломыи делал вот что: сознательно или бессознательно выполнял завет вохвов – искал возможности для переселения украинцев на новые земли». (Переключка с гениальной концепцией «славнейшего писателя» Плачинды). Испанцев же *Коломыец* водил за нос, рассказывал байки про Индию, «чтобы совершить в будущем переселение украинцев на открытые им земли. Но реализовать эти гениальные планы не удалось. В то время Украина была истощена борьбой за свое существование» и «в дальнейшем инициативу освоения новых земель перехватили более стабильные Испания и Португалия».

Но и в них «украинское присутствие» постоянно ощущалось:

«В частности, до сих пор непонятной и неисследованной является фигура конквистадора Франсиско Писарро. Советская историография делала из него неграмотного головореза. А между прочим, испанское слово «Pizarro», которое лежит в основе «Pizarro», означает не что иное, как «школьную доску» и подозрительно напоминает «писаря» украинского казачьего войска. Однако *украинское происхождение* Писарро требует *более убедительных доказательств* (вообще-то довольно странная для «украинца» щепетильность. – С.Р.), а пока что заметим, что своего рода гимном покоренной им Перу является песня «Летит кондор», тематика которой перекликается с шедеврами украинского народного творчества, например – песней «Лэтыть галка чэрэз балку» (не удержался все-таки А. Дубина! ну, скажите на милость, как после столь *беспорного доказательства* можно еще сомневаться в том, что Писарро – стопроцентный «украинец»? на такое дремучее невежество способны лишь «разношерстные заезжие чужаки». – С.Р.)»...

Если читатель думает, что все свои «открытия» наш украинский кандидат совершил ради «чистой науки», он глубоко заблуждается. Конечно, каждый «украинец» – восторженный идеалист и не прочь воспарить над бранным бытием, но не до такой степени, чтобы уподобиться пресловутому «журавлю в небе». Его менталитету гораздо ближе «синица в руке» и А. Дубина это убедительно подтверждает. Все свои сенсационные открытия он обнаружил не ради них самих, а в целях обоснования вполне конкретных *материальных претензий* к конкретным же странам. Скрупулезно подсчитав, сколько золота и серебра вывезла Испания из американских колоний, пан Дубина торжественно объявляет: «Часть этого богатства по праву *принадлежит* Украине, представители которой открыли Новый свет».

Требует он восстановления и географической справедливости, а именно: переименование Колумбии в «Коломыю», а одноименного округа Вашингтона – в «Коломыевский район». Имеется и соответствующее обращение к украинскому правительству:

«Может быть, следует руководителям нашего государства, исходя из беспорных фактов, намекнуть соответствующим зарубежным инстанциям о необходимости восстановления исторически обусловленных географических названий?», добившись тем самым «*торжества разума(?!)* и справедливости»... (Н-да, если подобная писанина – «торжество разума», то что же тогда считается на Украине *безумием*? Или господство принципа «ПРАВДА – ЭТО ЛОЖЬ. ЛОЖЬ – ЭТО ПРАВДА!» отменяет для самостийников сумасшествие как таковое, лишь бы оно было «широукраинским»?).

* * *

Я, конечно, понимаю, что мы живем в эпоху воинствующего невежества, когда история, по определению Йохана Хейзинга, стала «*орудием лжи на уровне государственной политики*». Отдаю себе отчет и в том, что для украинской власти политика *искусственной шизофренизации сознания* подвластного ей населения, по сути, единственное средство удержать свое господство над ним. Ведь созданная «украинцами» «держжава» – это даже не колосс на глиняных ногах, а хрупкий картонный домик, рожденный сиюминутным капризом истории. Малейший толчок – и это мертворожденное образование рухнет, ибо нет в его распоряжении ни национальной идеи, ни традиции исторической преемственности, даже этноса, заинтересованного в его существовании, нет; а пустопорожняя болтовня об «общечеловеческих ценностях» и «вхождении в Европу», щедро сдабриваемая неисполнимыми посулами «светлого будущего», не могут уже никого обмануть и скрыть зияющий под ним пустоты.

Время смут и химер неизбежно минует. Это сознают все, в том числе и те, кто изначально двигал самостийный проект, заранее предвидя его крах. Вот и приходится уповать на тотальную шизоидацию своих «нззалэжных» сограждан, чтобы максимально продлить агонию этого весьма прибыльного для известных кругов предприятия под названием «сувэрэнна Украина». Вот почему требуется, чтобы никто ничего не мог *понять*. Прежде всего понять, что происходит. Или точнее: почему вокруг как-будто ничего особенного не происходит, а жизнь становится все омерзительней и невыносимей. Лишенный понимания сути происходящего человек теряет способность к сопротивлению, превращаясь в пассивный объект манипуляций власть предержащих. На удержание его в этом состоянии и направлены все их усилия, в том числе путем искусственной шизофренизации его сознания.

Известно, что одним из характерных признаков шизофрении является утрата способности устанавливать связь между отдельными словами и понятиями. Ясно, что если удастся искусственно «шизофренизовать» сознание, люди оказываются неспособными увязать в логическую систему получаемую извне информацию, а тем более критически ее осмысливать. Им не остается ничего иного как *просто верить* тому, что навязывается через подконтрольные государству СМИ и официальную науку, в которой звездами первой величины становятся уже не только субтельные-петровы, но и совсем уж дебилообразные черемисы, дубины и плачинды.

В общем-то я все так себе и представлял, берясь за историческое расследование «украинского вопроса». Хотя, честно признаюсь, в глубине души все-таки полагал, что даже подобный процесс грубого оболванивания масс должен же иметь хоть какие-то естественные пределы – просто для того, чтобы быть *успешным*. Иначе затея теряет всякий смысл, превращаясь в кошунственную пародию на самое себя. Не до такой же степени *они* безумны? – думал я. Действительность опровергла эти иллюзии. Оказалось, что именно *до такой степени*... Оказалось, что для самостийников патологическая ложь столь естественна и привычна, что они просто не считают нужным придавать ей хотя бы видимость правдоподобия. И, действительно: зачем?

Труднее всего пытаться оспорить бред, особенно в том случае, когда он уже стал достоянием миллионов. Ну, в самом деле, можно ли вообразить себе дискуссию с «оппонентами» такого рода, как выше поименованные «историки»? с детальным разбором их «доводов», «точек зрения», допущенных ошибок или передергивания ими фактов? Да через пять минут вы сами начнете ощущать себя круглым идиотом и будете клянуть судьбу, что позволили втянуть себя в это бессмысленное препирательство. Спорить-то не о чем! *Невозможно рациональным способом опровергнуть бред*. Вяizzlyваться в дискуссию с его посетителем противно и мерзко, даже унижительно для культурного образованного человека. Чувство собственного достоинства чаще всего подталкивает к простому *игнорированию* такого рода субъектов и плодов их «мыслительной» деятельности. И – удивительно! В силу этой вполне понятной брезгливости они сразу получают огромное преимущество, ведь с ними никто не хочет связываться! Не эта ли ложно понята «чистоплотность» совершенно парализовала Русскую историческую науку в XIX в., когда украинская идеология делала первые робкие шаги и в этот начальный момент развития ее еще можно было *уничтожить* совершенно безболезненно. Но нет: *никто не захотел связываться*. Солидные академические мужи решили не опускаться до уровня опровержения бредовых «концепций» Грушевского и компании, дав им возможность совершенно беспрепятственно и массово тиражировать свои фантастические «истории Украины». (Результат известен: в 1917 году мы получили первое издание «самостийной и нззалэжной» Украины, а пять лет спустя в довесок к ней и «украинскую нацию» в составе «братских народов СССР» со всеми формальными атрибутами государственности. Десятки миллионов Русских людей одним росчерком пера были превращены в нерусских, *инородцев* со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями не только для них, но и всего Русского Народа). Трудно поверить, что тогда, в XIX в., Русская власть, Русская наука, мыслящие люди России оказались столь близоруки, чтобы не предвидеть заранее тех гибельных, воистину фатальных для существования Русского государства и Русской Нации следствий, которые со всей неизбежностью вытекали из украинской доктрины. Ведь уже и в тот начальный момент было совершенно очевидно, что «перед всеми заговорщиками украинской интриги стояла изуверская задача – *сделать русских нерусскими*, а «украинцами»... В этом были заинтересованы все враги русского народа и России в Вене, в Риме и в Берлине, и даже некоторые международные политические партии и организации, каждый из них по-своему, но все одинаково злостно. Украинский сепаратизм казался верным оружием, более сильным, чем военные механизмы и армии, и, чтобы придать его действию наибольшую разрушительную силу, не стеснялись никакими средствами»(47). И все это при полном попустительстве Русской исторической науки, веское слово которой сразу бы могло положить конец любым спекуляциям вокруг фантома «самостийной Украины». А вооруженный соответствующими научными выводами карательный аппарат Российского государства повел бы беспощадную борьбу с деятелями так называемого украинского движения... Но не было ни слов, ни

дел. Иллюзорная надежда, что народ сам как-нибудь разберется, породила преступное безучастие к судьбе миллионов своих единоплеменников, огульно зачисленных подрывной пропагандой самостийничества в «украинцы». (Прозрели только за границей, уже будучи в эмиграции. Стали, наконец, издавать работы, разоблачающие подлую роль самостийников в уничтожении исторической России. Да только поздно хватились. Отечественный читатель был лишен возможности ознакомиться с ними, а Запад их откровенно игнорировал.

Впрочем, и прозрение это было половинчатым. Прекрасной иллюстрацией его непоследовательности может служить двухтомник Андрея Дикого «Неизвращенная история Украины-Руси», изд-во «Правда о России», Нью-Йорк, 1961 г.(48).

Эта «неизвращенная» извращенная история Малороссии во многих отношениях поучительна и характерна, демонстрируя просто-таки хрестоматийный набор передергивания исторических фактов и терминологических ошибок, а кроме того вопиющего несоответствия благих намерений автора с их конкретным воплощением. И в силу этой своей типичности заслуживает особого внимания.

Свою задачу А.Дикий формулирует предельно ясно: «Цель «Неизвращенной истории Украины-Руси» ... дать правдивую историю Руси-Украины и тем опровергнуть все извращения этой истории, которыми изобилует украинская сепаратистическая историография». Обосновывается и актуальность данной задачи, ведь «вся пропаганда расчленения России имеет своим фундаментом извращенную историю Руси-Украины»(49). Что безусловно верно. Как верно и то, что «общероссийская эмиграция, несмотря на наличие в ее рядах крупных культурных сил и ряда квалификационных историков, за 40 лет, кроме нескольких тощих брошюр и статей в периодической печати, не сделала ничего для опровержения этой сепаратистической агитки, облеченной в псевдонаучную форму. В результате многочисленная общероссийская эмиграция в подавляющем большинстве пребывает в блаженном неведении о содержании, силе и значении украинской сепаратистической пропаганды, считая ее «вздором». А она, конечно, хоть и вздор, но распространяемая в огромном количестве книг, брошюр и периодических изданий оказывает свое деморализующее действие на Русскую эмиграцию, а кроме того дает Западу оправдание и повод для вмешательства во внутренние дела России и открытого провозглашения планов ее последующего расчленения»(50).

Все это опять же очень верно и правильно, но когда А.Дикий берется за конкретное воплощение поставленной перед собой задачи, сразу становится очевидным полное несоответствие авторского замысла с его практическим исполнением.

Чтобы легче и вернее разоблачить «сепаратистические извращения» А.Дикий в качестве визави выбирает М.Грушевского, как наиболее непререкаемого авторитета самостийников в области истории. Но дискуссию со своим скандально известным оппонентом ведет столь своеобразную, что очень скоро обнаруживается: концептуальных различий между «извращенной» и «неизвращенной историей Украины-Руси» практически нет. В своем изложении малороссийской истории А.Дикий берет на вооружение все «достижения» как раз той самой украинской историографии, которая ее умышленно извратила и которую он как-будто берется развенчать. Уже сама подмена исторически обоснованного названия «Малороссия», «Малая Россия» искусственным словосочетанием «Украина-Русь», внедренным в историческую науку именно М.Грушевским, о многом говорит. Как и обозначение украинских самостийников неудобоваримым термином «шовинисты-сепаратисты», где в одно целое слиты два совершенно разных понятия, («шовинизм» как течение национализма, проповедующее расовое (национальное) превосходство над другими народами, мы традиционно связываем с *нацией*, а сепаратизм – с *территорией*, желающей обособиться от единокровного национального ядра). В полном же соответствии с самостийнической традицией название «Россия» А.Дикий подменяет «Москвой» (такой, например, перл: «Украина-Русь добровольно воссоединилась с Москвой» – к *городу* что ли присоединилась?!).

Но наиболее очевидно эта идеологическая зависимость от украинского сепаратизма, разоблачением которого автор как-будто занят, проявляется в его манипулировании терминами «украинцы», «украинский народ». В Киевской Руси у него все – Русские, в Руси Литовской – все еще Русские, но уже с добавлением в скобках «украинцы» («русские (украинцы)», «русский (украинский)» и т.д.), а начиная с Люблинской унии (1569) только «украинцы» и «украинский народ». *А куда же так загадочно исчезли Русские?* Данными об их массовом выселении из Речи Посполитой история не располагает. Куда же они тогда пропали? А.Дикий хранит молчание по этому поводу, наверное, все-таки понимая интуитивно, что объяснить данное «исчезновение» более-менее правдоподобно невозможно, и тем самым признает всю *искусственность* собственной «концепции».

И в самом деле: вступив на скользкую дорогу переименований, требуется объяснить на *основании каких исторических данных* совершается подобная подмена одного народа другим (или смена имени одного и того же народа). Такое объяснение тем более необходимо, что А.Дикий не может отрицать того общеизвестного исторического факта, что малорусское население «*само себя называло русскими*». И он данный факт не отрицает. Например, ведя речь о церковной унии, силой навязываемой православному населению Малороссии, он пишет: «Католичество ... своими мероприятиями привело к полному отчуждению и враждебности между поляками-католиками и православным населением Украины-Руси, которое *само себя называло тогда «русскими»*»(51)!

И снова возникает простой вопрос: если Русские XVI – XVII вв. сами себя называли «русскими» (а как они еще должны были себя именовать?!), то зачем вслед за украинскими «шовинистами-сепаратистами» обзывать их «украинцами»?.. И край свой эти Русские называли «Малой Россией», «Малороссией», а отнюдь не «украиной», термином обозначавшим самые различные территории, расположенные как у польских, так и у Русских рубежей. (Странно все-таки: неужели А.Дикий не знал о существовании работ кн. Волконского и А.В.Стороженко, изданных за сорок лет до выхода из печати его двухтомника. А ведь именно в них детально, с опорой на исторические факты, разъясняется смысл и время возникновения терминов «Украина», «украинцы», а также искусственность их приложения к территории, населенной Русским Народом. И если уж прибегать к использованию сепаратистской терминологии, то надо же это как-то – не говоря обосновать, но хотя бы *объяснить!*..). Дойдя в своем изложении до 1654 года (Переяславской Рады), А.Дикий, словно спохватившись, решает, наконец, ликвидировать возникший пробел, для начала раскритиковав Русских историков XIX века, «видящих в воссоединенном населении части одного и того же народа и не углубляющихся в языковые, бытовые и культурные особенности воссоединенного населения Украины-Руси». А между тем они, по мнению А.Дикого, настолько значительны, что «с полным основанием можно утверждать о создании к этому времени из населения Руси-Украины *своей народности*. «Украинской» ли, как говорят сепаратисты, или «малороссийской», как говорилось в Императорской России – это значения не имеет. Существенно то, что это была отличная от *великороссов* культурно-бытовая группа, хотя и тесно связанная с великороссами «единокровностью» и единством православной веры»(52).

Вообще-то для историка существенным должно быть как раз то, что при определении своей *этнической принадлежности* («народности») это население не называло себя ни «украинцами», ни «малороссами», а только - Русскими (что А.Дикий и не отрицает). Точно также как и население остальной России. Названия «великороссы» и «малороссы» обозначали не этническую принадлежность, а *территориальную* различия частей Русского Народа, на несколько веков разделенного государственными границами, и имели смысл, пока это разделение существовало, а после воссоединения в едином государстве решающее значение имела именно «единокровность», а не особенности «культурно-бытовых групп», которые легко обнаружить в любой нации. В данном случае А.Дикий, вслед за критикуемыми им «шовинистами-сепаратистами», совершает обычную *подмену* понятий. В первой части нашего расследования мы подробно рассмотрели причины, вынуждающие самостийников к такого рода подлогу: без привлечения «великороссов» невозможно было объяснить переименование части Русского Народа в «украинцев». А.Дикий следует тем же путем. Но так как задача у него прямо противоположная – не расчленение России, а сохранение ее единства, он раз за разом попадает впросак со своими вымышленными «украинцами».

Такой, например, пассаж: «Население Украины умело гармонично сочетать любовь к родному краю и языку с пониманием общности и единства Украины-Руси и Великороссии. Подобно тому, как *баварцы* есть патриоты и баварские и общегерманские»(53).

Ну, это просто несерьезно: ведь баварцы – не «народность», по национальности они - немцы. Точно также как саксонцы, пруссаки, вюртембергцы и пр. И никому из них не приходило в голову делить свою нацию на «две немецкие народности», три или больше на том основании, что еще в XIX веке Германия представляла из себя конгломерат вполне независимых государств, а «языковые, бытовые и культурные» различия между их населением были таковы, что оно зачастую даже не понимало друг друга. Но до нескольких «немецких народностей» могли додуматься разве что местечковые «шовинисты-сепаратисты», а вот у немецкого народа хватило здравого смысла не принимать всерьез подобный «вздор». Впрочем, как и у народа Русского, в среде которого на эту достаточно примитивную наживку украинских сепаратистов во множестве попадались лишь представители «интеллигенции», озападной и космополитичной. А.Дикий из их числа и, отставая концепцию «двух русских народностей», загоняет себя в тупик неразрешимых противоречий. Это особенно наглядно проявляется при изложении им истории Галиции.

Согласно авторской концепции в ней, как и в остальной Малороссии, начиная с XVI в., живут сплошные «украинцы». В течение 600 лет (с XIV в.) оторванная от России, вначале как провинция Польши, затем Австрии, и с 1918 по 1939 – снова Польши, Галиция ни в коей мере не могла быть подвергнута «русификации» или каким-либо иным Русским влияниям. Тем не менее, автор «Неизвращенной истории...»

почему-то постоянно путается в определении этнического характера галичан, определяя его странными терминами. Например, при изложении истории края под властью Австрии (1772-1920), он пишет, что большинство населения его составляли «*русские-украинцы*» (две народности в одной?!), а меньшинство – поляки. После революции 1848 г. Австрия в противовес последним «начала поддерживать «рутенгов», как официально называлось *русское* население, что привело ... к возникновению украинской (тогда ее называли «*русской*») национально-культурной деятельности». «В Перемышле было открыто специальное учебное заведение для подготовки учителей и священников из местного, как тогда называли, русского населения». «Был дан ряд правительственных стипендий русским (тогда население Галиции называлось *руским*) галичанам для получения образования»; «забитое и бесправное раньше русско-униатское духовенство начинает играть известную роль в религиозно-национальной жизни своего народа». Во Львове «была открыта семинария «Русская коллегия» («Коллегиум рутенум»)(54). (Назойливым повторением фразы «как тогда называли» А.Дикий как-будто хочет подвести читателя к осознанию того, что десятки миллионов Русских, веками именуя себя «рускими», допускали вопиющую ошибку, ибо не должны были так себя называть. Как же им следовало именоваться? Это в XX в. абсолютно точно выяснил автор «Неизвращенной истории...»: зваться они должны были ... «украинцами»!! Вот почему к названию «русские» он в скобках непременно прибавляет более правильное: «украинцы».

Здесь, впрочем, возникает новая трудность: сам А.Дикий признает, что «об «украинцах» тогда *не знали*: «слов «украина» и «украинец» тогда еще *не было*»; «об «украинстве» тогда только начинали говорить и в политический обиход это слово тогда еще не вошло... Так же в отчетах Галицкого сейма и Венского парламента группа депутатов-галичан всегда называемая «рускими» или «русинами», но никогда «украинцами» ... «Украинство» же в современном смысле этого слова появляется в политической жизни Галиции только в конце 19-го века, точнее к концу 80-х годов»...(55).

Спрашивается: как же могли Русские использовать для себя новое (и более правильное с точки зрения А.Дикого) название «украинцы», если оно появилось только в «конце 19-го века»? Воистину «умный» автор «Неизвращенной истории...» ставит перед сотнями поколений наших «глупых» предков неразрешимую задачу!).

А может быть, под термином «русские» галичане понимали нечто такое, что совсем не связано ни с Русским Народом, ни с Россией? Да нет, А.Дикий отвергает подобное предположение: «В 1865 году ведущая газета Галичины «Слово» ... открыто выступила с формулировкой культурно-политических настроений Галицкой Руси. Она доказывала, что галицкие «русинь» и великороссы – один народ, а язык «русинов» – незначительное отклонение от русского языка и отличается от него только выговором; *от Карпат и до Камчатки существует только один русский народ*; а в создании литературного «русинского» языка нет никакой надобности, ибо уже существует только один русский народ и готовый русский литературный язык...

Все это настолько неоспоримые факты, что не только их отрицать, но и ставить под сомнение не решается даже позднейшая «украинская» сепаратистическая историография»(56).

Итак, даже самостийники не могут отрицать того, что в Галиции, признанном центре украинства, вплоть до конца XIX в. жили Русские, а об «Украине» и «украинцах» в ней ничего не знали. Как не знали о них и в остальной Малороссии. И это, действительно, неоспоримый факт. Почему же в полном противоречии с ним автор «Неизвращенной истории...» делает следующий вывод: «В подкрепление же своего утверждения о праве считать себя преемниками государственности Киевской Руси украинские сепаратисты приводят тот факт, что колыбель Киевской Руси – Приднепровье населено украинцами. *Факт, несомненно, неоспоримый»(57).* Как же так: два взаимоисключающих факта – и оба *верны*? В этой алогичности четко проявляется творческая установка А.Дикого: держаться пресловутой «золотой середины» или иначе: «и нашим, и вашим». Поддержим и «шовинистов-сепаратистов», и сторонников единства Русской Нации, а читатель пусть сам решает: кто прав и на чьей стороне истина. Такой вот «объективизм».

Запутавшись в «русских-украинцах», «русском (украинском)», А.Дикий совершенно неспособен дать верную оценку даже тем событиям, современником и непосредственным очевидцем которых он являлся. Например, подводя итоги революции и гражданской войны в России (а он в это время находился в Киеве), замечает: «сепаратисты под словом «украинец» понимают только своих политических единомышленников; всех же остальных уроженцев Украины, даже чистых украинцев по происхождению, которые стоят на позициях единства России и общерусской культуры, они презрительно называют «малороссами» и «несознательными».

Революция и гражданская война показали, что среди населения Украины эти «малороссы» и «несознательные» составляют подавляющее большинство»(58).

В данном случае сепаратисты абсолютно правы, ведь «украинец» – понятие *политическое*, а не этническое, потому и объединение происходит не по принципу *крови*, а в силу единства *убеждений*, базирующихся на патологической *ненависти* к России и Русским. А кто не имеет таковой, тот, конечно же, не «украинец», хоть бы он и жил в Малороссии со времен первых Рюриков. Он «малоросс» и «нэзвидомый». А.Дикий не понимает этой глубинной связи русофобии с украинством потому, что убежден в существовании отдельной «украинской народности» и, полагает, что наряду с «шовинистами-сепаратистами» имеются еще и некие «чистые украинцы», выступающие «за единство России».

Подобная слепота автора «Неизвращенной истории...» вообще-то удивляет, ведь он сам, излагая историю Галиции, очень скрупулезно воспроизводит фактический процесс появления «украинцев» на Русской земле, где «до конца XIX в.» даже слова такого не знали. Вот 25 ноября 1890 года в Галицком сейме представитель «Русского клуба» (объединившего 16 депутатов-«русинов») Юлиан Романчук вместе с другим депутатом А.Вахняниным (оба, кстати, учителя «русской» гимназии, т.е. *государственные* служащие Австро-Венгерской Империи) выступили с заявлением, что население Галицкой Руси не имеет ничего общего ни с Россией, ни с Русским Народом и свято хранит верность австрийским Габсбургам и католической церкви. Только с этого момента предатели и отщепенцы начинают усиленно пропагандировать свое самоназвание – «украинцы» и в 1895 г. при новых выборах в сейм место «русских» депутатов занимают уже «украинские». Власть усиленно поддерживает вновь возникшую политическую *партию*: «украинцы» получают места в местной администрации, лучшие приходы, их издания, библиотеки, клубы, учебные заведения, кооперативы щедро финансируются из государственного бюджета. Не за красивые глаза, конечно. Иудам приходится в поте лица отрабатывать свои 30 сребренников. Украинский депутат Барвинский точно формулирует задание: «каждый украинец должен быть добровольным жандармом и следить и доносить на москвофилов», т.е. тех Русских, кто отказывается признать себя «украинцем».

Доносами дело не ограничивается. Русские подвергаются политическим преследованиям и экономическому давлению. Предоставление кооперативных ссуд нищим, малоземельным Русским крестьянам обуславливается их согласием признать себя «украинцами». Многие, находясь в безвыходном положении, соглашались. Над несогласными устраивают расправы и показательные суды с обвинением в «антигосударственной деятельности».

Особое внимание молодежи. Открываются школы, семинарии, несколько кафедр при Львовском университете. Доступ к среднему и высшему образованию и занятию соответствующих должностей исключительно для «украинцев». Русских выталкивают на социальное дно. Это действует. Во многих семьях у Русских родителей неожиданно появляются дети-«украинцы». Разделением охвачены целые села, часто оно сопровождается кровавыми эксцессами. А с началом Мировой войны (август 1914) на Русских обрушивается беспощадный террор, их убивают прямо на улицах, множество гибнет в концлагерях. Инициаторы и активные участники этого беспрецедентного зверства – «украинцы». А.Дикий откровенно рассказывает и об этом. (Правда, название «украинцы» закавычивает, по-видимому, для того, чтобы читатель отличал этих плохих и подлых «украинцев» от столь любимой им «украинской народности»)(59).

Итак, автор «Неизвращенной истории...» без всяких прикрас описывает процесс *мутагенеза* «украинцев» в Галиции в период с 1890 г. (когда о них еще ничего не слыхали) до 1917 г., когда они уже оформились в достаточно многочисленное сообщество, успевшее запятнать себя множеством кровавых и жестоких преступлений против Русских людей, нередко своих односельчан, соседей и даже родственников. Показывает и методы, посредством которых вращивалась эта псевдоэтническая популяция: подкуп, предоставление «теплых местечек», возможность получить образование или финансовую поддержку, а если это не срабатывало: моральный и физический террор, - именно при помощи подобных средств польские и австрийские власти рекрутировали представителей новой «народности» в Галиции.

Как видим, процесс носил ускоренный характер (всего-то 25 лет!) и свелся к *искусственному отбору* особой с точно заданным перечнем *отрицательных качеств*, то есть, по сути, из человеческого отребья, что и предопределило противоестественность поведения, морали и мировоззренческих установок этого вновь сформированного человеческого типа. Выработка его (искусственная мутация)

осуществлялась самыми разнообразными способами, и «кнутом», и «пряником», но сводились к одной цели: *выбить из Русских память об их Русскости, заставить их забыть, что они – Русские.*

Приводимые автором факты однозначно свидетельствуют: речь идет не о рождении новой «народности» (этногенезе), а *мутационном* процессе (мутагенезе), т.е. искусственном создании австрийским (затем польским, коммунистическим) оккупационным режимом этнической химеры с целью использования ее в своих целях, прежде всего для подавления национально-освободительной борьбы Русского Народа. И официальное признание «украинцев» особой «народностью» (а не политической антирусской партией) – свидетельство успешной реализации этого подлого и коварного плана.

Впрочем, несмотря на беспрецедентный террор и запугивание итоги этого чудовищного эксперимента были далеко не столь успешными, как хотелось бы его организаторам. А.Дикий приводит результаты переписи 1936 г., проведенной поляками в Галичине: «русскими» назвали себя 1млн.196тыс.885чел., «украинцами» – 1млн.675тыс.870чел. При этом подчеркивает, что «в условиях польской «демократии» требовалось не мало гражданского мужества назвать себя «русским»(60)...

Итак, «украинцы» уже в большинстве, тем не менее Русских – чуть меньше половины и только после окончательного присоединения Галиции к СССР они внезапно... *исчезают*. А.Дикий никакого внимания на этот удивительный факт не обращает и даже не задается само собой напрашивающимся вопросом: *куда же к 1946 г. так загадочно исчезли Русские, если еще полвека назад они составляли основное население края?* Этот ясный и очевидный вопрос автору «Неизвращенной истории...» не приходит в голову только потому, что он находится в плену ложной концепции существования отдельной «украинской народности» и в силу этого не в состоянии правильно интерпретировать даже те исторические факты, которые сам же в таком обилии приводит. Признав главный постулат самостийничества, он безуспешно пытается опровергнуть те выводы, которые со всей неизбежностью из него вытекают, и мужественно опаривает М.Грушевского в *мелочах*, солидаризуясь с ним в *главном*.

Весьма примечательны в этом плане его размышления об «украинизации» 20-х годов. Приводя многочисленные факты языкового террора в Малороссии, подчеркивая «насильственно-революционный» характер внедрения «мовы» и ясно выраженное нежелание населения расставаться со своим Русским языком и культурой, он тем не менее не отвергает «украинизацию» по существу, а лишь осуждает «неправильные» методы ее проведения. Возмущается, например, тем, что «из учреждений немилосердно изгонялись старые служащие за недостаточное знание украинского языка, даже украинцы по рождению и происхождению, свободно владеющие разговорным украинским языком»(61). Факт, конечно, возмутительный, но автору «Неизвращенной истории...» почему-то опять не приходит в голову простой и очевидный вопрос: *есть ли еще в мире народ, кроме «украинского», который приходилось бы принуждать к овладению родным языком и общению на нем при помощи насилия?* Подчеркну еще раз: беспрецедентного *насилия*, длящегося уже более столетия... Увы, А.Дикий подобным вопросом не задается, демонстрируя полное непонимание сути «украинизации» как процесса *денационализации* малорусского населения, превращения его в не-русских. Из этого же непонимания вытекает переименование им Русского языка в «великорусский литературный язык», обнаружение в Малороссии «великорусского национального меньшинства» (наряду с евреями, греками, немцами и пр.) и еще длинный ряд несуразностей, которыми пестрит «Неизвращенная история Украины-Руси»...

В послесловии ко второму тому А.Дикий поделился с читателями информацией о тех трудностях, которые пришлось ему преодолеть, чтобы опубликовать свой труд: «Ни материальной, ни моральной помощи я не имел. Ни от разных эмигрантских лидеров-меценатов, ни от многочисленных учреждений свободного мира, изучающих «русский вопрос» и располагающих для этого огромными средствами. Только небольшая группа людей (объединенных в «Блок Националов – Народов России»), понимающих необходимость исторической правдой бороться с сепаратистической ложью, помогла собрать часть средств, нужных для издания, устроивших для этой цели несколько балов, доход с которых поступил на издание книги. Остальное (большую часть) пришлось почерпнуть из моих личных сбережений – результатов моего восьмилетнего физического труда в США».

Приходится только сожалеть, что самоотверженные личные усилия автора так и не увенчались достойным творческим результатом: «сепаратистическая ложь» не только не разоблачена, но, по сути, получила дополнительное подтверждение и любой самостийник в доказательство верности основных постулатов украинства может смело сослаться на «Неизвращенную историю Украины-Руси»: в ней их «истинность» не подвергается сомнению. Она лишь явила очередное доказательство того прискорбного факта, что в целом Русская эмиграция так и не смогла преодолеть в своей среде «украинский синдром»). А на родине между тем украинская химера еще более упрочила свое положение. Той же коварной методой изуверского уродования самосознания миллионов Русских людей, которых в течение 70 лет советский режим насилем и ложью стремился сделать нерусскими, а «украинцами». Как видим: не без успеха. Сегодня самостийничество утвердилось в Малороссии уже не в форме интернациональной «советской республики», а совершенно нззалежной и самостийной «державы», где Русские официально объявлены «*нацменьшинством*»!.. И что же: мы снова наблюдаем ту же картину пассивного безразличия, а нередко и прямого потакания украинской доктрине со стороны Русских историков и общественных деятелей без малейшей попытки вникнуть в суть ее важнейших императивов, воплощение которых в жизнь уже привело (и еще приведет!) к совершению многочисленных *преступлений* против Русского Народа и созданной им культуры.

Но в упор не хотят видеть этих преступлений наши доморощенные поборники украинских прав на самостийность. Ведут увещательные дискуссии, объясняют, оправдываются, призывают одуматься, выражают услужливую готовность идти на уступки и даже поделиться последним, только бы сохранить «дружбу» (или хотя бы видимость ее)... Очнитесь, господа! «Украинцам» абсолютно безразличны ваши добренькие, маниловские призывы, ведь осуществляемый ими в Малороссии антирусский террор – следствие не некоего недоразумения или ошибки, а *сознательного и продуманного* воплощения в жизнь украинской доктрины. Как раз этот террор и выражает *подлинную суть* самостийничества, а не мифическая «дружба двух братских народов»! Ведущиеся же вами псевдонаучные «дискуссии» с самостийниками только затемняют существо проблемы, а кроме того, идеологически разоружают Русских и лишают воли к сопротивлению этому террору. И не для «научной критики» мы столь пространно цитировали и цитировали идейных столпов украинства, начиная с пресловутой «Истории Русов» и заканчивая – через «солидных» Костомарова, Яворницкого, Субтельного, - совершенно шизоидными Дубиной и Плачиндой. И не с целью в очередной раз посмеяться над нашими *бывшими единоплеменниками*, возмнившими себя новой «украинской нацией» и принявших на основе этой совершенно бредовой идеи крушить и оплевывать все Русское. Здесь смех неуместен. Больше приличествуют слезы.

Хотя поначалу в Русской периодике именно ерничанье по поводу творимых «украинцами» глупостей задавало тон в освещении самостийничества. И только ширящийся поток сообщений об эскалации в Малороссии антирусского террора заставил переменить точку зрения. Впрочем, и она оказалась весьма далекой от истины. Фальшивый смех сменился не менее фальшивым лозунгом сохранить неизменной «вековечную дружбу двух народов»... Да не было ее никогда! И быть не может! Хотя бы потому, что с момента своего появления «украинцы» вели против Русского Народа самую беспощадную войну и отнюдь не ограничивались сферой идеологии, политики или исторической науки. Достаточно вспомнить *ТЕРЕЗИН* и *ТАЛЕРГОФ*, австрийские концлагеря, где были умучены и убиты тысячи Русских галичан, брошенных туда именно по доносам «украинцев». «Украинцы» же являлись в них и самыми жестокими палачами. И эта тема далеко не исчерпывает перечня украинских преступлений против Русской Нации. Какая уж тут «дружба»...

Конечно, на это мне могут возразить: а разве есть иной выход? И что теперь делать с этими бывшими Русскими, если они *сознательно* и на протяжении достаточно длительного времени отвергают свою Русскость, непременно желая быть «украинцами»? Нельзя же отрицать, что их уже *миллионы*? Даже если они – всего лишь «этнические мутанты», на сегодня за ними уже имеется определенная историческая традиция (пусть не многих веков, как им грезится, но хотя бы нескольких поколений), есть у них и собственная история (тех же галичан), отличная от Русской и никак с ней не связанная. Не можем же мы *силой заставить* их снова обратиться в Русских?..

Совершенно согласен с последним доводом: насилие в данном случае неуместно. Тем более, что нельзя признать «сознательным» отрицание, базирующееся на историческом *невежестве* и злонамеренной антирусской пропаганде. Потому и убежден: если человеку доказательно объяснить, что он – прирожденный Русский и предки его в течение *полутора тысячелетий*(!) были именно Русскими, и ни кем иным, а украинскую «национальность» ему придумали лишь для того, чтобы дурить его и грабить, да к тому же еще и вовлечь в прямую конфронтацию с собственным народом, - думаю, после такого рода разъяснений всякий нормальный человек в состоянии преодолеть то противоестественное положение, в которое загнал его украинство со своим категорическим императивом не утихающей ненависти к России и Русским. (*Только к России и Русским, заметьте!*).

Если разумному человеку внятно объяснить, что эта *ненависть* – единственное, что требуется от него как «украинца», то он рано или поздно осознает: отказ от своей *подлинной* Русской национальности обрекает его на истребительную *войну* со своими кровными братьями, а значит, и полную гибель. Ему уготована подлая и мерзкая роль «пятой колонны» и «пушечного мяса» в вековечной агрессии Запада (католицизма) против православной России. И ничего более. Вот *что* нужно разъяснять сегодняшним «украинцам», а не потворствовать мифу о якобы могущей быть между ними и Русскими «дружбе». (А, кстати, и о *численности*: тех самых «миллионах

украинцев». В первой части мы уже касались этой запутанной проблемы и могли убедиться, что даже советская перепись 1989 г. позволяет сделать однозначный вывод: «украинцы» в Малороссии составляют *меньшинство*. Конечно, учитывая условный характер самого украинского сообщества, невозможно определить *точную цифру* данного меньшинства. В переживаемый нами момент оперировать в этой области можно лишь приблизительными величинами. А.Железный, например, дает следующую цифровую сводку: «По данным статистики на 1 января 1991 г. на территории Украины проживали: украинцев – 19млн. человек, русских – 14млн., русско-украинцев (от смешанных браков) – 20млн., прочих национальностей – около 3млн. человек. Выходит, на момент провозглашения независимости народ Украины на 66% состоял из неукраинцев. И эта цифра в точности совпадает с реальным распространением у нас русского языка»(62).

Данные А.Железного в целом совпадают с нашими расчетами. Но есть, как мне кажется, и более объективный взгляд на эту проблему. Известный Русский мифолог и общественный деятель Галиции И.И.Терех (1880-1942) в своей статье «Украинизация Галичины», написанной сразу после присоединения западнорусских земель (Галиции, Буковины и Закарпатья) к СССР в 1939 г., отмечал: «Весь трагизм галицких «украинцев» состоит в том, что они хотят присоединить «Великую Украину», 35 миллионов, к маленькой «Западной Украине»... - 4 миллиона, то есть, выражаясь образно, хотят пришить кожух к гудзику (пуговице), а не гудзик к кожуху. Да и эти четыре миллиона галичан нужно разделить надвое. Более или менее половина из них, то есть те, которые полякам и немцам не удалось перевести в украинство, считают себя издревле русскими, не украинцами, и к этому термину, как чужому и навязанному насильно, они относятся с омерзением. Они всегда стремились к объединению не с «Украиной», а с Россией, как с Русью, с которой они жили одной государственной и культурной жизнью до неволи.

Из других двух миллионов галичан, называющих себя термином, насильно внедряемым немцами, поляками и Ватиканом, нужно отнять порядочный миллион несознательных и малосознательных «украинцев», не фанатиков, которые, если им так скажут, будут называть себя опять русскими или русинами. Остается всего около *полмиллиона* «завязтущих» галичан, которые стремятся привить свое украинство (то есть ненависть к России и всему Русскому) 35 миллионам русских людей Южной России и с помощью этой ненависти создать новый народ, литературный язык и государство»(63).

Понятно, что к настоящему моменту усилиями коммунистов и самостийников число «украинцев» раздуто до немыслимых размеров и значительно превышает указанную И.Н.Терехом цифру. Однако перемена обстоятельств (прежде всего восстановление в Малороссии Русской власти) вернет ее к первоначальной величине и, не думаю, что она намного будет превышать эти самые «полмиллиона завязтущих». Но как бы там ни было сегодня нас должна заботить участь не этого украинского меньшинства, а того Русского *большинства*, которое подвергается жестокому и унижительному угнетению со стороны самостийнической власти). Так что речь идет, еще раз подчеркну, не об огульном отрицании того *реального факта*, что из среды Русского Народа на определенном историческом этапе выделилась популяция «украинцев», численность коей на сегодняшний день, возможно, уже измеряется не тысячами, а миллионами. Я и не призываю к игнорированию данного исторического явления. Однако полагаю, что при этом нам следует, во-первых, восстановить *истинные причины*, обусловившие возникновение данной человеческой общности. И какой бы шокирующей и малоприятной не показалась кое-кому эта *правда*, она должна быть обнародована. Во-вторых, нам следует знать, что в течение долгих веков под польским, еврейским, немецким, румынским, венгерским игом сотни поколений Русских православных людей боролись и умирали за то, чтобы оставаться самими собой, т.е. *Русскими и Православными*. Боролись невзирая на беспрецедентный террор оккупантов. Забвение этой борьбы кощунственно и преступно. Тем не менее правда о ней до сих пор находится под спудом и причина здесь одна: она полностью разрушает версию «украинской истории», сочиненную самостийниками. Реальный «этногенез» «украинского народа» заключался в том, что не все Русские выдержали тяжесть этой борьбы: кто-то испугался, кто-то купился на посулы «лучшей жизни» и *отрекся*, вначале от веры отцов (уйдя в унию или католицизм), а следом и от своей природной национальности (став «украинцем»). Такова объективная историческая истина и каждый честный человек должен защищать ее от любых посягательств и инсинуаций. Во имя светлой памяти наших героических предков, ради достойного будущего наших детей.

И, наконец, последнее. Несмотря на многочисленные преступления, совершенные «украинцами» против собственного народа как в прошлом, так и настоящем, у меня, как и большинства Русских людей нет никакой враждебности к этим одуроченным, погибающим людям. Я всегда помню, что в жилах большинства из них (хотя далеко не всех) течет все же Русская кровь, и поэтому твердо верю: узнав *всю правду* о причинах, оторвавших их от родного племени, они найдут в себе мужество и силы сбросить омерзительный гнет украинской химеры и вернуться в лоно Русской Нации, которой принадлежат и по происхождению, и по крови.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Глава 1. :

1. Назаров М. Историософия Смутного времени. Избранные статьи 1989-1992. М.: 1993, с.54

2. там же, с. 49

3. там же, с. 47-50

4. там же, с. 49

5. там же, с. 66

6. там же, с. 55

7. там же, с. 55-57

8. Интересно отметить, что в своей недавно вышедшей книге (Тайна России. Историософия XX века. М.; "Русская идея", 1999, с.212-240) М. Назаров воспроизводит данную концепцию решения "украинской проблемы" без каких-либо изменений, *дословно*. Минувшие десять лет, по-видимому, ничем новым его историософского багажа так и не обогатили.

9. Осипов В. Русское поле. Сборник статей и очерков 1989-1996 гг. М.: "Десница", 1998, с. 66

10. там же, с. 67

11. там же, с. 153

12. там же, с. 162

13. там же, с. 65

14. там же, с. 66

15. там же, с. 65

16. Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1997, с. 186-187

17. там же, с. 8

18. там же, с. 191, 202-203, 283, 282, 263, 281, 304, 296
19. там же, с. 104, 103, 233, 179, 180, 171
20. там же, с. 185, 203, 202, 305,259, 274
21. там же, с. 78, 104, 105
22. Кожин В. История Руси и русского Слова. Современный взгляд. М.: "Чарли", 1997, с. 380
23. там же, с. 383
24. там же, с. 384
25. там же, с. 383
26. там же, с. 386
27. Назаров М. Историософия Смутного времени. с.51-52
28. Ульянов Н.И. Русское и великорусское. "Свободное слово Карпатской Руси", Н.-Й.: 1960, с.20
29. там же, с. 20-21
30. там же, с. 22
31. Кожин В. История Руси и русского Слова. с. 383
32. там же, с. 383-384

Глава 2. :

1. Кожин В. История Руси и русского Слова. с. 385
2. Железный А. Происхождение русско-украинского двуязычия в Украине. Киев: 1998, с. 82
3. там же, с. 29-30
4. там же, с. 64
5. там же, с. 83
6. там же, с. 47
7. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М.: 1998, с. 332-333
8. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб.: 1889, с.34-35
9. Украинский сепаратизм в России, с. 389
10. Украинский язык для начинающих. Киев: 1992
11. Гнаткевич Э. От Геродота до Фотия. "Вечерний Киев", 26 января 1993
12. Чепурко Б. Украинцы. "Основа", 3, Киев: 1993
13. Плачинда С. Словарь древнеукраинской мифологии. Киев: 1993
14. Кратко-Кутынский А. Феномен Украины. "Вечерний Киев", 27 июня 1995
15. там же, 9 декабря 1994
16. там же, 21 декабря 1994
17. Украина - это Русь. Литературно-публицистический сборник под ред. М.И. Туряницы. "ЛИО-Редактор", С.-Петербург: 2000, с.29

Глава 3. :

1. Кожин В. История Руси и русского Слова. с. 383
2. Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев: 1912, с.477
3. Украинский сепаратизм в России. с. 287
4. там же, с. 295
5. там же, с. 328
6. там же, с. 318

7. там же, с. 326-327
8. там же, с. 109-110
9. там же, с. 91
10. там же, с. 25
11. там же, с. 250-251
12. там же, с. 136
13. там же, с. 142-143
14. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: "Индрик", 1996, с.5-6
15. там же, с. 4-5
16. там же, с. 272-276
17. Грушевский М.С. Иллюстрированная история украинского народа. СПб.: 1913, с. 5
18. см. Украинский сепаратизм в России. с. 82
19. Очерки истории исторической науки. М.: "Наука", 1960, т.2, с.146

Глава 4. :

1. В феврале 2001г. правительство Украины приняло решение о внесении очередных нововведений в украинское правописание. Одни из них уже использовались в УССР в 20-е годы, однако, решающим фактором их внедрения стало то, что все они являются нормой языка украинской диаспоры. Вот лишь некоторые перлы этой "модернизации":

- писать "ия" в середине слов иностранного происхождения ("гениальный", "матэриал"); передавать иностранный дифтонг "аи" через "ав" ("авдыт", "авдытория", "авкцион", "инавгурация");

- употреблять как нормативные параллельные формы "эфир" - "этэр", "кафэдра" - "катэдра", "марафон" - "маратон";

- склонять заимствованные слова на "о" ("пальто" - "пальта" в родительном падеже, "кино" - "кина" и т.д).

Только массовые протесты, в том числе и со стороны так называемых "украинских националистов", вынудили правительство *временно* приостановить данную языковую "рэхворму", но отказываться от нее оно не намерено.

2.Обман века. Документы и материалы. К проблеме ратификации "Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве" между Россией и Украиной. М.: Институт стран СНГ 1999, с. 193-194

3. Донецкий кряж, 12 марта 1993

4. Кстати, все мои попытки разыскать книгу в Москве завершились безрезультатно. В издательстве объяснили, что весь тираж (1000 экз.) был передан в распоряжение автора. А куда он исчез после убийства В. Масловского, неизвестно.

5. Чебаненко С.В. Политические партии Украины. Политические партии Луганщины. Луганск: 1997, с. 114

6. "Донецкий кряж", апрель 1993

7. "Україна молода", август 1992

8. "Українські обрії" 1, январь 1993

9. Чебаненко С.В. Политические партии Украины. с. 213-214

10. "Галичина", 20 ноября 1999, официальный орган Ивано-Франковского областного Совета

11. Мисбан В. Рассказы по истории Украины. Киев: изд-во "Генега", 1997. Утвержден Министерством образования Украины как учебник для 5-го класса средней школы, с. 48

12. там же, с. 69

13. там же, с. 118-119

14. там же, с. 119-121

15. там же, с. 125

16. там же, с. 168

17. там же, с. 171

18. Мороко В., Турченко Ф. История Украины. Запорожье: изд-во "Просвита", 1999. Рекомендовано Министерством образования Украины как учебник для 9-го класса средней школы, с. 358

19. там же, с. 80-85

20. там же, с. 373

21. "Братья Славяне", май 2001

Выводы:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. Отношения, 1999, с. 179

2. там же, с. 134

3. см. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: "Экопрос", 1993, с. 493-532

Глава 5.:

1. Драгоманов М. Шевченко, українофіли і соціалізм. Львів: 1906, с.57-58

2. Єфремов С. Історія українського письменства. Київ: 1911, с.117

3. Шевчук В. Козацька держава. Стюди до історії українського державотворення. Київ: "Абрис", 1995, с. 333

4. там же, с. 346

5. там же, с. 335. 337

6. История Русов или Малой России. Репринтное воспроизведение 1846 года. Киев: РИФ «Дзвін», 1991, с.ІІІ

7. см. Шевчук В. Малороссизм – воскресшая старая социо-патологическая болячка. «Вечерний Киев», 31 января 1995

8. Шевчук В. Козацька держава..., с. 345-346

9. История Русов или Малой России, с. 94-95

10. там же, с. 204

11. там же, с. 82, 171, 177, 87, 88

12. там же, с. 98-99

13. там же, с. 255-256, 145

14. там же, с. 204, 206-207, 212-213, 209, 207

15. там же, с. 7, 28, 86, 35-36, 8, 28, 36, 32, 40

16. цит. По Назаров М. Историсофия Смутного времени, с. 66

17. История Русов или Малой Росси, с. 204, 208-209, 198-199

18. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма, с. 136

19. см. Карпов Г. Критический обзор разработки гланных русских источников до истории Малороссии относящихся. М.: 1870

20. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма, с.178

21. Костомаров Н. Руина. Мазепа. Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. М.: "Чарли", 1995, с. 577, 455, 514, 640, 584

22. там же, с. 731, 515, 594, 565, 567, 662

23. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма, с. 184-184,179

24. Костомаров Н. Богдан Хмельницкий, М.: "Чарли", 1994, с. 6

25. там же, с. 554-555, 588

26. Костомаров Н. Руина. Мазепа. Мазепинцы, с. 25, 24, 113

27. там же, с. 670, 636, 92, 136, 225, 86

28. Украина – это Русь, с. 61, 58, 63, 67

29. Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев: изд-во Киевского университета, 1989, с. 591

30. Украина – это Русь, с. 22-23
31. Яворницкий Д.И. Історія запорозьких козаків. В 3-х тт. Київ: “Наукова думка”, 1990-1991, т.3, с. 8
32. там же, т. 2, с. 28
33. там же, с. 45-46
34. Субтельный О. Украина. История, Київ: “Либідь”, 1994, с. 85, 93, 94-95, 89, 90-91, 317-318, 406-407, 433
35. там же, с. 538, 539, 470, 552, 488, 480, 497, 490-491, 533, 513, 536, 541-543, 569, 619
36. Ильин И. Наши задачи. Исторические судьбы и будущее России. В 2-х тт. М.: “Рарог”, 1992, т. 1, с. 115-117
37. Щербаківський В. Формування української нації. Прага: 1941, . 6
38. Петров В. Походження українського народу. Київ: МП “Феникс”, 1992, с. 23-24
39. там же, с. 19
40. Субтельный О. Украина. История, с.14
41. Петров В. Походження українського народу, с. 47, 52
42. Субтельный О. Украина. История, с. 17
43. Петров В. Походження українського народу, с. 72, 78
44. “За вільну Україну” 31 августа 1996
45. “Літературна Україна” 25 октября 1990
46. “Українська культура” 1997 1
47. Украина – это Русь, с. 27
48. Монографию А.Дикого я обнаружил в Интернете, сайт “Украинские страницы”. Насколько знаю, в России она не издавалась, а заграничного издания в моем распоряжении нет. Поэтому указываемые мной при ссылках страницы, конечно, имеют чисто условный характер, но дают читателю возможность хотя бы самой общей ориентировки.
49. Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси , т. 1, с. 187, 188
50. там же, т. 2, с. 3
51. там же, т. 1, с. 113
52. там же, т. 1, с. 114
53. там же, т. 2, с. 158
54. там же, т. 2, с. 12, 164-166
55. там же, т. 2, с. 172, 174, 179
56. там же, т. 2, с. 174
57. там же, т. 1, с. 111
58. там же, т. 2, с. 158-159
59. там же, т. 2, с. 180, 186, 184-185, 192-195
60. там же, т. 2, с. 207
61. там же, т. 2, с. 241
62. Железный А. Происхождение русско-украинского двуязычия в Украине, с.78
63. Украина – это Русь..., с.130

[На главную](#)